

1 (53) Леопольд Моцарт — Лоренцу Хагенауэру в Зальцбург

Людвигсбург, 11 июля 1763 г.

[...] 9-го поздно вечером я прибыл в Людвигсбург. Успел посмотреть пьесу — французскую] комедию. [Ранее, чем] 10-го утром, не смог поговорить с оберкапельмейстером Йомелли и оберъегермейстером бароном ф[он] Пельницем, к которым у меня было письмо от г-на графа ф[он] Вольффегга. Однако все было напрасно. Г-ну Томазини, который был здесь за 14 [дней] до меня, тоже не удалось дать себя послушать. Как я слышал, у герцога¹ есть милая привычка заставлять людей долго ждать, прежде чем их послушать; а потом заставляет долго ждать, пока [он] их отблагодарит. Только все это мне кажется делом рук г-на Йомелли, который прилагает все усилия, чтобы искоренить при этом дворе немцев и никого, кроме итальянцев, не допускать. Ему это уже почти удалось и удастся совершенно, ибо наряду с 4000 фл[оринами] ежегодного содержания, кормом для 4 лошадей, дровами и светом, домом в Штутгарте и домом в Людвигсбурге, он еще в высшей степени пользуется милостью герцога и его жены, после смерти которого добавятся еще 2000 флоринов. Как Вам нравится такое место капельмейстера? Кроме этого, у него и в музыке неограниченная власть: именно он определяет, хороша ли музыка. Насколько сильно Йомелли отдает предпочтение своей нации, Вы можете заключить из того, что по его мнению и мнению других его соотечественников, которые всегда наполняют его дом, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение, было бы удивительно и вряд ли вероятно, что у ребенка немецкого происхождения мог бы быть такой музык[альный] гений и так много души и огня. Ridete amici!² [...]

2 (88) Леопольд Моцарт — Лоренцу Хагенауэру в Зальцбург

Лондон, 28 мая 1764 г.

[...] не проходит и дня, чтобы [Вольфганг] по меньшей мере 30 раз не говорил о Зальцбурге, о своих и наших друзьях и благодетелях. Сейчас все его мысли заняты оперой, которую он хочет поставить в Зальцбурге с одними только молодыми людьми. Я уже много раз называл ему имена молодых, которых он записывает в оркестр, [...]

3 (125) Леопольд Моцарт — Лоренцу Хагенауэру в Зальцбург

Вена, 30 января 1768 г.

[...] Теперь для того, чтобы публика поняла, с кем она имеет дело, я решился на нечто совершенно особенное, а именно: он должен написать оперу³ для театра. И что Вы думаете, какие толки пошли среди этих композиторов? «Что такое? Сегодня мы видим Глюка, а завтра за роялем своей оперой будет дирижировать двенадцатилетний мальчик?» Да, вопреки всем завистникам! Я даже Глюка привлек на нашу сторону, и если ему подобное и не очень по сердцу, он этого не покажет, ибо наши покровители — те же, что и его. А чтобы заручиться поддержкой артистов, которые обычно доставляют композитору наибольшие неприятности, я начал с них. И один [из] них сам пошел мне навстречу. Сказать по правде, первым, кто подал идею, чтобы Вольфганг написал оперу, был сам император⁴, который 2 раза спрашивал Вольфганга, не хочет ли он сочинить оперу и сам ею дирижировать? [...]

¹ Карл II Вюртембергский (1728-1793).

² Смейтесь, друзья (ит.).

³ «Мнимая простужка» {Lafinta semplice, 1768}.

⁴ Иосиф II (1741-1790).

[...] потому что тем временем все композиторы, среди которых Глюк — первый, сделали все, чтобы помешать продвижению этой оперы. Певцов уговорили, оркестр натравили и сделали все, чтобы помешать постановке этой оперы. Певцы, которые едва знают ноты (а среди них есть такие, которые абсолютно все учат на слух), говорят теперь, что они не могут петь свои арии, которые раньше они слушали у нас в комнате, одобряли, аплодировали и говорили, что они им подходят. Оркестр, дескать, не должен позволять мальчику дирижировать собой etc., и сотня подобных вещей. Тем временем некоторые распускают слухи о том, что музыка ни к черту не годится; другие — что музыка не подходит к словам, и написана против метра, и к тому же мальчик недостаточно понимает итальянский язык... Когда я узнал об этом, то в самых важных домах стал приводить в доказательство слова отца музыки Хассе и великого Метастазиио, которые сказали, что, мол, пусть те клеветники, которые распускают эти слухи, придут к ним, и они сами им скажут, что из 30 опер, которые идут в Вене, ни одна ни в чем не может сравниться с оперой этого мальчика, которой оба они восхищаются в высшей степени. Тогда стали говорить, что оперу написал не мальчик, а отец. Здесь, однако, доверие клеветникам кончилось: они промахнулись и попали ab uno extremo ad aliud¹. И сразу сели в лужу. Я велел принести первый попавшийся том сочинений Метастазиио, открыть книгу и первую же арию, которая попадется под руку, дать Вольфгангу. Он схватил перо и, не задумываясь, в присутствии большого числа уважаемых людей с удивительной скоростью стал писать музыку для оркестра с большим количеством инструментов. При этом присутствовали капельмейстер Боно, аббат Метастазиио, Хассе, герцог фон Браганза и князь Кауниц. [...] Сотни раз я хотел упаковаться и уехать отсюда. Была бы это опера сериа², то я уехал бы тотчас. Да, в первый же момент, и положил бы ее к ногам Его Высококняжеской милости. Но поскольку это опера-буффа³, да к тому же такая, которая требует особых характеров персонажей buffa, то я должен спасти нашу честь здесь, чего бы это ни стоило. При этом мы также защитим и честь нашего милостивого князя, ибо Его Высококняжеская милость держит на службе не лжецов, фокусников или обманщиков, которые преднамеренно и с милостивого разрешения Его Высочества отправляются в чужие земли, чтобы, словно шарлатаны, морочить голову людям, а честных людей, которые в честь их князя и отечества являют миру чудо, которое по велению Божьему родилось в Зальцбурге. Перед Всемогущим Богом я обязан сделать это, иначе я был бы неблагодарнейшей тварью: *если мне предначертано когда-либо убедить свет в существовании чуда, то сделать это я должен именно сейчас, когда все, что только можно назвать чудом, не хотят признать и делают посмешищем*. Посему их нужно убедить. Для меня было великой радостью и большой победой, когда один вольтериянец с удивлением сказал мне: *Теперь я хоть раз в своей жизни видел чудо. Впервые!* Однако поскольку это чудо слишком явно и, следовательно, неоспоримо, то его хотят подавить: *Не хотят видеть Божьего промысла*. Они считают, что это вопрос нескольких лет. А потом, мол, все станет на свои места и перестанет быть чудом Божьим. А посему не хотят явить его миру. А где еще, как не в таком большом и многолюдном городе, на публичном представлении, это могло стать более убедительным? Но следует ли нам удивляться преследованиям чужаков, когда почти то же самое происходит и в родном городе этого ребенка? ... какой позор! какая бесчеловечность! [...]

5 (145) Моцарт — неизвестной девочке

Зальцбург, 1769 г.?

Подруга!

Я прошу прощения, что позволяю себе вольность докучать Вам несколькими строками; но поскольку Вы вчера сказали, что Вы все понимаете и что я могу писать Вам по-латыни что только захочу, то меня пересилило любопытство написать Вам разные латинские слова и строчки. Будьте так добры, когда Вы их прочтете, то пошлите мне ответ через человека Хагенауэра⁴, потому что наша Наналь не может ждать. Но Вы должны ответить мне тоже письмом.

Superem scire, de qua causa, a quam plurimis adolescen-tibus otium adeo aestimatur, ut ipsi se nec verbis, nec verberibus, ab hoc sinant⁵.

abduci⁶

Вольфганг Моцарт

¹ Из одной крайности в другую (лат.).

² Серьезная опера (dramma per musica).

³ Комическая опера (commedia per musica, dramma giocoso).

⁴ Служанка Хагенауэра.

⁵ Хотелось бы знать, почему подавляющее число молодых людей так дорожат бездельем, что не помогают ни уговоры, ни побои (лат.).

⁶ Здесь: очевидно - шутник (ит.).

[...] Приписка Моцарта матери и сестре:
Любимейшая мама.

Мое сердце полно восторга от совершенного удовольствия, потому что мне так весело в этом путешествии, потому что так тепло в карете и потому что наш кучер — храбрый малый, который, если немного позволяет дорога, едет так быстро[!]. О нашей поездке Папа, должно быть, уже отписал маме. Причина, по которой я пишу маме, — показать, что я помню свой долг, с которым остаюсь в глубочайшем почтении Ваш верный сын

Вольфганг Моцарт
Carissima sorella mia¹

Siamo arrivati a wirgel grazia iddio felicissimamente, se devo confefiare la verita, devo dir cosi, che e si allegro di viaggiare, e che non fa freddo niente, e che neUa nostra corozza fa si caldo come nella camera, come va col mal di gola? non e venuto il medesimo giorno che siamo partiti il nostro signor seccatore? se tu vedi il signor de Schidenhofen, dice, che canto sempre: Tralaliera, Tralaliera, e digli, che non e neceBario adeBo da cetar dei zucheri nella suppa, stante non sono a salispurgo. a lover pransernmo e Dormimmo dal sig: de Helmreich, che e prefecto la. la sua moglie e una brava signora, ella e la sorella dell signor moll, egli mi fa famme, ho gran gusto di mangiare, vivi intanto bene, addio:

Вольфганг Моцарт

P.S: un Complimento a tutti miei buoni amici al signor hagenauer (al mercante) alia sua moglie, ai suoi figli e figlie, alia Signora Rosa e al suo marito, e al sig: adlga Ber, spizeder. il sig: hornung dimanda in vece mia se lui non ha creduto una volta ancora che foJM io in letto in vece tua.

7 (153) Моцарт — сестре в Зальцбург

Верона, 7 января 1770 г.

Любимейшая сестра.

Я уже было захандрил, потому что так долго напрасно ждал ответ. Другая причина — я не получил твоего письма от 1-го. Теперь немецкий рохля писать кончает, а начинает — итальянский рохля². Lei e piu franco nella lingua italiana, di quel che mi ho imaginato. lei mi Dica la cagione, perche lei non fu nella Comedia che anno giocato i cavalieri? adesso sentiamo sempre opere: eche e Titulata: il Ruggiero³. Oronte il padre di bruciamento e unprencipe, (fa il sig: offeri) un bravo cantante, un paritono, ma (вынужденно, когда он переходит на фальцет, но все же не так сильно, как Тибальди в Вене). Bradamenta, figlia d'oronte, mamorata di Ruggiero, ma, (она должна выйти замуж за Леона, но она этого не хочет) fa, una povera baroneBa, che ha avuto una gran disgratia, ma non so che? Recita (под чужим именем, только я этого имени не знаю) ha una voce pasable, e la Statura non sarebbe male, ma distona come il Diabolo. Ruggiero un Ricco principe, innamorato della bradamenta, un Musico, canta un poco manzolisich, ed a una bellissima voce forte, ed e già Vecchio, ha cinquanta cinque anni, ed a una страшная глотка. Леон, должен жениться на bradamente, богатissimo est, но так ли он богат вне театра, этого я не знаю, fa una Donna, la moglie di offeri, a una bellissima voce, ma c'è tanto sussurro nell theatro, che non si sente niente, bene, fa una sorella di Lolli, del gran violinista, che abbiamo sentito a Vienna, a una schnoffelte voce, e canta sempre на одну четверть tardi, o troppo a buon ora. Ganno fa, un signor, che non so come egli si chiama, e la prima volta che lui Recita. Между каждым актом — балет. Здесь есть один прекрасный танцор, по имени Monsieur Рюслер. Он немец и танцует очень мило. Когда мы последний раз (но, конечно, не в последний раз) были в опере, мы попросили M[есяе] Рюслера подняться к нам на балкон (ибо нам дали балкон маркиза Карлотти, и у нас был ключ от него) и говорили с ним. Argoros: теперь все в маскарade; самое comote⁴, когда имеешь на шляпе маску — у тебя привилегиум не снимать шляпу, когда тебя приветствуют, и никого не называть по имени, а всегда: servitore umilipimo, giora Mascara. Cospeto di

¹ Дорогая моя сестра. Мы прибыли в Виргель, слава Богу, благополучно. Должен тебе признаться, что путешествие было очень приятным. Было совсем не холодно. В карете было тепло, как в комнате. Как твое больное горло? Уехал ли, наконец, наш занудный господин? Если увидишь господина Шиденхофена, скажи ему, что я постоянно напеваю траляльера-траляльера, и еще скажи ему, что поскольку я не в Зальцбурге, ему совсем не обязательно в суп класть сахар. Я остановился у г-на Гельмрейха, префекта. Его жена - хорошая женщина, она приходится сестрой г-ну Моляно. Он всегда разжигает мой аппетит, и я кушаю с большим удовольствием. Будь здорова, прощай.

P.S: Передай поклон моим хорошим друзьям, синьору Хагенауэру (коммерсанту), его жене, его сыновьям и дочерям, синьоре Розе и ее мужу, синьору Адльгассеру, остряку. Спроси синьора Хорнунга, поверит ли он еще раз, что я лежу в постели вместо тебя (ит.).

² Поскольку у Моцарта в этой части письма итальянский язык постоянно перемежается с немецким, то в сноске, для легкости чтения, перевод идет непрерывный:

«...Она в итальянском языке сильна более, чем я себе это представлял. Она сообщила мне причину, по которой не присутствовала в комедии, в которой играли кавалеры (мужчины). В настоящее время дают оперу под названием il Ruggiero. Главную роль Оронте, отца Брадаманте, исполняет синьор Аффери, хороший певец - баритон (переходит на фальцет, но все же не так часто, как Тибальди в Вене). Роль Брадаманте, дочери Оронте и возлюбленной Руджеро, (она должна выйти замуж за Леона, но она этого не хочет) исполняет несчастная баронесса, у которой случилась какая-то беда, но какая именно, я не знаю. (Она выступает под чужим именем).

У нее довольно приличный голос, неплохая фигура, но фальшивит, как черт. Руджеро, богатый принц, возлюбленный Брадаманте, музыкант, ревет как бык, у него сильный и очень красивый голос, но он уже старый - ему 55 лет, и у него страшная глотка. Леон должен жениться на Брадаманте, он очень богат, но так ли он богат за стенами театра, этого я не знаю. У Аффери очень красивый голос. Но в театре стоит такой громкий шепот, что ничего не слышно. Партию Ирены исполняет сестра Лолли, великого скрипача, которого мы слышали в Вене. У нее гнусавый голос и она все время или отстает на одну четверть или, наоборот, убегает вперед. Роль Ганно исполняет синьор, имени которого я не знаю. Он выступает впервые». (Далее см. по тексту письма).

³ «Руджеро», опера seria Пьетро Алессандро Гульельми (1728-1804).

⁴ Очевидно, от comodo — удобно (ит.).

Васо¹, вот это да! Что, однако, самое удивительное, так это то, что мы в 7 часов [или] около половины 8-го уже ложимся: se lei indovinsse questo, io direi certamente, che lei sia la Madre, di tutti indovini². Поцелуй за меня маме руку, а тебя я тысячу раз целую и заверяю, что всегда останусь твоим искренним, верным братом *portez vous bien, et aimez moi toujours*³.

Вольфганг Моцарт

8 (158) Моцарт — сестре в Зальцбург

Милан, 26 января 1770 г.

Меня от всего сердца радует, что тебя так позабавило это катание на санках, и желаю тебе тысячу возможностей для веселья, чтобы ты могла наслаждаться жизнью. Но меня огорчает, что ты заставляешь бесконечно вздыхать и страдать г-на фон Мелька и что ты не катаешься с ним на санках из боязни, что он может тебя опрокинуть. Сколько носовых платков он испортил, плача из-за тебя в тот день[!] Он уже принял из-за тебя едва ли не 2 лота винного камня, который, должно быть, избавил его от жестокой нечистоты тела, которой он страдает. Больше ничего нового нет, кроме того, что г-н Гелерт — поэт из Лейпцига — умер и после смерти больше ничего не сочинял. Прежде чем начать это письмо, я закончил арию из *Demetrio*⁴, которая начинается так:

Misero Tu non sei:
Tu spieghi il Tuo Dolore;
e se non desti amore;
Ritrovi almen pietà.
Misera ben son io
che nel segreto laccio
amo, non spero e taccio
e l'idol mio nol sa⁵.

Опера в Мантуе была милой; они давали Де[м]етрио. Примадонна поет хорошо, но тихо, и если бы ее не видеть на сцене, а только слушать, то можно было бы подумать, что она не поет, ибо она не может и рта открыть, а только пищит, что однако для нас не в новинку. *La seconda Dona*⁶ выглядит, как гренадер, и голос у нее тоже сильный; поет в самом деле неплохо, хотя на сцене в первый раз. *Il primo uomo il musico*⁷ поет прекрасно, но голос неровный; зовут его Касселли. *Il Secondo uomo*⁸ уже стар, и мне не нравится. Зовут его [пропуск]; он тенор. Еще один — Отини; поет неплохо, да только тяжело, как все итальянские теноры. Он наш очень хороший друг. Как зовут другого — не знаю; он еще молод, но нечего особенного. *Primo ballerino*⁹ хорош. Прима балерина хороша, и говорят, что недурна, хотя вблизи я ее не видел. Остальные — ничего особенного. Был там некто Крудессер, который хорошо прыгает, но не так, как пишу я; как свиньи подхрюкивают.

Оркестр был неплох. В Кремоне оркестр хорош, первую скрипку зовут Спаньолетто. Примадонна неплоха, [но] уже стара, как собака; поет не так хорошо, как играет; она — жена одного скрипача, который играет в опере; зовут ее Мази. Опера называется *La clemenza di Tito*¹⁰. *Seconda Dona* на сцене недурна, молода, однако ничего особенного. *Primo huomo Musico* — Чиконьяни. Милый голос и красивое *Cantabile*. Двое других — кастраты; молоды и вполне приличны. Тенора зовут *non lo so*¹¹. У него приятный характер, очень похож на Леруа в Вене, который приходил к Леману. *Ballerino primo* хорош, *Ballerina Prima* хороша. Там была танцовщица, которая недурно танцевала, но это не для номера на бис в опере, а для театра, куда никто не ходит. Остальные ничего особенного. Крудессер тоже был там (тот, который при каждом прыжке подпускал). О Милане я тебе, честно говоря, написать могу не много. В опере мы пока еще не были; слышали, что опера не на высоте. Априле *primo uomo* хорошо поет, обладает красивым ровным голосом, мы слушали его в одной церкви, где как раз был большой праздник. Мадам Пиччинелли из Парижа, которая пела на нашем концерте, выступала в опере. Месье Бич, который танцевал в Вене, танцует здесь в Милане. Опера называется *Didone abbandonata*¹². Эта опера скоро заканчивается, и син[ьор] Пиччинини, который пишет будущую оперу, здесь в Милане. Я слышал, его опера называется *Cesare in Egitto*¹³. Здесь устраивают праздники *di Ballo*¹⁴; как только опера будет

¹ Ваш покорный слуга, маскарадный манекен, черт побери (ит.).

² Если бы она угадала, то я бы признал, что она самый лучший из пророков (ит.).

³ Ведите себя хорошо и любите меня (фр.).

⁴ 1 акт, 4 сцена из оперы «Деметрий» (*Demetrio*) Иоганна Адольфа Хассе; композиция Моцарта утеряна.

⁵ Твои страдания не найдут отклика в моей душе, если в тебе не горит огонь любви. Я люблю тайно и безнадежно и несчастна оттого, что вынуждена скрывать эту горькую тайну от того, кого обожаю (ит.).

⁶ Вторая певица (ит.).

⁷ Первый из мужских голосов (ит.).

⁸ Второй из мужских голосов (ит.).

⁹ Первый танцовщик (ит.).

¹⁰ «Милосердие Тита» (*La clemenza di Tito*) Мигеля Анжело Валентини, либретто — Пьетро Метастазιο.

¹¹ Не знаю (ит.).

¹² «Покинутая Дидона» (*Didone abbandonata*) в действительности написана Никколо Йоммелли, хотя возможно также и Игнацио Челониатом (*Celoniati*); либретто Метастазιο.

¹³ «Цезарь в Египте» (*Cesare in Egitto*) Пиччинини, текст — Джакомо Франческо Буссани, переработка — Карло Гольдони.

¹⁴ Бал (ит.).

готова, начнется и праздник di ballo. Экономка графа Фирминана¹ - венка. В прошлую пятницу мы там обедали; в воскресенье снова будем там обедать. Будь здорова и целуй маме in vese mia² тысячу раз руки. Остаюсь тебе до смерти верным братом

Вольфганг де Моцарт
Дворянин из Гогенталя
друг многих домов.

9 (168) Моцарт — сестре в Зальцбург

Болонья, 24 марта 1770 г.

Ах ты прилежная моя!

Поскольку я так долго лентяйничал, то подумал, что не повредит, если я на короткое время снова стану прилежным. В те почтовые дни, когда приходят немецкие письма, еда и питье для меня намного вкуснее. Я прошу, напиши мне, кто поет оратории. Напиши мне также название ораторий. Напиши мне также, как тебе нравятся гайдновские менуэты³, лучше ли они, чем первые⁴. То, что господин фон Аман снова здоров, радует меня до глубины души. Прошу тебя, скажи ему, что он должен беречь себя: пусть избегает сильных commotion⁵. Скажи ему это, я прошу тебя. А еще скажи ему, что [...] я вспоминаю, как мы в Трибенбахе играли в шарады и как он изображал имя Шраттенбах, изобразив мешок с железяками и звук воды⁶. И скажи ему также, что я часто вспоминаю, как он говорил мне: Давайте распределимся, а я ему отвечал: как, снова! [?] В следующий раз я pošлю тебе менуэт, который г-н Пик танцевал в театре и который затем все танцевали на празднике di ballo в Милане, только для того чтобы ты поняла, как медленно танцуют. Менуэт сам по себе очень красив. Он, конечно, из Вены и определенно Теллера или Штарцера. В нем много нот. Почему? Потому что это театральный менуэт, и он медленный. В миланских или итальянских менуэтах много нот, они медленные и в них много тактов. Напр., в первой части — 16 тактов, во второй — 20 и 24 такта. В Парме мы познакомились с одной певицей и слушали ее у нее дома; я имею в виду знаменитую Бастарделлу, у которой 1) красивый голос, 2) крепкая глотка, 3) невероятные верха. Следующие ноты и пассажи она пела в моем присутствии.

10(177) Леопольд Моцарт — жене в Зальцбург

Рим, 21 апреля 1770 г.

[...] Приписка Моцарта сестре:

Cara sorella mia,

Io mi rallegro vi ha piaciuto quel menuetto che vi mandai da Bologna, che ballo il sig. pick a Milano. Spero che riceveste quella contradanza che vi mandai nella prima lettera di Roma, scrivetelomi poi tutto, come vi piacque...⁷ Прошу тебя, найди уроки арифметики, ибо ты их записывала, а я потерял и теперь ничего не помню. Я прошу-у тебя переписать их для меня вместе с другими примерами и прислать мне.

У Манцуоли контракт с миланцами петь в моей опере⁸. Он спел мне во Флоренции четыре или пять арий, а также несколько моих, которые мне пришлось сочинить в Милане⁹, потому что там еще ничего не слышали из моих театральных] сочинений, чтобы показать, что я в состоянии написать оперу. Манцуоли запросил 1000 дукатов. Еще не известно, точно ли приедет Габриэлли. Одни говорят, будет петь де'Амичис, которую мы увидим в Неаполе. Мне бы хотелось, чтобы пели она и Манцуоли. Это были бы двое наших хороших знакомых и друзей. Либретто еще тоже неизвестно. Одно - творение Метастазиио — я рекомендовал дону Фердинанду и господину фон Тройеру. Сейчас я как раз работаю над арией: se ardire e speranza¹⁰.

¹ Правильно: Фирмиан.

² Зд. за меня (ит.).

³ 6 танцевальных менуэтов Михаэля Гайдна (2-ая серия).

⁴ Первая серия из 12 менуэтов-танцев Михаэля Гайдна.

⁵ Волнения (фр.).

⁶ Игра, в ходе которой жестами и звуками изображается какое-либо понятие (похожая на нашу игру в шарады). Здесь водящий должен был изобразить имя архиепископа Шраттенбаха, что он и сделал, разбив фамилию Schrattenbach на Schrettbeutel (мешок с железным ломом) и имитацию звуков журчащей воды — ручья (Bach).

⁷ Дорогая сестра. Меня радует, что Вам понравился менуэт, который я послал Вам из Болоньи и который танцует синьор Пик в Милане. Надеюсь, Вы получили контрданс, который я послал в первом письме из Рима. Напишите мне обо всем и как Вам понравилось... (ит.)

⁸ «Митридат, царь Понтийский» (Mitridate, re di Ponto, KV87/74a). В миланской премьере (26 декабря 1770 г.) не пели ни Манцуоли, ни Габриэлли, ни де Амичис.

⁹ Misero tu pop sei KV Anh. 2 (KV6 : 73A); Fra cento affanni KV 88/73c); Misero me! - Misero pargoletto KV 77/73e.

¹⁰ Se ardire, e speranza KV 82/73o, текст из «Демофонта» (Demofonte) Пьетро Метастазиио.

[...] Приложение Моцарта сестре:

30-го начнется опера¹, которую сочинил [Йомелли]. Мы видели королеву и короля во время мессы в portec² в придворной капелле; видели мы также и Везувий. Неаполь красив, но многолюден, как Вена и Париж. Не знаю, воспитаны ли в Неаполе люди менее, чем в Лондоне или нет, но здесь есть специальный правитель для народа laceroni³, который каждый месяц получает от короля 25 ducati d'argento⁴ только за то, чтобы держать laceroni в повиновении. В опере поет Деамичис. Мы были у нее, и она нас сразу же узнала [...]. Вторую оперу сочиняет Кафаро⁵, 3-ю Чичио де Майо⁶, а [кто] четвертую — еще не известно. Прилежно ходи в [Мирабель] к мессе и послушай Regina coeli или salve regina; хорошо спи, и пусть тебе не снится ничего плохого. Г-ну фон Шиденхофену мой жестокий поклон, тра-ля-ля, тра-ля-ля, и скажи ему, пусть научит Repetiter'a играть на клавише менуэт, чтобы он не сделал забыть его. Он должен сделать это поскорее, чтобы сделать мне удовольствие, [потому] что я когда-нибудь буду ему делать аккомпанемент. Всем остальным добрым друзьям и подругам сделай поклониться от меня, и делай быть здоровой, и не делай умирать, чтобы ты еще могла делать писать мне письмо, а я на то сделаю тебе еще одно, и так мы и дальше будем делать, пока мы не сделаем что-нибудь еще, но я таков, что буду делать до тех пор, пока уже ничего невозможно будет делать, а пока я делаю оставаться

Вольфганг Моцарт

12 (189) Леопольд Моцарт — жене в Зальцбург

Неаполь, 5 июня 1770 г.

Приложение Моцарта сестре:

Cara sorella mia.

Сегодня сильно курится Везувий, разрази его гром; обедали у г-на Долля. Это немецкий композитор и славный мужик. А сейчас я опишу свою биографию. Каждый раз я в 9 ore, qualche volta anche каждый Dieci mi sveglio, e poi andiamo fuor di casa, e poi pransiamo d'un trattore e Dopo pranzo scriviamo et di poi sortiamo e indi ceniamo, ma che cosa? — Al giono di grafo, un mezzo puljo, ovvero un piccolo boccone d'un arosto, al goirno di magro, un piccolo pesce, e di poi andiamo a Dormire, est ce que vous avez compris? redma dofia Зольцбургска don as — хитра. Мы, слава Богу, здоровы, do Voda и я; я надеюсь ты чувствуешь себя тоже хорошо, как и мама, se viene un altra volta la sig: aloisia de Шитенхофен fatte da parte mia il mio complimento.⁵² Неаполь и Рим — два сонных города. Красиво пишу, правда? Напиши мне, не ленись, altrimenti everete qualche bastonate di me. quel plaisir! Je te saßerei la tête.⁵³ Я уже радуюсь портрету, и [мне] любопытно, что я там увижу, понравится ли мне, а то закажу [себе] тоже под Воданом. детка, я тебе вот что скажу: и где ж ты была! Скажи, где была тогда, а! Вчера мы были в компании с г-ном meuricofre, который передает привет тебе и маме. Опера Йомелли⁵⁴ хороша, но слишком заумна и слишком старомодна для театра. Де Амичис поет несравненно, как и Априле, который пел в Милане; танцы страшно помпезны; театр прекрасен; король воспитан грубо, по-неаполитански, и в опере всегда стоит на скамеечке, поэтому кажется немного выше королевы; королева красива и вежлива, она самым дружеским образом приветствовала меня шесть раз на толо⁵⁵ (во время прогулки в карете). Господа дают нам каждый вечер карету для прогулок по толо. В воскресенье мы были приглашены на бал, который давал французский посланник. Больше писать нечего. Всем хорошим друзьям и подругам мой поклон. Будь здорова

P.S. целую руки маме.

Вольфганг Моцарт

¹ «Покинутая Армида» (Armida abbandonata), опера-серия Николо Йоммелли.

² Зд.: при входе в капеллу (ит.).

³ Правильно: lazzarone, неимущая часть населения Неаполя (ит.).

⁴ 25 дукатов серебром (ит.).

⁵ «Антигон» (Antigono) Паскуале Каффаро (1706-1787); премьера 13 августа 1770 г.

⁶ «Эвмен» (Еитепе) Жана Франческо де Майо (1732-1770), закончена Джакомо Инсангвине и Паскуале Эрричелли; премьера 20 января 1771 г.

13 (204) Леопольд Моцарт — жене в Зальцбург

Болонья, 21 августа 1770 г.

Приписка Моцарта сестре:

Я тоже все еще жив и довольно весел. Сегодня у меня появилось желание прокатиться на осле, ибо в Италии это такой обычай, и я подумал, я тоже должен это попробовать. Мы имеем честь общаться с неким доминиканцем,⁵⁶ которого считают святым; я не очень в это верю, ибо на завтрак он часто пьет чашку cioccolata и сразу после этого — добрый стакан крепкого испанского вина. Я сам имел честь обедать с этим святым, который за обедом выпил графин вина, а напоследок целый стакан крепкого вина, [съел] два хороших куска дыни, персик, грушу, 5 чашек Caffè, целую тарелку птицы, две полные тарелки молока с лимонами; причем все это с мясом, но я не верю, потому что это было бы уже слишком, хотя за обедом он ест много разных блюд. Addio. Будь здорова. Целуй за меня маме руки. Всем, кто меня знает, — мой поклон.

Вольфганг Моцарт, 1770 г.

P.S. Мы познакомились с одним известным немецким доминиканцем, pater Cantor; он мне сказал, чтобы я передал от него в Зальцбург поклон г-ну Хагенауэру скульптору; он сказал, что, будучи в Болонье, исповедовался у него.

addio.

14 (242) Леопольд Моцарт — жене в Зальцбург

Милан, 24 августа 1771 г.

[...] Приписка Моцарта сестре:

Обожаемая сестра!

В дороге мы сильно намучились от жары, и нас засекала наглая пыль; мы бы определенно задохнулись и заболели, если бы не были хитрее. Здесь целый месяц напролет (говорят миланцы) не было дождя. Сегодня стало немного накрапывать, однако сейчас опять светит солнце и снова очень тепло. То, что ты мне обещала (ты сама знаешь что, дорогая ты моя!) — сделай, я прошу тебя; я буду тебе очень обязан. У принцессы накануне было деловое заседание. Ну и накидала же она!⁵⁷ [...] Больше нет ничего нового. Напиши мне что-нибудь новенькое. Мой поклон всем хорошим друзьям и подругам, а маме целую руку. Сейчас я задыхаюсь от жары! И срываю с себя одежды. Addio. Будь здорова.

Вольфганг

Над нами скрипач, под нами еще один, рядом с нами учитель пения, который дает уроки, в последней комнате напротив нас гобоист. Это весело, когда сочиняешь! Подает много идей.

15 (254) Леопольд Моцарт — жене в Зальцбург

Милан, 2 ноября 1771 г.

Приписка Моцарта:

Папа сказал, что господин Кершбаумер⁵⁸ провел свое путешествие с пользой и сделал всевозможные наблюдения. Можем заверить, что он вел себя весьма разумно. Сам он, конечно же, может рассказать о своем путешествии лучше, чем некоторые из его друзей, которые Парижа толком и не видели, потому как дома там слишком высокие. Сегодня опера Хассе;⁵⁹ но Папа сегодня не выходит, и я тоже не могу. К. счастью я знаю все арии наизусть и могу их слушать и видеть дома в мыслях.

16 (269) Леопольд Моцарт — жене в Зальцбург

Милан, 5 декабря 1772 г.

[...] Приписка Моцарта сестре:

Теперь мне нужно написать еще 14 номеров⁶⁰, и тогда я готов, хотя терцет и дуэт можно спокойно считать за 4 номера. Я не могу [тебе] много писать, ибо я ничего не знаю и, во-вторых, я не знаю, что я пишу, потому что все мои мысли только о моей опере, и есть опасность написать тебе вместо слов целую арию.

17 (290) Леопольд Моцарт — жене в Зальцбург

Вена, 14 августа 1773 г.

[...] Приписка Моцарта сестре:

...если позволяет погода. Я надеюсь, моя королева, ты в высшей степени наслаждаешься здоровьем и время от времени или порою, или лучше сказать иногда, или еще лучше qualche volta,⁶¹ как говорят итальянцы, [будешь] жертвовать мне некоторые из своих важных и насущных мыслей, которые рождаются в самом прекрасном и здравом рассудке, которым ты обладаешь наряду с красотой. Хотя в таком нежном возрасте, да [ещё] от женщины, почти ничего из выше сказанного ожидать не приходится, ты же, о королева, обладаешь этим в такой мере, что заставляешь устыдиться мужчин и даже старцев. Будь здорова. (Вот тебе и умное[!])

Вольфганг Моцарт.

18 (311) Моцарт — матери в Зальцбург

Мюнхен, 14 января 1775 г.

Слава Богу! Вчера, то есть 13-го, была премьера моей оперы⁶². И все было так хорошо, что я не могу всего передать. Во-первых, весь театр был набит битком. Так что многим пришлось вернуться. После каждой арии всякий раз была ужасная буря аплодисментов и крики viva маэстро[!]. Её светлость курфюрстина⁶³ и вдова (с которыми я был vis a vis) тоже говорили мне «браво». [В перерывах оперы] в то время, когда должна быть тишина [перед началом балета], все время были аплодисменты и крики браво; они не успевали затихнуть, как начинались снова и так далее. После я с Папа пошел в некую комнату, где весь двор по заведенному обычаю подходил к руке их Светлостей курфюрста и курфюрстины, которые ко всем были очень благосклонны. Сегодня рано утром Его Княжеская милость присылает епископа химзейского, чтобы поздравить меня [и передать] что моя опера всем необыкновенно понравилась.

Что касается нашего возвращения — это будет не скоро; и пусть мама этого не желает, ибо она ведь знает, как хорошо бывает передохнуть... Мы скоро вернемся. Главная причина, по которой мне необходимо остаться здесь, — в пятницу оперу будут давать снова, а я очень нужен для постановки. Иначе тут все забудут [...] потому что здесь все очень курьезно. 1000 раз целую маме руки. Мой поклон всем хорошим друзьям и подругам. Г-ну Андреттеру мой поклон. Я прошу его прощения за то, что я еще не ответил, но у меня совершенно не было времени; непременно сделаю это в следующий раз. Addieu. 1000 чмоков Бимберли.

19 (329) Моцарт — отцу в Зальцбург

Вассербург, 23 сентября 1777 г. *Mon très cher Père*⁶⁴

Слава Богу, мы счастливо прибыли в Вагин, Штейн, Фербентхайн и Вассербург. Теперь небольшое описание поездки. [Подъехав] к воротам, мы прождали почти четверть часа, пока их полностью не откроют; ибо люди были заняты. На подъезде к Шинну встретилось нам несколько коров, среди которых была одна странная [...] потому что она была односторонняя. Такой мы еще никогда не видели. В Шинне мы, наконец, увидели карету, и наш кучер сразу закричал: «вот здесь мы и сменим карету!» «Я не возражаю», сказал я. Мы с мамой парлиро-вали⁶⁵, когда к карете подошел толстый господин, чью симфонию я сразу вспомнил. Это был коммерсант из Майнингена. Он разглядывал меня довольно долго и, наконец, сказал: да Вы же г-н Моцарт? «К Вашим услугам. Вы мне тоже знакомы, но я не знаю Вашего имени. Я видел Вас год назад в Мирабелле⁶⁶ на концерте». На это он назвал мне свое имя, которое я, однако, слава Богу, забыл. Но я запомнил другое, может быть, более важное. Когда я его видел в Зальцбурге, с ним был молодой человек. Брат этого молодого человека — г-н фон Унхольд — живет в Майнингене. Этот молодой господин очень просил меня, чтобы я, если это возможно, приехал в Майнинген. Мы передали 100000 поклонов этим господам, Папа и сестре Каналье. Они нам обещали, что непременно передадут их. Эта смена кареты была для меня очень некстати, потому что я охотнее передал бы письмо с кучером из Вагина. Теперь мы имели честь (после того, как мы немного поели в Вагине) уехать на тех же лошадях, на которых мы ехали уже полтора часа до Штейна. В Вагине я заглянул на минутку к [г-ну] пастору. Он очень удивился: он ничего не знал о всей нашей истории. Из Штейна мы ехали с кучером, который был ужасным флегматиком. NB: что касается езды. Нам уж и не верилось, что мы доедем до станции. Наконец-то мы все же доехали. (Мама уже почти спит.) NB: поэтому пишу я. От Фербертсхайма до Вассербурга все шло очень хорошо. Viviamo come i Principi⁶⁷. У нас нет ни в чем недостатка, разве что не хватает Папа. Ну что ж, такова воля божья. Все еще будет хорошо. Я надеюсь, Папа в хорошем расположении духа и также доволен, как и я. Я очень хорошо [со всем] справляюсь. Я — второй Папа. Я за всем слежу. Я сразу договорился, что буду сам расплачиваться с кучерами; ведь я же лучше, чем мама, могу разговаривать с этими мужиками. В Вассербурге у Штерна обслуживают отменно. Я тут сижу, как

принц. Полчаса назад (мама как раз была в туалете) постучал слуга; он задавал мне много разных вопросов, а я отвечал ему со всей серьезностью (таким я выгляжу на портрете). Пора заканчивать. Мама уже совсем разделась. Мы оба просим, чтобы Папа следил за своим здоровьем; не слишком рано выходил из дома; не огорчал сам себя; от души смеялся и был весел, и всегда с радостью, как мы, думал, что муфтий г-н К.⁶⁸ — мудило. Но Бог милосерден, добр и милостив. Я 1000 раз целую Папа руки и обнимаю сестру Каналью столько раз, сколько я сегодня... прикладывался к табаку.

P.S. Перо грубое, да и я не вежлив.

Вассербург 23 сентября 1777 г. undecima hora nocte tempore.⁶⁹

Я думаю, я забыл дома мои Décréter?⁷⁰ Я прошу поскорее их выслать.

Рано утром около половины 7-го. 24 сентября послушнейший сын Вольфганг Амадей Моцарт

20 (333) Моцарт — отцу в Зальцбург

Мюнхен 26 сентября 1777 г.

Mon très cher Père.

24-го вечером в половине 5-го мы благополучно добрались до Мюнхена. Для меня было неожиданностью, что мы должны были ехать на таможду в сопровождении гренадера с примкнутым штыком. Первым знакомым, кто нам встретился на пути, был с[иньор] Консоли, который меня сразу узнал и был неописуемо рад меня видеть. На следующий же день он был у меня. Радость г-на Альберта мне трудно описать. Он в самом деле глубоко честный человек и очень добрый наш друг. По прибытии до обеда я просидел за клавиром. Г-на Альберта еще не было дома. Затем он пришел, и мы все вместе спустились к столу. Здесь я встретил м[сье] Сфеер и некоего секретаря — его очень доброго друга. Оба кланяются Вам. Спать мы пошли поздно и устали с дороги. Встали, однако, уже в 7 часов 25-го. Но волосы мои были в таком беспорядке, что до Vil 1-го я не попал к графу Зеау. Когда я пришел, мне сказали, что он уже уехал на охоту. Терпенье! Между тем я хотел сходить к хормейстеру Бернаду, но он уехал с бароном Шмидом в поместье. Г-на Бельваля я застал за делами. Он только раскланялся. Во время обеда пришел Росси. В 2 часа пришел Консоли, а в 3 часа — Бееке⁷¹ и г-н фон Бельваль. Я нанес визит г-же фон Дурст, которая остановилась у францисканцев. В 6 часов я с г-ном Бек-ке совершил небольшую прогулку. Здесь [есть] некий профессор Хубер — возможно, Вы помните его лучше, чем я. Он говорит, что видел и слышал меня последний раз в Вене у младшего г-на фон Месмера. Он не слишком высок, не слишком мал, бледен, седые волосы; физиономией схож с г-ном Унтерберайтером. Он Vice intendant du theatre⁷². Его работа — читать комедии, выбранные для постановки, улучшать их, портить, дополнять, ничего не замечать. Он каждый вечер приходит к Альберту; очень часто говорит со мной. Сегодня, 26-го в пятницу, я был в 29-го у графа Зеау. Дело было так: я вошел в дом, а г-жа Ниссер — комедиантка — как раз выходила. Она спросила меня: «Вы, наверное, пришли к графу?» — Да. «Он еще в своем саду и, Бог знает, [когда] придет». Я спросил ее, где его сад. «Да, — сказала она, — мне тоже нужно поговорить с ним, пойдемте вместе». Едва мы вошли в ворота, как граф вышел нам навстречу. Он был примерно в 12-и шагах, когда узнал меня и назвал по имени. Он был очень вежлив. Он уже знал, что со мною стало. Мы пошли вдвоем и медленно поднялись вверх по лестнице. Я совсем коротко открылся ему. Он сказал, что мне следует напрямик просить аудиенции у [Его] Курф. Высочества⁷³. В случае, если я не буду допущен, мне следует подать мое дело в письменном виде. Я очень просил его держать все это в тайне. Он обещал мне. Когда я сказал [ему], здесь и вправду не хватает настоящего композитора, он ответил: «Это я прекрасно знаю!» После этого я пошел к епископу химзейскому и пробыл у него полчаса. Я все ему рассказал. Он обещал сделать все, что в его силах. В 1 час дня он поехал в Нюмфенбург и пообещал мне непременно поговорить с Е[е] Высочеством курфюрстиной⁷⁴. В воскресенье вечером туда прибудет двор. Сегодня в поддень мы были в гостях у г-на фон Бельваля, у Раско (у него и у нее), г-на фон Лори, Бельваля, Пассауэра. Все Вам кланяются. Затем мы пошли к госпоже фон Дурст. Она остановилась в доме бургомистра Шмадля на 4-м этаже. На 3-м этаже живет г-н фон Лори. Оттуда нас забрал г-н Зигль (который уже 2 месяца как женат), и мы все вместе пошли к г-же фон Хофштеттен. Муж ее уехал, но скоро вернется. Франц Дюфрен — надворный советник, но до сих пор sine auro⁷⁵. Затем Зигль проводил мою маму, которая дала слово Бееке пойти с ним в комедию, а я проводил г-жу ф. Дурст домой, а потом в комедию, где мы все встретились. Играли Генриетту, или она уже замужем. Сегодня утром в Уг 12-го я был с Бекке у прекрасной фр[ейлейн] фон Зеау. Фр[ейлейн] фон Тоссон⁷⁶ сделала удачную партию. Его зовут Хепш. Говорят, он очень богат. Г-н Иоаннес Крёнер был назначен вице-концертмейстером. А все за болтовню. Он сыграл две симфонии (Dio mene liberi)⁷⁷ собственного сочинения. Курфюрст его спрашивает: «Это действительно ты сочинил?» — Да, Ваше Курф. Выс[очество]. «У кого ж ты тому научился?» — У учителя из Швейцарии — «Там так высоко ценят композицию[...]» — Да, этот учитель дал мне больше, чем мне могли бы дать все наши композиторы[...]. Сегодня прибыл г-н Шенборн и его супруга — сестра архиепископа. Я в это время

время был в комедии. Г-н Альберт упомянул в разговоре, что я здесь. И рассказал ему, что я свободен от службы. Он и она удивились. Они ему совершенно не хотели верить, что я имел святой памяти 12 фл. 30 кр. Они только сменили почтовых, они бы с удовольствием поговорили со мной. Но я их уже не застал. Теперь же я прошу разрешения справиться об их обстоятельствах и здоровье. Я, как и мама, надеюсь, что у обоих все в полном порядке.

Я все время в самом лучшем расположении духа. У меня так легко на сердце с тех пор, как я избавился от этой мороки! — Я уже даже пожирнул. Г-н фон Валлау говорил со мною в театре. А графине Ларозо⁷⁸ я нанес визит в ложу. Теперь же я должен оставить немного места и для мамы. Я прошу поклониться всей высокочтимой компании стрелков от 3-х членов, а именно, от моей мамы, меня и месье Новака, который ежедневно приходит к Альберту. Будьте меж тем здоровы, мой налюбимейший Папа. Я бесконечное число раз целую Вам руки и обнимаю мою сестру — Каналью.

Вльфг. Амадей Моцарт

21 (339) Мария Анна Моцарт — мужу в Зальцбург

Мюнхен, 29 сентября 1777 г.

Приписка Моцарта:

Воистину, очень много добрых друзей[!] Только, к сожалению, большинство располагает небольшими средствами или ничем вовсе. Вчера в половине 11-го я был у графа Зеау и нашёл его значительно более сдержанным и не таким естественным, как в первый раз. Однако, это была только видимость. Сегодня я был у князя Цейля, и он очень вежливо сказал мне следующее: «Я думаю, мы пока достигли немногого. За обедом в Нюмфенбурге я наедине поговорил с курфюрстом. Он сказал мне: «Теперь пока ещё рано. Пусть съездит в Италию снискать себе славу». Я ему не возражал. «Теперь пока ещё рано». Вот так. Большинство высоких господ просто помешаны на Италии. Однако он посоветовал мне сходить к курфюрсту и, как положено, доложить о моём деле. Сегодня за обедом я имел приватный разговор с г-ном Вочика, и он назначил мне прийти завтра в 9 часов; он собирается устроить мне аудиенцию. Мы теперь очень сдружились. Он непременно хотел узнать, что я собой представляю. Я сказал ему: будьте уверены в том, что я Ваш друг и таковым останусь. «Я также совершенно уверен в Вашей дружбе; пусть Вам будет довольно этого». Теперь вернёмся к моей истории. Епископ Химзей-ский тоже говорил с курфюрстиной с глазу на глаз. Та пожалала плечами и сказала, что она сделает всё возможное, только очень сомневается в успехе. Теперь о графе Зеау. Граф Зеау спрашивал князя Цайля (после того, как тот ему всё рассказал): «Не знаете ли вы, нет ли у Моцарта достаточной поддержки из дома, чтобы он при небольшой помощи мог остаться здесь[?]. Мне бы хотелось его оставить». Епископ отвечал ему: «Я не знаю, но очень сомневаюсь. Однако, Вы бы с ним об этом поговорили сами». Так что это и была причина, почему он был так задумчив на следующий день. Мне здесь нравится, и я, как и многие мои хорошие друзья, считаю, что если я останусь здесь на год или два, то смогу добиться своей работой больших успехов, и поэтому скорее двор будет заинтересован во мне, чем я в нем. После моего приезда господин Альберт задумал один проект, исполнение которого не кажется мне невозможным. А именно: он хочет найти 10 добрых друзей, которые ежемесячно жертвовали бы 1 дукат. В месяц будет 10 дукатов, 50 гульденов; ежегодно 600 ф[лоринов]. Если бы я при этом получал от графа Зеау 200 ф[лоринов] в год, то было бы 800 ф[лоринов]. Нравится ли Папа эта мысль? Не по-дружески ли это? Не согласиться ли мне, если это будет серьёзно? Мне это нравится: я был бы поблизости от Зальцбурга и, если бы Вам, мой любимейший Папа, пришла охота (чего бы мне от всего сердца хотелось) покинуть Зальцбург и жить в Мюнхене, то это было бы так просто и хорошо. Ибо, если мы в Зальцбурге жили на 504 ф[лоринов], то почему бы нам не прожить на 600 или 800 ф[лоринов] в Мюнхене? [...]

Следующая приписка Моцарта:

Сегодня 30-го в 9 утра я ходил ко двору по уговору с м[есье] Вочика. Там все были одеты в охотничью униформу. Барон Керн был дежурным камергером. Я бы ещё вчера вечером пошёл туда, только мне не хотелось огорчать г-на Вочика, который сам предложил устроить мне разговор с курфюрстом. В 10 часов он провёл меня в узкую комнату, через которую должен был проходить Е[го] Курф. Высочество на мессу перед охотой. Граф Зеау, проходя мимо, весьма дружески приветствовал меня: «Приказывай, [?] милейший Моцарт». Когда ко мне подошёл курфюрст, я сказал: Ваше Курф. Высочество, разрешите покорнейше пасть к Вашим ногам и предложить свои услуги. «[Ты] уже насовсем уехал из Зальцбурга?» — Да, Ваше Курф. Высочество, насовсем. «Да почему же[?] Что, окончательно] разругались?» — Клянусь Вам, Ваше Высоч., я только просил о разрешении путешествовать, он отказал мне в нём, посему я был вынужден сделать этот шаг. Хотя я уже давно думал о том, чтобы уйти. Потому что Зальцбург — не для меня, совершенно точно. «Бог мой, молодой человек! Но отец же ещё в Зальцбурге?» — Да, Ваше Курф. Высочество.

Он покорнейше припадает Еtc. Я уже трижды был в Италии, написал 3 оперы, [я] Член Академии в Болонье⁷⁹; [я] выдержал экзамен, и то, над чем многие маэстро работали и потели 4 или 5 часов, я сделал за один час. Это может служить подтверждением того, что я в состоянии служить при любом дворе. Моё же единственное желание — служить Вашему Курф. Высоч., который и сам большой [...] — «Моё милое дитя, нет вакансии⁸⁰, извини. Если бы была вакантура [...]» — Я уверяю Вас, Ваше Высоч., я прославлю Мюнхен. «Ничего не попишешь, нет вакансии», сказал он уходя. Тут я откланялся высочайшей милости. Г-н Вочика посоветовал мне чаще показываться на глаза курфюрсту. [...]

22 (342) Моцарт — отцу в Зальцбург

Мюнхен, 2 октября 1777 г.

Вчера, 1 октября, я снова был у графа Салерна. А сегодня 2-го я там даже обедал. В эти 3 дня я много и с удовольствием играл. Папа не должен думать, что у Салерна я бываю из-за.... Нет, потому что он, к сожалению, на службе, и посему его никогда нет дома. Но завтра я пойду ко двору еп Compagnie⁸¹ с мада[м] Хетт, бывшей То-сон, ибо в субботу двор уезжает и вернётся снова только 20-го. Завтра я обедаю у фрау и фрейлейн Бранка, которая теперь наполовину моя ученица, потому что Зигель приходит редко, а Бекке, который обычно помогает ей с флейтой, уехал. У графа Салерна я играл 3 дня кряду, много импровизировал, потом играл 2 кассации для графини и напоследок, по памяти, финальную музыку⁸² с рондо. Вы представить себе не можете, как был доволен граф Салерн: он ведь понимает музыку и всё время говорил Bravo, в то время как другие кавалеры нюхали табак, чихали, рыгали или разговаривали [...] Я ему сказал, мне бы хотелось, чтобы здесь был курфюрст, чтобы он мог меня послушать. Он обо мне ничего не знает. Он не знает, на что я способен. Почему это господа верят другим, а составить собственное мнение не желают. Да это всегда так. Мне бы хотелось состязания. Пусть он соберет всех композиторов Мюнхена, можно даже выписать из Италии и Франции, Германии, Англии и Испании. Я готов состязаться с кем угодно. Я рассказал ему, как это происходило в Италии, и просил, если будет обо мне разговор, упомянуть об этом. Он сказал: от меня мало что зависит, но что в моих силах, то я охотно сделаю. Впрочем, он со мной согласен, что если бы я мог остаться здесь, дело уладилось бы само собою. Одному мне прожить вполне возможно, потому что собираюсь получать от графа Зеау по меньшей мере 300 флоринов, а о еде я мог бы не беспокоиться, потому как меня всё время приглашают. А не пригласили бы, то Альберт рад, когда я обедаю с ним. Ем я мало, пью воду, а напоследок, к фруктам — небольшой бокал вина. С графом Зеау (по совету моих добрых друзей) я заключил бы такой договор: каждый год по 4 немецких оперы — когда буффа, когда сериа. Тогда от каждой я имел бы денежный сбор за один вечер (sera); есть такое правило. Одно это приносило бы мне 500 ф.; вместе с моим жалованием это уже составило бы 800 ф., а то и больше. Ибо рейнский комедиант и певец в свою sera собрал 200 ф., а меня здесь очень любят. И ещё более будут любить, если я смогу помочь подъёму музыки на немецкой национальной сцене? А благодаря мне это непременно произойдёт, ибо я сразу преисполнился желанием писать, как только услышал немецкий зингшпиль. Примадонну зовут Кайзерихой⁸³, она дочь повара одного здешнего графа. Очень приятная девчонка. Она недурна на сцене. Вблизи я её ещё не видел. Она здешняя. Когда я её слушал, это было всего лишь третье её выступление. Голос у неё красивый, не сильный, однако же и не слабый. Очень чистый; хорошая интонация. Её учитель — Вализи. По пению видно, что её учитель понимает толк в пении и в преподавании. Если она и сбилась со счета пару раз, то мне очень понравилось, как красиво у неё получается Crescendo и Decrescendo. Она медленно поёт трели, и это меня очень радует, потому что от этого они яснее и чище. Когда же она захочет петь их быстрее, будет и того легче. Она здесь всем очень нравится и мне тоже. Мама была в партере, она пошла туда в половине 5-го, чтобы получить место. Я же пошёл только в половине 7-го,

ибо я могу пойти в любую ложу: я достаточно известен. Я был в ложе семьи Бранка. Рассматривал Кайзериху в бинокль, и она часто трогала меня до слез; я часто говорил Brava, bravissima. Я всё время помнил, что она на сцене только в третий раз. Пьеса называлась Рыбачка⁸⁴. Очень удачно положена на музыку Пиччин-ни. Арий, написанных для неё специально, ещё нет. Они хотят вскоре дать и немецкую оперу сериа... ну и хотят, чтобы я написал её. Известный профессор Хубер тоже среди желающих. Теперь мне пора спать; ничего не поделаешь. Уж Puncto⁸⁵ 10 часов!

Барон Румлинг сделал мне на днях комплимент: «Спектакли — моя отрада. Хорошие актёры и актрисы, хорошие певцы и певицы. Да ко всему ещё и такой славный композитор, как вы!»... Это, конечно, всё только слова... Сказать можно многое. Однако, мне он такого еще не говорил. Желаю спокойной ночи. [...]

Приписка:

[...] Сегодня в 8 часов утра я был у графа Зеау; совсем ненадолго. Я сказал ему: я здесь только за тем, чтобы объяснить Вашему Превосходительству мои дела и поступки. Мне был сделан упрёк, и предложили ехать в Италию. В Италии я был 16 месяцев, написал 3 оперы и достаточно известен. К чему это привело, Ваше Превосходительство увидит в этих документах. Я показал ему Diplomata⁸⁶. — Я это показал и сказал Вашему Превосходительству только с тем, чтобы, если зайдет обо мне речь, и обо мне будут судить несправедливо, у Вас были бы основания вступить за меня. Он спросил меня, поеду ли я теперь во Францию. Я сказал, я бы ещё остался в Германии. Он же понял в Мюнхене и сказал, смеясь от радости: так Вы останетесь ещё здесь? Я сказал нет; я бы охотно остался. Сказать по правде, я бы только хотел получить какое-то место у курфюрста, чтобы ублажать Ваше Превосходительство моими сочинениями, и без всякой корысти. Для меня это было бы удовольствием. При этих словах он даже сдвинул набок свой ночной колпак.

В 10 часов я был при дворе у графини Салерн. Она уже получила арии. Робиниги говорят что в голову взбредёт. Поэтому я обедаю в семье Бранка. Г-н тайный советник фон Бранка был приглашён к французскому посланнику и поэтому его не было дома. Его называют Превосходительство. Жена — француженка; почти совсем не говорит по-немецки. С нею я постоянно говорил по-французски. Получалось очень ловко. Она мне сказала, что я совсем неплохо говорю и что у меня хорошая привычка говорить медленно, поэтому меня легко понимать. Она очень хорошая женщина, очень светская. Дочка мило играет, только ещё не достаёт беглости. Я думаю, что причина в ней самой или в её слухе, но тут никого нельзя винить, кроме её учителя. Он слишком снисходителен и всем доволен. Сегодня я занимался с ней. Готов спорить, что через 2 месяца, учась у меня, она будет очень хорошо и аккуратно играть. [...] в 4 часа я пошёл к г-же фон Тосон, где уже была Мама и г-жа фон Хепш. Там я играл до 8-ми часов. Потом мы пошли домой. Между прочим, в половине 10-го прибыл маленький оркестр из 5-и человек: 2 кларнета, 2 валторны и 1 фагот. Г-н Альберт (чей день ангела завтра) давал этот концерт в мою и его честь. Они очень неплохо играли. Это были те же самые люди, что играли у Альберта, однако всем хорошо известно, что их натаскивал Фиала. Они сыграли одну его вещь [...]

Целую Вам, Папа, 1000 раз Ваши самые милые руки, обнимаю от всего сердца сестру Каналью и остаюсь отныне и во веки веков аминь

Вольфганг — Ваш послушнейший Амадей Моцарт сын.

23 (345) Моцарт — отцу в Зальцбург

Мюнхен, 6 октября 1777 г.

Mon très cher Père.

Мама писать не может. Во-первых, это её утомляет, во вторых, у неё болит голова! Поэтому приходится мне. Теперь я собираюсь пойти с господином профессором навестить мадемуазель Кайзериху. Вчера у нас в доме была свадьба, или *altum tempus Ecclesiasticum*⁸⁷. Танцевали. Я танцевал всего 4 менуэта и в 11 часов уже снова был в своей комнате, ибо из более чем 50-и женщин, только одна танцевала в такт [музыке]. Это была мадемуазель Кэзер, сестра г-на секретаря графа Перуза,

Приписка Марии Анны Моцарт: который был в Зальцбурге.

[...] Приписка Моцарта:

Г-н профессор имел счастье меня позабыть. Итак, я не попал к мад[емуазель] Кайзерихе, потому что не знаю, где она живёт. Позавчера, в субботу 4-го, в день именин Его Королевского Высочества эрцгерцога Альберта⁸⁸ у нас была маленькая академия. Она началась в 4 часа и закончилась в 8. М[есье] Дубрей⁸⁹, которого Папа [наверное] ещё помнит, тоже был там. Он ученик Тартини. До обеда, в тот момент, когда я пришел, он давал урок игры на скрипке младшему сыну Карлу. [Раньше] у меня не было большого доверия к нему. Однако, я увидел, что он очень прилежно давал урок, и когда мы разговорились о концертных и оркестровых скрипках, он рассуждал очень разумно, и наши мнения всё время совпадали. Так что я изменил о нем свое прежнее мнение и убедился, что найду в нём то, что нужно — аккуратного оркестрового скрипача. Я попросил его, чтобы он был так добр прийти вечером на нашу маленькую академию.

Для начала мы сыграли 2 квинтета Гайдна⁹⁰. Однако, к сожалению, его [игры] я почти не услышал: он не был в состоянии проиграть 4-х тактов, не ошибаясь. Он не мог найти нужной аппликатуры. С *sospirs*⁹¹ он вовсе не в ладах. Что у него получалось лучше всего — он был очень вежлив и хвалил квинтеты, но в остальном... Я не делал никаких замечаний, он же всё время говорил: «Прошу прощения, я опять сбился!» Это коротко, но красиво. Я всё время говорил — ничего, здесь все свои.

Потом я играл концерт в С, в В и Еb⁹², а потом моё трио⁹³. Аккомпанемент был очень хорош. В адажио мне пришлось играть 6 тактов его партии. Напоследок я сыграл свою последнюю кассацию из В⁹⁴. Тут уж все подивились. Я играл, как если бы я был величайшим скрипачом во всей Европе.

52 Каждый раз я в 9 часов, а также каждый раз в десять часов я просыпаюсь, затем мы выходим из дома, потом мы обедаем в трактире и потом мы пишем, а потом выходим в 10 часов на ужин. Что же мы едим? Один день мы едим жирную пищу, половину курицы и кусочек жаркого. В другой день мы едим постное, небольшой кусочек рыбы и затем мы едем спать. Надеюсь, Вы поняли?.. Мы, слава Богу, здоровы. ...я надеюсь ты чувствуешь себя тоже хорошо, как и мама. Иногда я появляюсь у синьоры Алоизии Шитенхофен (ит. и фр.).

53 Иначе ты дождешься того, что я побью тебя палкой и еще с каким удовольствием! Я разобью тебе голову (ит. и фр.).

54 «Покинутая Армида» (*Armida abbandonata*) Никколо Йоммелли.

55 Набережная (ит.).

56 Пьетро Цервоницкий, опекун скрипачей-сирот.

57 Эвфемизм — подразумевается сильный понос.

58 Сын зальцбургского купца Кершбаумера.

59 «Руджеро, или Героическая благодарность» (*Ruggiero ovvero L'eroica gratitudine*), последняя опера Иоганна Адольфа Хассе.

- 60 Для оперы «Луций Сулла»; премьера 26 декабря 1772 в театре «Реджо дукале», Милан.
- 61 Пару раз (ит.).
- 62 «Мнимая садовница» (*La finta giardiniera*, KV196), премьера 13 января 1775 г. в Сальватор-театре в Мюнхене.
- 63 Мария Анна София, дочь графа Фридриха Августа II Саксонского (1696-1763), супруга графа Максимилиана III Йозефа Баварского (1727-1777).
- 64 «Дражайшим мой батюшка» (фр.). Здесь и в большинстве после дующих писем Моцарт в своем французском обращении к отцу «*Mon très cher Père*» вместо *accent grave* (̀) ставит *accent aigu* (́). Ввиду этой непоследовательности это обращение мы пишем правильно всюду.
- 65 От фр.: *parler* — разговаривать.
- 66 Замок Мирабель в Зальцбурге.
- 67 Живем, как князья (ит.).
- 68 Граф Иероним Йозеф Франц де Паула фон Коллоредо (1732-1812); с 1772 г. — князь-архиепископ Зальцбурга.
- 69 Одиннадцать часов ночи (лат.).
- 70 Почетные дипломы, полученные Моцартом в Болонье и Вероне.
- 71 Иоганн Баптист Бекке.
- 72 Вице-интендант театра (фр.).
- 73 Курфюрст Максимилиан Третий, Баварский.
- 74 Мария Анна Софи, супруга Максимилиана Третьего.
- 75 Без денег (лат.).
- 76 Мария Барбара д'Уссон.
- 77 Упаси Боже! (лат., ит.).
- 78 Правильно: *Largosé*. 79 10 октября 1770 г. Моцарт был принят в члены Филармонической академии (*Accademia filarmonica*) Болоньи.
- 80 Зд.: вакансия.
- 81 Вместе, за компанию (фр.).
- 82 Возможно речь идёт о Хафнер-серенаде KV250/248b, KV334/320B или о сохранившемся лишь частично дивертисменте KV346b(KV320B).
- 83 Маргарет Кайзер (род. ок. 1763); с 1776 по 1784 гг. — в Мюнхене.
- 84 По опере «Рыбачка» (*La Pescatrice*) Никколо Пиччинни.
- 85 Ровно (ит.).
- 86 Дипломы (ит.).
- 87 Церковное бракосочетание (лат.).
- 88 Имеется в виду Франц Йозеф Альберт, хозяин кабачка «У черного орла».
- 89 Правильно: Дюпрей.
- 90 Михаэль Гайдн (1737-1806).
- 91 Четвертная пауза.
- 92 Фортепианные концерты KV246, KV238, KV271.
- 93 Дивертисмент для фортепиано, скрипки и виолончели KV254.
- 94 KV287/271b(KV271H).

Mon très cher Père!

Почему я до сих пор ничего не писал о Мысливечеке? Потому что я был рад, когда мог не думать о нём... Когда о нём заходила речь, я слышал, что он хвалил меня и что он мне добрый и истинный друг! И одновременно — сожаление и сострадание. Мне о нем рассказывали. Я был сам не свой. Я знал, что Мысливечек — мой добрый друг — в этом же городе, да, в этом же уголке света, что и я, и не проведать его, не поговорить с ним?.. Это невозможно! И вот я решился пойти к нему. За день до этого я пошёл к управляющему Герцогским госпиталем и спросил его, не может ли он устроить так, чтобы я встретился с Мысливечеком в саду. Ибо, хотя все, включая Medici⁹⁵ говорили, что заразиться уже невозможно, я всё же не хотел заходить к нему в комнату, потому что она очень маленькая и там довольно сильно пахнет. Он вполне согласился со мною и сказал, что он [Мысливечек] обычно гуляет в саду между 11-ю и 12-ю часами. Если же я его не найду, то я могу попросить его спуститься. На следующий день я пошёл в госпиталь вместе с г-ном фон Хаммом, орден-секретарём (о котором я ещё скажу позже) и с мамой. Мама пошла в церковь, а мы — в сад. Его там не было. Тогда мы попросили его позвать. Я видел, как он подходил к нам сбоку и сразу узнал его по походке. Здесь надо заметить, что он уже передавал мне поклон через г-на Хеллера, виолончелиста, и просил, чтобы я навестил его до отъезда. Когда он подошёл ко мне, мы дружески пожали друг другу руки. Видите, сказал он, как я несчастен! Его слова и весь его вид, который Папа уже знает по описаниям, так подействовали на меня, что я ничего не мог вымолвить. Чуть не плача, я только сказал — мне от всего сердца жаль Вас, мой милый друг! Он заметил, как я расстроен, и тут же довольно бодро начал: скажите же мне, чем Вы занимаетесь; мне сказали, что Вы здесь; я едва поверил. Как же это возможно, чтобы Моцарт был здесь и ещё до сих пор не навестил меня. — Я очень прошу простить меня, мне нужно было сделать так много визитов, у меня здесь так много добрых друзей[!]. Я уверен, что у Вас здесь много поистине добрых друзей, но такого доброго друга, как я, у Вас уж точно нет. Он спросил, не получал ли я известий от Папа о письме... Я сказал: да, он писал мне (я так сконфузился и дрожал всем телом, что едва мог говорить), но без подробностей. Тогда он сказал мне, что син[ьор] Газтано Санторо — импресарио из Неаполя — был вынужден, из соображений *impregni* и *Protectione*, отдать карнавальную оперу некоему маэстро Валентини. Но в будущем году у него свободны³, из которых одна — к моим услугам. Поскольку я уже браз писал для Неаполя, то мне не жалко взять себе более фатальную и уступить Вам ту, что получше, то есть карнавальную. Бог знает, смогу ли я путешествовать[...] Если не смогу, то отошлю Scrittura⁹⁶ назад. Компания на следующий год хорошая. Сплошь люди, которых я рекомендовал. У меня в Неаполе такая репутация, что если я скажу, возьмите такого-то, так они его берут. Маркези — первый из мужских голосов, которого очень хвалят. И весь Мюнхен. Маркани - хорошая примадонна. И один тенор (забыл, как его зовут), который, как он говорит, теперь самый лучший во всей Италии. Прошу Вас, поезжайте в Италию. Там умеют ценить и уважать [...] И он действительно прав. Если хорошенько подумать, то ведь ни в одной другой стране меня не принимали с такими почестями, нигде так не ценили, как в Италии. И ты сразу приобретаешь репутацию, если написал оперы в Италии, а особенно в Неаполе. Он сказал мне, что составит для меня письмо для Санторо и чтобы я пришёл к нему завтра и переписал его. Я же не мог решиться пойти к нему в комнату, а если бы мне надо было писать, то мне бы пришлось [это сделать] : ведь не мог же я писать в саду. Я обещал непременно прийти, но на следующий день написал ему по-итальянски письмо, совершенно откровенно: Я не могу прийти к нему. Я ничего не мог есть и спал всего лишь 3 часа. В тот день я был, как помешанный. Он всё время у меня перед глазами и т. п. Всё сплошь правда и ясно, как день. Он мне ответил: *lei e troppo sensibile al mio male, io la ringrazio del suo buon Cuore, se parte per Praga gli farò una lettera p il Conte Pachta. non si pigli tanto a Cuore la mia disgrazia, il Principio fu d'una ribaltata di Calesse, poi sono capitato nelle mani dei Dottori ignoranti, pazienza, si sarà quel che Dio vorrà*⁹⁷. [...] У меня невыразимо сильное желание снова написать оперу. Правда, дорога дальняя. Но мы также далеки от того времени, когда я должен буду написать эту оперу. До тех пор многое может измениться. Я думаю, что это [предложение] всё же можно было бы принять. Если я тем временем не получу службы, *Eh bien*⁹⁸, то у меня будет про запас Италия. За карнавал я уж точно получу свои 100 дукатов. Если я напишу для Неаполя, то меня повсюду станут приглашать. Как Папа хорошо известно, весной, летом и осенью везде есть возможность написать оперу буффа, просто так, для разминки, чтобы не бездельничать. Конечно, на этом много не заработаешь, но всё же кое-что. И при этом можно добиться большей славы и репутации, чем дав 100 концертов в Германии. И я был бы доволен, потому что мне надо было бы сочинять, а это — моя единственная радость и страсть. Если же я где получу службу или же появится какая-нибудь надежда, то Scrittura — рекомендация хорошая. Она привлекает внимание, и придает мне большее значение. Однако, я всё только говорю. Я

говорю. Я говорю то, что у меня в голове... Если Папа убедит меня, что я не прав, ну тогда я, пусть и неохотно, соглашусь. Ибо стоит мне только услышать об опере, стоит только оказаться в театре, услышать голоса... о, я уже сам не свой. [...] Я прошу Вас, мой любимейший Папа, ответьте Мысливечёку. Пишите ему чаще, как только у Вас будет время. Вы не сможете доставить ему большей радости, ибо он совершенно одинок. Иногда целую неделю к нему никто не приходит. Он мне сказал: «Я уверяю Вас, мне так странно, что здесь никто не приходит ко мне. В Италии у меня каждый день был бы кто-нибудь». Если бы не его лицо, то он был бы прежним — полным воодушевления, огня и жизни. Немного похудел, конечно, но в остальном — прежний добрый и умный человек. Весь Мюнхен говорит о его оратории *Abramo e Isaco*⁹⁹, которую он поставил здесь. Помимо разных арий, у него теперь готова кантата или серенада к посту. Когда болезнь его была в самом разгаре, он написал оперу для Падуи. Только что с того. Даже здесь говорят, что доктора и хирурги ему только навредили: у него настоящий рак. Хирург Како, осёл, выжег ему нос. Только представьте, какая боль[!]. [...]

Приписка:

[...] я ходил с обеими фрл. к г-ну фон Хамму, где 3 фрл. играли по концерту каждая, а я — *Prima vista*¹⁰⁰ Айхнера. А потом — фантазии. Учитель фрл. Хамм фон Глупо-горек — некий господин духовного звания, по имени Шрайер. Он хороший органист, но не чембалист. Он всё смотрел на меня через очки. Он сухой человек [и] мало говорит. Однако он похлопал меня по плечу, вздохнул и сказал: «Да... вы... вы, понимаете... да... это верно... вы молодец». Arrpropos: не помнит ли Папа имени Фрейзингер? — [...]

25 (351) Моцарт — отцу в Зальцбург

Аугсбург, 16 октября 1777 г.

Mon très cher Père.

По поводу фр[ейлейн] дочки военного секретаря Хамма ничего не могу написать, кроме того, что у неё определенно есть музыкальные способности, потому как она всего 3 года учится и, несмотря на это, играет многие вещи довольно неплохо. Однако, если бы мне нужно было высказаться более определенно об её игре, я бы не смог этого сделать. Все у нее получается как-то странно и принуждённо. Она словно разгуливает своими длинноногими пальцами по клавиру. Конечно, у неё ещё никогда не было настоящего учителя, и, если она останется в Мюнхене, из неё за всю жизнь не выйдет того, чего хочет и требует её отец. Ибо он хочет, чтобы она превосходно играла на клавире. Если бы она поехала к Папа в Зальцбург, то ей была бы от того двойная польза — как в музыке, так и в разуме. Ибо последний поистине невелик. Я уже много посмеялся из-за неё. За Ваши труды Вы получите большое развлечение. Ест она не много, она слишком глупа для этого. Мне следовало бы позаниматься с ней? У меня это не получилось бы из-за смеха. Ибо когда я ей однажды показал что-то правой рукой, она тут же сказала *Bravissimo*. И это — голосом мышки. Теперь хочу рассказать, по возможности коротко, мою аугсбургскую историю. Г-н фон Фингерле, которому я передал поклон от Папа, тоже был у г-на директора графа. Все были очень веселы и всё говорили об академии. Они говорили, это будет самая блестящая академия, которая когда-либо была в Аугсбурге. У них есть большая поддержка: они знакомы с городским смотрителем г-ном Лангенмантлем. И имя Моцарт здесь много значит. Мы разошлись вполне довольные. Теперь Папа должен знать, что сказал младш[ий] г-н фон Лангенмантль у г-на Штейна: он, якобы, предложил устроить академию в комнатах¹. Как нечто редкое и делающее мне честь. Для одних только г[оспод] *Patritii*¹⁰¹. Трудно представить, с каким *impregno*¹⁰² он это говорил и обещал сделать все возможное. Мы договорились, что я приду к нему завтра за ответом. Я пошёл, это было 13-го. Он был очень вежлив, сказал, однако, что пока не может сказать ничего определенного. Я опять поиграл около часа. Он пригласил меня на завтра, то есть на 14-е, к обеду. Утром он послал ко мне, чтобы я приходил в 11 часов и что-нибудь принёс с собою. Он, мол, послал за несколькими музыкантами и хочет кое-что устроить. Я сразу же послал кое-что. Пришел в 11 часов. Он пожеманился передо мною и говорит совершенно равнодушно: знаете ли, с академией ничего не выйдет. О, я вчера уже так ругался из-за Вас. Господа *Patritii* сказали мне, что дела с их кассой обстоят плохо и что это, мол, не тот виртуоз, чтобы устраивать ему *souverain d'or*¹⁰³. Я усмехнулся и сказал: я тоже так считаю. NB: Он камерный интендант от *Musique*, а его старик — городской попечитель! Я не стал обращать на это внимания. Мы прошли к столу. Старик тоже обедал с нами. Он был очень вежлив, но об академии не сказал ни слова. После обеда я сыграл 2 концерта. Кое-что импровизировал. Потом — трио Хафендера на скрипке. Я бы охотно поиграл на скрипке больше, но мне так плохо аккомпанировали, что у меня начались колики. Он сказал мне очень любезно: проведем вечер вместе, поедем в комедию, а потом будем у нас супировать¹⁰⁴. Было очень весело. Когда мы вернулись из комедии, я снова играл до ужина. Потом мы пошли к столу. Ещё утром он спросил меня о моём кресте. Я описал ему во всех подробностях. Он и

Он и его зять, дескать, частенько поговаривают о том, как бы им заполучить [такой же] крест, чтобы им инкорпорироваться¹⁰⁵ с г. Моцартом. Я не обращал на это внимания. Но они несколько раз обращались ко мне: «Кавалер, г-н Шпора»¹⁰⁶. Я не отвечал. Но за ужином стало уже невыносимо: «Сколько примерно это будет стоить — 3 дуката?... Нужно ли иметь разрешение на ношение?... Стоит ли само разрешение ещё что-либо? Мы всё же закажем себе такой крест». При этом был ещё и некий офицер Бах, который сказал: «Тьфу, постыдитесь! К чему Вам этот крест?» Этот молодой осёл фон Короткое Пальто¹⁰⁷ ему подмигнул. Я увидел, и он это заметил. Затем наступила недолгая тишина. Тут он подал мне табак и сказал: «Не желаете ли табачку?» Я молчал. Наконец, он снова начал, совершенно издевательски: «Завтра я пошлю к Вам. Будьте добры дать мне крест ненадолго, я тотчас его верну. Мне всего только нужно переговорить с ювелиром. Я уверен, что если спрошу его (ибо он очень любопытный человек), во сколько он оценит это, то он ответит мне: примерно один баварский талер. Он большего и не стоит, он ведь не из золота, а из меди. Хе-хе». Я сказал: да Бог с Вами, он из жести, хе-хе. Меня бросило в жар от бешенства и гнева. «Но скажите мне, — сказал он, — Может быть, я обойдусь и без шпоры?»... О да, сказал я. Вам не нужно шпоры: одна у Вас уже есть — в голове.¹⁰⁸ Хоть у меня в голове она тоже есть, да только это большая разница. Не хотел бы я поменяться с Вами. Табачку не желаете ли? (и подал ему табак). Он немного побледнел, но вскоре начал опять: он, мол, теперь в этом городе хорошо устроился, на широкую ногу. Я ничего не ответил. Наконец, он крикнул: «Эй! - слуге. - Оказывайте нам ещё большее уважение, ибо мы оба, мой тесть и я, станем носить крест г-на Моцарта. Табачку не желаете ли?» Вот ведь любопытно, начал я (как будто и не слышал, что он говорил): скорее я получу все ордена, которые Вы только можете получить, чем Вы станете тем, кто я есть; даже если Вы 2-жды умрете и снова родитесь. Вот Вам табачку, не желаете ли? — и встал. Все тоже встали и были в величайшем замешательстве. Я взял шляпу и шпагу и сказал: я завтра буду иметь удовольствие видеть Вас. «Завтра меня здесь не будет». — Ну, так я приду послезавтра, если ещё буду здесь. «Ах, Вы ведь будете...» — Ничего я не буду. Здесь одно убожество. Между тем прощайте. И вон. [...]

26 (352) Моцарт — отцу в Зальцбург

Аугсбург, 17 октября 1777 г.

Mon très cher Père!

Теперь сразу начну про штейновские пианофорте. До того, как я увидел изделия Штейна, мне больше всего нравились шпэтовские¹⁰⁹ клавиры. Теперь же я должен отдать предпочтение инструментам Штейна, ибо демпферы у них работают намного лучше, чем у регенсбургских¹. Если я сильно ударю [по клавише], то [независимо от того] оставлю ли я палец [на клавише] или подниму его, звук будет длиться столько, сколько я захочу. Что бы я ни делал с клавишами, звук всегда будет одинаков. Он не выскочит, не провалится и не пропадет совсем. Он не будет дребезжать, не будет ни слабее, ни сильнее, и прозвучит в любом случае. Правда, такое пианофорте стоит не меньше 300 ф[лоринов], но его [Штейна] старание и прилежание оценить в деньгах невозможно. Особое отличие его инструментов от других состоит в том, что они сделаны с приспособлением, освобождающим молоточек. Этого не делает и один из ста. Но без этого приспособления невозможно, чтобы пианофорте не подводило или не опаздывало со звучанием. Когда играешь, его молоточки откидываются назад в тот момент, как они отскакивают от струны — хочешь, держи палец на клавише, хочешь — отпусти. Когда такой инструмент у него готов (как он мне рассказывал), он сам садится за него и пробует всякие пассажи, гаммы и пр. и дорабатывает до тех пор, пока инструмент не делает все, [что он от него требует]. Потому что он работает на благо музыки, а не только на благо себе. Иначе он делал бы свои инструменты значительно быстрее.

Он часто повторяет: если бы я не был таким страстным любителем музыки и не умел бы сам хоть как-то [играть] на клавире, то наверняка давно уж потерял бы терпение в моей работе. Но мне нравятся такие инструменты, которые не подводят играющего и долговечны. Его клавиры и вправду живут долго. Он много делает для того, чтобы дека не раскололась и не треснула. Когда дека к клавиру готова, он выставляет её на воздух, под дождь, снег, на солнце и ко всем чертям, чтобы она лопнула, и тогда вклеивает клин, чтобы дека была прочной и крепкой. Он даже бывает доволен, если она треснула; тут уж он может быть уверен, что с ней [в дальнейшем] ничего больше не случится. Он порой даже сам прорежет [деку], а потом снова склеит и как следует укрепит. У него уже готово 3 таких пианофорте. Я сегодня опять играл на них. [...]. Здесь и в Мюнхене я часто играл все 6 моих сонат¹¹⁰ наизусть. 5-ю в g я играл на академии в одном довольно аристократическом трактире в деревенском стиле. Последняя ex D на фортепиано Штейна получается превосходно. Механизм, на который нажимаешь коленом, у него тоже сделан лучше, чем у других. Он срабатывает от самого легкого прикосновения. Поэтому, когда его отпускаешь, не слышно ни малейшего призвука. Завтра, может быть, доберусь до его органов... Это значит, что я о них напишу. А под конец я приберегу себе его меньшую дочку. Когда я сказал г-ну Штейну, что хочу играть на его органе, ибо орган — это моя страсть, он очень сильно удивился и сказал: «Как! Такой человек, как вы, такой великий клавирист хочет играть на инструменте, где нет *douceur*¹¹¹, нет экспрессии, нет ни *piano*, ни *forte*, а всё одинаково?» — Это ничего не значит. Орган в моих глазах, да и в ушах — король всем инструментам. — «Ну, хорошо». Мы пошли вместе. Уже по его разговорам я понял, что он думал, я смогу на его органе не многое. Что я, *par Exemple*¹¹², стану играть так, как на клавире. Он рассказал мне, что так же водил Шоберта¹¹³ по его просьбе играть на своем органе. «Я боялся конфуза, — сказал он. — Шоберт всех предупредил, и в церкви было довольно много народа. Боялся я вот чего: в игре Шоберта столько огня и страсти, он любит играть в очень быстрых темпах, а для органа это не годится. Но когда он начал, я изменил свое мнение». На это я только ответил: Г-н Штейн, Вы думаете, я буду бегать по органу? — «Ах! Вы — это же совсем другое дело!» Мы поднялись на хоры. Как только я стал прелюдировать, он уже начал улыбаться. Потом [я стал играть] фугу. «Я вижу, — сказал он, — Вам нравится играть на органе. Конечно, если так играть...» Поначалу для меня немного непривычной была педаль, потому что она была неразбитая. Начиналась с c, потом si, e, в один ряд. Ведь у нас D и E наверху, как здесь E и f. Но я сразу сообразил. Я уже играл в [соборе] Св. Ульриха на старом органе. Лестница — что-то страшное. Я попросил, чтобы кто-нибудь поиграл мне: мне хотелось сойти вниз и послушать, потому что наверху орган не производит никакого впечатления. Но я так ничего и не понял, потому что молодой *Regens con*¹¹⁴ так гонял гаммы на органе, что ничего нельзя было разобрать. А когда он хотел сыграть гармонию, то выходили сплошные дисгармонии.

27 (355) Моцарт — отцу в Зальцбурге

Аугсбург, 23-25 октября 1777 г.

Mon très cher Père!

Вчера, в среду 22-го, состоялась моя академия¹¹⁵. Граф Вольфек присутствовал сам и привёл с собою благотворительных дам. Я в первые же дни сходил к нему на квартиру, чтобы засвидетельствовать моё почтение, да только он был в отъезде. Несколько дней назад он вернулся и, как только узнал, что я здесь, то не стал ждать, пока я приду к нему, а появился у меня в дверях как раз в тот момент, когда я взял шляпу и шпагу, собираясь нанести ему визит. [...] Приписка:

[...] в прошедшее воскресенье я ходил к мессе у Св.Креста. В 10 часов я, однако, пошёл к г-ну Штейну. Это было 19-го. Мы репетировали несколько симфоний к концерту. После этого я отобедал у Св. Креста с моим двоюродным братом. Во время обеда устроили концерт. Как бы плохо они не скрипели, монастырские музыканты мне милее аугсбургского оркестра. Я сыграл симфонию и на скрипке — концерт ex В Ванхалля, вызвав всеобщие аплодисменты. Г-н декан по имени Цешингер — милый, весёлый человек; он двоюродный брат Эберли-на. Он хорошо знает Папа. К ночи, за ужином, я сыграл страсбургский концерт¹¹⁶. Прошло, как по маслу. Все хвалили красивый чистый звук. Затем принесли маленькие клавикорды. Я сыграл прелюдию, сонату и вариации Фишера¹¹⁷. Тогда г-ну декану стали нащёптывать, он, дескать, должен послушать, как я играю на органе. Я попросил его заказать мне тему. Он отказался, тогда один из духовных дал мне тему. Я повёл её погулять и в середине (фуга шла ex g minor) начал в мажоре, совсем весело, но в соответствующем темпе. Потом, наконец, снова тему, но страшно длинно. Наконец, мне пришло в голову, почему бы мне не взять что-нибудь весёлое для темы фуги? Я раздумывал недолго, а сразу так и сделал, и это вышло так хорошо, будто мерку снимал сам Дазер. Г-н Декан был вне себя. Дело прошлое, — сказал он, — признаюсь, я не думал, что услышу такое. Вы молодец. Мой прелат сказал мне, что за всю свою жизнь никогда не слышал, чтобы на органе играли так ясно и серьёзно. (Тот слышал, как я играю, несколько дней тому назад; декана тогда не было). Наконец, кто-то принёс сонату с фугой, чтобы я сыграл ее. Я

возразил: Господа, это уже слишком; должен признаться, эту сонату я не смогу сыграть так сразу. — «Да, я тоже так думаю, — горячо поддержал меня декан, потому что он во всём был за меня. — Это уже слишком; этого не сможет никто». Однако, сказал я, я все же попробую. Я всё время слышал за моей спиной, как декан говорил: «Ах ты, архиподлец, ах ты, озорник! Ах ты! ...» Я играл до 11-ти часов. Меня завалили темами для фуг. На днях Штейн принёс мне сонату Бекке. Мне кажется, я уже писал Вам об этом. Appropos — его девчонка. Кто без смеха сможет видеть и слышать, как она играет, тот должен быть такой же камень¹¹⁸, как и её отец. Сидеть [ей] нужно непременно напротив дискантов, ради Бога [!], только не посередине. Лишь бы была возможность подвигаться и погримасничать. Глаза закатывает. Причмокивает. Если идет повторение, то 2-й раз играется медленнее. А в третий раз — ещё медленнее. Руку поднимает — выше некуда. Когда надо играть пассаж, а если при этом еще маркированный пассаж, то это надо делать всей рукой, а не пальцами, и со всем силой, тяжело, неловко. Но самое интересное — это когда в пассаже (который должен течь, как масло) необходимо подставлять пальцы: [она] не готовит [руку] заблаговременно, а делает это только в самый последний момент; делается пауза, рука поднимается и весь *Commod*¹¹⁹ начинается сначала. Благодаря этому есть большая надежда сыграть не ту ноту. И часто всё это производит курьёзное впечатление. Я пишу это для того, чтобы Папа имел представление о том, как могут играть на клавире, и чтобы в своё время мог воспользоваться этим. Г-н Штейн с ума сходит по своей дочке. Ей 8 с половиной лет, она всё учит только наизусть. Из неё может что-то выйти, способности у неё есть. Но при таком обучении ничего не выйдет. У нее никогда не будет беглости, потому что она слишком утяжеляет руку. Она никогда не достигнет самого необходимого, сложного и главного в музыке, а именно — темпа, потому что она не приучена к этому с детства. Г-н Штейн и я, наверное, 2 часа говорили об этом. Но мне всё же удалось его убедить. Он теперь во всём спрашивает моего совета. [Раньше] он был без ума от Бекке. Теперь он видит и слышит, что я играю лучше, чем Бекке; что я не гримасничаю и всё же играю так выразительно; что, по его признанию, еще никто не обращался с инструментом лучше меня; что я всегда точно соблюдаю темп. Этому они все удивляются. Темп *rubato* в *Adagio*, где левая рука ничего об этом [*rubato*] не знает, они вообще понять не могут. У них левая рука всегда отстаёт. Граф Вольфек и многие другие, которые страстно поклоняются Бекке, на днях публично сказали в концерте, что я заткну Бекке за пояс. Граф Вольфек всё бегал по залу и говорил: такого я за всю свою жизнь не слышал. Он сказал мне: «Должен Вам заметить, что никогда не слышал, чтобы Вы так играли, как сегодня. Я и отцу Вашему скажу об этом, как только попаду в Зальцбург». Как Папа думает, что было после симфонии? Концерт на 3 клавирах¹¹⁹: г-н Демлер играл на первом, я на втором, а г-н Штейн на третьем. Потом я играл один — последнюю сонату ex D¹²⁰ для Дюрни-Ца, потом свой концерт ex B¹²¹ потом ещё один, совсем по-органному, фугу ex с *minor*, а потом вдруг роскошную сонату ex C *major*¹²², так, импровизируя, и рондо напоследок. Поднялся страшный шум и гвалт. Г-н Штейн делал только удивленное лицо и гримасы. Г-н Демлер постоянно смеялся. Это такой курьёзный человек: если ему что-нибудь очень нравится, то он должен страшно хохотать. А со мной он даже начал ругаться, *addio*. Целую руки Папа, от всего сердца обнимаю мою сестру и остаюсь Ваш послушный сын 24 окт. 1777 *augusta vindelicorum*¹²³

Вольфганг Амадей Моцарт

Концерт собрал 90 ф[лоринов] без вычета затрат. Итак, мы теперь собрали, считая 2 дуката за камерный, — 100 ф. Затраты на концерт не составили более 16 ф. 30 кр. Зал для меня был бесплатно. Из оркестра, думаю, многие пришли просто так. Всего вместе мы потратили 26 или 27 ф. Это совсем неплохо.

[...] целую Папа руки и послушнейше благодарю за поздравления к моим именинам. Пусть Папа не волнуется: я всегда помню о Боге. Я признаю его всемогущество, страшусь гнева его, но я также вижу его любовь и сострадание к тварям его. Он никогда не оставит рабов своих. Все движется по воле его. И потому я со всем согласен. И посему все хорошо. Я должен быть доволен и счастлив. Я всеми силами также буду стараться в точности следовать Вашему приказу и совету, который Вы были так добры дать мне. [...] Папа пишет в первом письме, что я, мол, подло поступил с мальчишкой фон Лангенмантлем — никак не меньше. Я просто был сам собой — больше ничего. Мне кажется, что Папа думает, что он еще мальчик, [но] ему же 21 или 22 года, и он женат. Может ли женатый человек быть еще мальчиком? Я с тех пор туда больше не ходил. Сегодня я отнес туда две записки на прощание и извинился, что не могу подняться: у меня, дескать, еще слишком много необходимых визитов. Теперь я должен заканчивать, ибо Мама уже хочет садиться к столу да и упаковываться.

Завтра мы напрямую отправимся в Вальерштейн¹²⁴.

Я думаю, будет лучше всего, если Папа будет по-прежнему посылать письма моему двоюродному брату до тех пор, пока мы не осядем в одном месте. Но, разумеется, не под арестом. Моя дорогая кузина¹²⁵, которая шлет вам обоим поклон, — ничто иное, как поповский обрезок. Вчера она нарядилась для меня по-французски. Так она на 5 процентов краше. Теперь Addio. Я еще раз целую Папа руки и обнимаю мою сестру, а всем добрым друзьям и подругам — кланяюсь, на двор отправляюсь, и может быть дерьмом проснусь, и прежним дураком остаюсь, Вольфганг ет Амадеус Моцартусь аутспург 25 октябрью 1700 семьсемьдесятусь.

28 (363) Моцарт — отцу в Зальцбург

Мангейм, 4 ноября 1777 г.

Monsieur mon très cher Père.

Мы писали [Вам] за день до нашего отъезда из Аугсбурга. Вы, должно быть, ещё не получили этого письма. Мне было бы жаль, если оно потерялось, ибо я написал много. Там описан целый концерт, кое-что еще и о дочке Штейна и выражение благодарности за добрые пожелания к моим именинам. Однако, я думаю, Вы его еще получите. Это уже второе письмо, которое я пишу из Мангейма. Я целыми днями у Каннабиха. Сегодня Мама ходила к нему вместе со мной. Он совершенно иной человек, чем был прежде. И весь оркестр говорит то же. Он принимает во мне большое участие. У него дочка, которая весьма мило играет на клавире, и для того, чтобы сделать его моим добрым другом, я работаю над сонатой для м[адемуазель] дочки, которая уже вся готова, за исключением рондо. Когда я закончил Allegro и Andante, я принёс их и играл. Папа не может себе представить, что за успех имела эта соната. Там были некоторые оркестранты, младший Даннер, валторнист Ланг и гобоист, имени которого я уже не помню, но который очень хорошо играет и у которого очень милый изящный звук. Я сделал ему презент, подарив концерт для гобоя¹²⁶. Его переписывают у Каннабиха дома. Парень с ума сходит от радости. Я проиграл ему сегодня этот концерт на пианофорте у Каннабиха, и хотя было известно, что это моё, он, тем не менее, очень понравился. Никто не сказал, что это написано не хорошо. Это потому что люди здесь не понимают — спросили бы они архиепископа², он сразу наставит их на путь истинный.

Сегодня играл все шесть моих сонат у Каннабиха. Г-н капельмейстер Хольцбауэр сам повёл меня к г-ну интенданту графу Савиоли. Каннабих тоже был там. Г-н Хольцбауэр сказал графу по-итальянски, что я просил бы о чести играть для Его Курф. Высоч[ества]. Я, мол, уже был здесь 15 лет назад. Мне тогда было 7 лет, но теперь я повзрослел и вырос; и в музыке — тоже. «Ах! — сказал граф, — Это тот...» Уж не знаю, за кого он меня принял. Тут взял слово Каннабих, я же притворился, будто ничего не слышал и вступил в беседу с другими. Однако, я заметил, что он говорил обо мне с серьёзной миной. Потом граф обратился ко мне: «Я слышал, Вы прилично играете на клавире?» Я поклонился. Теперь я должен рассказать о здешнем оркестре. В субботу на Всех Святых я был в капелле на торжественной мессе. Оркестр был очень хорош и силен. На каждой стороне 10-11 скрипок, 4 альты, 2 гобоя, 2 флейты, 2 кларнета, две валторны, 4 виолончели, 4 фагота и 4 контрабаса, трубы и барабаны. Можно играть отличную музыку. Но я не решился исполнять здесь свою мессу... Почему? Из-за краткости? Нет, здесь и должно быть всё кратко... Из-за церковного стиля? Меньше всего. А потому, что здесь сейчас по теперешним обстоятельствам нужно писать главным образом для инструментов: нельзя представить себе ничего хуже, чем здешние певцы. 6 сопрано, 6 альтов, 6 теноров и 6 басов на 20 скрипок и 12 басов; соотношение 0 к 1. Не правда ли, г-н Буллингер?.. Это вот почему: итальянцы здесь не в почёте. У них здесь только 2 кастрата, да и те уже старые. О них можно забыть. Сопранист уже тоже охотнее пел бы альтом: выше он уже не может. Их немногие мальчики — жалки. Тенор и бас — как у нас для похорон. Г-н вице-капельмейстер Фоглер, который накануне вёл мессу, — ничтожный музыкальный комик. Человек, который слишком много воображает, а может — не много. Весь оркестр его не любит. Но сегодня, в воскресенье, я послушал

мессу Хольцбауэра, которой уже 26 лет, но она очень хороша. Он очень хорошо пишет. Хороший церковный стиль. Хорошие партии для голосов и инструментов. И хорошие фуги. У них 2 органиста, из-за них только стоит съездить в Мангейм. У меня была возможность хорошо послушать их: здесь не принято исполнять *Benedictus*, и органист тут должен играть всё время. Сначала я слушал второго [органиста], а потом первого. По моему же мнению, 2-й лучше первого. Когда я услышал его, то сразу поинтересовался: кто это [...] играет на органе? «Наш второй органист». Играл он отвратительно. Потом я услышал другого. Кто же это? - «Наш первый». Он играл ещё отвратительней. Думаю, что если их смешать, то выйдет еще что-нибудь плохое. Умереть можно со смеху, глядя на этих господ. Второй с органом — как ребёнок с дерьмом. Его искусство у него написано на лице. У первого же — очки на носу. Я подошёл к органу и смотрел, как он играет в намерении научиться у него чему-нибудь. При каждой ноте он поднимает руки — выше некуда. Правда, его сила в том, что он играет 6 голосов, однако в большинстве случаев — пять голосов и в октаву. Шутки ради он часто опускает правую руку и играет одной левой. Одним словом, делает что хочет — он господин своему органу. [...] Завтра после торжественной мессы я иду к милостивой госпоже курфюрстине, которая непременно хочет научить меня вязать *filée*¹²⁷. Я сильно беспокоюсь, потому как она и благороднейший г-н курфюрст¹²⁸ желают, чтобы уже в будущий четверг вечером на большой гала-шутакадемии я публично вязал. Здешняя сраная¹²⁹ девица-принцесса [...] тоже премило вяжет. В 8 часов *Puncto* сюда прибыли Цвеенбрук¹³⁰ и его двумостиха¹³¹.

29 (370) Моцарт — отцу в Зальцбург

Мангейм, 13 ноября 1777 г.

Mon très cher Père!

[...] Теперь кое-что отсюда. Вчера мы с Каннабихом должны были пойти к г-ну интенданту графу Савиоли, чтобы забрать мой презент. Он оказался таким, как я его себе и представлял. Никаких денег. Прекрасные золотые часы. Мне же 10 *Carolin* были бы теперь милее, чем часы, которые оценивают в 20 *Carlin* вместе с цепочками. В дороге нужны деньги. Теперь у меня, с Вашего позволения, 5 пар часов. Я серьезно подумываю, не пришить ли мне ещё по одному карманчику для часов на всех штанах и носить двое часов, когда буду ходить к большим господам (как это теперь в моде), чтобы больше никому не пришлось в голову дарить мне ещё одни часы. Из письма Папа я понял, что он не читал ещё книги Фоглера. Я её прочитал (брал у Каннабиха). Теперь — одна история, очень коротко. Он [Фоглер] выглядел здесь жалким. Играл на клавире. Сделал балет. Его пожалели. Курфюрст отправил его в Италию. Когда курфюрст приехал в Болонью, он спросил п[адре] Валоти о Фоглере. *O altezza, questo e un grand uomo! Etcc*¹³². Он спросил и п[адре] Мартини. *Altezza; e buono; ma a roso a roso, quando sarà un roso più vecchio, più sodo, si farà, si farà. Ma bisogna che si Cangi molto*¹³³. Когда Фоглер вернулся, он стал священником и сразу придворным капелланом. Сделал *Miserere*, который, как говорят, слушать невозможно, ибо всё неправильно. Он услышал не очень-то хорошие отзывы, пошёл к курф. и пожаловался, что оркестр, дескать, назло ему нарочно играет плохо. Одним словом, он сумел всё вывернуть наизнанку (устраивал мелкие, но полезные для него пакости с бабами), так что стал вице-капельмейстером. Он — дурак, воображающий, что лучше и совершеннее его никого нет. Весь оркестр, от первого до последнего [музыканта], его не любит. Он сделал много неприятностей Хольцбауэру. Книга его больше пригодна для обучения счёту, чем композиции. Он говорит, что за 3 недели может сделать композитора, а за 6 месяцев певца. Только этого пока ещё никто не видел. Он презирает величайших мастеров. При мне он презрительно говорил о Бахе. Бах¹³⁴ написал здесь 2 оперы¹³⁵, из которых первая понравилась больше, чем 2-я. Эта 2-я была «Луций Сулла». Поскольку в Милане я написал такую же, то мне хотелось её увидеть. Я знал от Хольцбауэра, что она есть у Фоглера. Я испросил её у него. С удовольствием пошлю её Вам завтра. Ничего страшного Вы там не найдете. Несколько дней спустя он совершенно издевательски сказал мне: «Ну, что хорошенького увидели, чему-нибудь научились?» — Одна ария очень хороша — «Что там за текст?» — спросил он кого-то, кто стоял рядом с ним. — Какая ария? — «Ну, эта жуткая ария Баха¹³⁶. Свинство. Да, *Pupille amate* он наверняка писал под парами пунша». Я думал, я его за косу отгаскаю. Но я сделал вид, что ничего не слышал, ничего не сказал и ушёл прочь. У курфюрста он уже тоже отслужил. Закончил сонату для мад[емуазель] Розы Каннабих. В прошлое воскресенье я для собственного удовольствия играл на органе в капелле. Я пришел во время *Kutje*. Сыграл её конец и после того, как священник затянул *Gloria*, я сыграл каденцию. Но поскольку она сильно отличалась от того, к чему здесь привыкли, то все завертелись, а особенно Хольцбауэр. Он мне сказал: «Если бы я знал, я бы подложил другую мессу». Да, сказал я, этим бы Вы мне досадили! Старик Тоески и Вендлинг¹³⁷ всё время стояли рядом со мною. Людям было над чем посмеяться. Время от времени там было *Pizzicato*. Я каждый раз поддавал по клавишам. У меня было весёлое настроение. Здесь вместо *Benedictus* непрерывно играют. Я взял тему из *Sanctus* и сделал из неё фугу. Ну и лица же были у тех, кто там

был! Напоследок после *Ite missa est* я сыграл фугу. Педаль здесь иная, чем у нас. Меня это поначалу немножко смущало, но я быстро освоился. Теперь я должен заканчивать. Пусть Папа пишет нам пока в Мангейм. Так вернее. А я позабочусь, чтобы мы исправно получали письма. Сонаты Мысливечека я знаю. Я ведь играл их в Мюнхене. Они совсем лёгкие и приятные на слух. Мой совет сестре, которой я покорнейше передаю наилучшие пожелания, — играть их с большей экспрессией, *gusto*¹³⁸ и огнём и выучить их наизусть, ибо эти сонаты должны нравиться всем. Их легко выучить наизусть и можно произвести хорошее впечатление, если сыграть с надлежащей точностью. Я целую Папа руки и остаюсь Ваш послуш. сын

Вольфганг Амадей Моцарт

30 (376) Моцарт — отцу в Зальцбург

Мангейм, 20 ноября 1777 г.

Mon très cher Père.

Сегодня я вынужден быть очень краток, потому что у меня в доме больше нет бумаги. Вчера, в среду 19-го, опять началась гала¹³⁹. Я был на мессе, свежесочинённой Фоглером. Позавчера я был на репетиции, однако ушёл по окончании *Kyrie*. Такого я никогда в жизни не слышал. Порою совершенно нет гармонии. Издаются такие звуки, что кажется, будто кого-то тянут за волосы. И не то, чтобы это было очень трудно. Просто всё как-то неуклюже. О разработке темы я и говорить не хочу. Скажу только, что фоглерова месса не может понравиться ни одному композитору (который заслуживает этого звания). Короче: я слышу тему, которая не так уж и плоха... Неплохой, однако, она остаётся недолго и вскоре становится... красивой?... помилуй Бог!... плохой, очень плохой. И это по 2-м или трём причинам, а именно: едва начинается тема, тут же появляется что-нибудь новое, которое портит её. Или он завершает эту тему так неестественно, что хорошей ее уже не назовешь. Или же она оказывается не к месту. Или же, наконец, ее портит инструментовка. Такова музыка Фоглера. Каннабих сочиняет теперь намного лучше, чем когда мы видели его в Париже. Однако я заметил, да и Мама тоже, что здесь все симфонии начинаются одинаково. Всегда сначала медленно и в унисон. [...]

31 (377) Моцарт — отцу в Зальцбург

Мангейм, 18 декабря 1777 г.

вечером или даже скорее *Nocte temporis Puncto*¹⁴⁰ — как раз бьёт 10 часов.

Mon très chère Père!

ещё немного и получился бы *faemininum*¹⁴¹ [...] Я был не дома, а у Каннабиха, где м[есье] Вендлинг репетировал концерт, который я для него оркестровал. Сегодня в 6 часов была гала-академия. Я имел удовольствие слышать, как г-н Френцль (который женат на сестре мад. Каннабих) играет на скрипке. Он мне очень понравился. Вы знаете, что я не большой любитель сложностей. Он играет сложное, но не чувствуешь, как это трудно. Кажется, будто можно тут же и самому сыграть. А это и есть настоящее. У него также очень красивый, круглый звук. Ни одна нота не пропускается, всё слышно. Всё маркировано. У него красивое *staccato*, в один смычок как вверх, так и вниз. Атакой двойной трели, как у него, я ещё никогда не слышал. Одним словом, по-моему, он не фокусник, но серьёзный скрипач. Если бы я только мог отучиться от этого проклятого писания наискось[!]. Мне очень жаль, что я не был в Зальцбурге при печальных для мад. Адльгассерши событиях, чтобы утешить её. Ибо это я умею! Особенно такую красивую женщину, как мад. Надльштрассерша¹⁴². То, что Вы пишете по поводу Мангейма, я уже всё знаю. Только я не люблю писать раньше времени. Всё образуется. Может быть, я в следующем письме смогу написать что-нибудь Вам очень хорошее, но только хорошее для меня или что-нибудь очень плохое в Ваших глазах, но приемлемое для меня, но, может быть, и что-нибудь приемлемое для Вас, но очень хорошее, приятное и ценное для меня! Это прямо, как у пророка, правда? Темно, но всё же понятно. Г-ну Буллингеру мой поклон. Мне стыдно, получая Ваши письма, потому что обычно он в них делает какую-нибудь приписку для меня. Только подумать, что я ещё ни разу не написал ему, моему лучшему и истинному другу, который оказывал мне столько любезности и доброты! Однако я не извиняюсь. Нет! Я прошу его простить меня, насколько это будет возможно, и заверяю, что как только буду спокоен, я напишу ему. До сих пор этого ещё не было. Ибо, как только я узнаю, что я скорее всего и по всей вероятности должен покинуть какое-то место, то я и часа не бываю спокоен! И хотя у меня есть небольшая надежда, я все же не могу быть спокоен, пока не узнаю точно, что мне предстоит. Ещё кое-что из пророка должно случиться. Я думаю, произойдёт или среднее, или последнее. Но для меня всё равно, ибо это одно и то же, жру ли я дерьмо или Папа его высирает. [...] яснее мне выразиться не удастся! Я хотел сказать, что это одно и то же: что Папа высирает Дерьмо или я его жру! Пожалуй, стоит оставить это. Я вижу: всё это напрасно. *Appropos*. Ответили ли Вы г-ну фон Хамму в Мюнхен? Возьмёте ли Вы его м[адемуазель] дочку? Я, надеюсь, уже написал Вам, что большая опера Хольцбауэра¹⁴³ — немецкая!

Если нет, то вот написал теперь. Называется она Гюнтер фон Шварцбург, а не Гюнтер — дворянин бадский и советник Зальцбургский. На будущий карнавал будут давать Розамунду на стихи, заново сочинённые г-ном Виландом, с новой музыкой г-на Швейцера. Оба приедут сюда. Я уже кое-что видел из этой оперы и проиграл на клавире, но ничего не хочу говорить о ней. Те, кто пытался обрисовать мне её как нечто невероятно хорошее, написали, что она великолепна, а стихи несравненны. Так что мне ничего не остаётся, кроме как пожелать всеобщего покоя и приятных сновидений до тех пор, пока я не разбужу их этим теперешним письмом. Adieu. 100 000 000 раз целую Папа руки, а мою сестру, мою милую Подушечку, я от всей души, до удушья обнимаю, немного или вовсе нет, и остаюсь Ваш послушный сын, вот умора,

Вольфганг Амадей Моцарт Рыцарь золотой шпоры
и двойного рога (если скоро женюсь),

Член великой Академии

Вероны, Болоньи, *oui mon ami!*¹⁴⁴

32 (393) Мария Анна Моцарт — мужу в Зальцбург

Мангейм, 18 декабря 1777 г.

Приписка Моцарта:

Быстренько, в страшной спешке. Орган, на котором играли сегодня в лютеранской церкви, очень хорош. Как при полном звучании, так и в отдельных регистрах, Фоглер играл на нём. Он, так сказать, не больше, чем фокусник. Как только он хочет сыграть что-либо торжественное, то ударяется в сухость и радуешься, что ему сразу становится скучно и посему всё это длится недолго. Только что из того выходит? Бестолковая мазня. Я слушал его издалека. Он начал фугу, где было по шесть нот на один звук и Presto. Тогда я подошёл к нему. По правде говоря, я бы охотнее смотрел, как он играет, чем слушал его. Было очень много народу. [В том числе] и из оркестра. Хольцбауэр, Каннабих, Тоески, etсе. Один квартет¹⁴⁵ для индейского голландца¹⁴⁶, для истинного друга человечества, уже тоже скоро будет готов. Appropos. Г-н Вендлинг сказал мне вчера, что он писал Вам в прошедший почтовый день. Addio. Мой поклон всему Зальцбургу. 100000 раз целую Вам руки, а мою сестру обнимаю от всего сердца. О, прекрасный почерк[!]. Остаюсь Ваш послушный сын

Вольфганг Амадей Моцарт

На днях пришлось дирижировать вместо Швейцера оперу с несколькими скрипками у Вендлинга. Ибо он был нездоров.

33 (394) Мария Анна Моцарт — мужу в Зальцбург

Мангейм, 20 декабря 1777 г.

Приписка Моцарта:

Я желаю Вам, вседражайший Папа, благословенного Нового года и чтобы Ваше столь дорогое для меня здоровье улучшалось день ото дня на пользу и радость Вашей жене и Вашим детям. К удовольствию Ваших истинных друзей и к печали Ваших врагов и назло им! Прошу Вас и в будущем году так же по-отечески любить меня, как Вы любили меня до сих пор! Я же с моей стороны стану прилагать все усилия и стараться ещё больше заслуживать любви моего необыкновенного отца. Я был от всего сердца обрадован Вашим последним письмом от 15 дек., потому что понял из него, что Вы, слава Богу, себя хорошо чувствуете. Мы оба тоже с божьей помощью здоровы. Я здесь наделал много Comotion¹⁴⁷. Я пишу это в 11 часов ночи, потому что иначе у меня нет времени. Встать раньше 8-ми часов мы не могли, потому что в нашей комнате (поскольку это первый этаж) день наступает только в Уг9-го. Тогда я быстренько одеваюсь. В 10 часов я усаживаюсь за сочинение до 12 или до 11/2, потом иду к Вендлингу. Там я пишу ещё немного до 1/22, потом мы садимся обедать. Между тем уже 3 часа. Тут мне надо в Майнцкый двор (гостиницу) к одному голландскому офицеру¹⁴⁸, чтобы дать ему урок по gallanterie¹⁴⁹ и генерал-басу, за что, если я не ошибаюсь, имею 4 дуката за 12 уроков. В 4 часа мне надо домой, чтобы учить дочку. Раньше мы не начинаем, потому что ждём света. В 6 часов я иду к Каннабиху и учу м[адемуазель] Розу. Там я остаюсь ужинать. Потом все беседуют, иногда играют. В это время я всегда достаю из кармана книжку и читаю, как я это делал в Зальцбурге. Я писал, что Ваше последнее письмо очень порадовало меня. Это правда! Только одно меня немного огорчило: вопрос, не забываю ли я исповедываться? Возразить мне нечего. Только об одном прошу Вас: не думать обо мне так дурно! Я охотно веселюсь, но будьте уверены: несмотря ни на что, я могу быть серьёзен. С тех пор, как я уехал из Зальцбурга (да и в самом Зальцбурге), я встречал таких людей, что мне было бы стыдно говорить и поступать так, как они, несмотря на то, что они на 10, 20 и 30 лет старше меня! Так что я ещё раз прошу Вас самым покорнейшим образом быть обо мне лучшего мнения. [...]

Mon très cher Père!

Красивая бумага, не правда ли? Да, хотел бы я иметь получше! Только теперь уже поздно посылать за другой. О том, что у нас с Мама очень хорошая квартира, Вы уже знаете из прошлых писем. Я никогда не считал, что она должна жить не со мной. Когда придворный камер-со-ветник Серрариус был так добр, что предложил мне свой дом, я только поблагодарил его, не более, но ведь это же ещё не значит сказать да. На следующий день я пошёл к нему с г-ном Вендлингом и м[есье] де Шамом¹⁵⁰ (бравым голландцем) и подождал, пока он сам не начал. Наконец, он вновь повторил своё предложение, и я поблагодарил его такими словами: Я сознаю, что это действительное выражение дружбы с Вашей стороны; Вы оказываете мне честь, разрешая остановиться у Вас, но мне жаль, что я не могу принять это любезное предложение; Вы не обидитесь на меня, когда я скажу Вам, что не могу расстаться без [особой] причины с моей мамою. Я действительно не вижу причины, почему моя Мама должна жить на одном конце города, а я на другом? Если я поеду в Париж, то вполне естественно, что для меня будет большим *avantage*¹⁵¹, если её со мной не будет. А здесь эти два месяца несколько гульденов для меня большой роли не играют. Этой речью я добился того, что моё желание исполнилось полностью, а именно: мы не тратимся на квартиру и пропитание. Теперь я должен быстренько подняться к ужину.

Мы до сих пор куролесили — до половины 11-го. Накануне я ходил с голландским офицером м[есье] Потри, который берет у меня уроки, в реформатскую церковь, [где я] полтора часа играл на органе. У меня отлегло от сердца. Скоро мы, а именно Каннабихи, Вендлинги, Серрариусы, Моцарты пойдём в лютеранскую церковь, и там я от души подивертирую¹⁵² на органе. Ріено я уже попробовал во время той самой репетиции, о которой писал Вам, но поиграл немного. Только прелюдию и фугу. Теперь я познакомился и с г-ном Виландом. Он, однако, ещё не знает меня так, как я его. Ибо он меня ещё не слышал. Я представлял его себе не таким, каким нашёл при встрече. Мне кажется, что он разговаривает как-то неестественно. Довольно детский голос. Постоянно смотрит в лорнет; в нем есть некоторая учёная грубость и порой глупая презрительность. Меня, однако, не удивляет, что он тут так заносится (даже если в Веймаре или ещё где-то это не так), ибо его здесь уважают настолько, словно он с неба спустился. При нём все страшно стесняются, никто не решается говорить, все молчат. К каждому слову, которое он произносит, прислушиваются. Жаль только, что людям долго приходится его слушать, ибо у него дефект в речи, благодаря которому он очень медленно говорит и не может сказать 6 слов без того, чтобы не остановиться. А в остальном он таков, каким мы его знаем — великолепная голова. Лицо его жутко страшное, всё сплошь в оспинах, и довольно длинный нос. Фигурой он немного выше, чем Папа. В 200 флоринов от голландца не сомневайтесь. Ну, теперь мне пора заканчивать, ибо я хотел ещё немного посочинять. Ещё вот что: князю Цейлю мне теперь наверное не следует писать? Причина Вам, вероятно, известна, потому как Мюнхен ближе к Зальцбургу, чем к Мангейму, а именно — Курфюрст при смерти от оспы. Это уж верно. Кое-что должно измениться. Ну, будьте здоровы. Что касается поездки Мама домой, то это легче всего будет устроить, по-видимому, в пост через коммерсантов! Так я предполагаю. А вот что я знаю наверняка: лучше всего будет так, как Вы посчитаете лучшим, ибо Вы у нас г-н придворный капельмейстер и самый разумный! Целую Папа (если Вы с ним знакомы) 1000 раз руки, от всего сердца обнимаю мою сестру и остаюсь, несмотря на мою мазню, Ваш послушнейший сын и верный искренний брат

Вольфганг Амадей Моцарт

95 Врачи (ит.).

96 Официальные заказы на написание оперы (ит.).

97 Вы слишком близко к сердцу принимаете мои неприятности; я Вам за это очень признателен. Если Вы поедете в Прагу, я пошлю письмо для графа Пахты, чтобы он не принимал слишком близко к сердцу мои беды. Просто карета опрокинулась, и мы попали в руки несведущих докторов. С этим ничего не поделаешь. Терпенье! Будем надеяться на Бога (ит.).

98 Зд.: Ну что ж (фр.).

99 «Авраам и Исаак» (Abramo ed baso, 1777), оратория Мысливечка.

100 Зд.: с листа (ит.).

101 Патриции (ит.).

102 Гонор, высокомерие (ит.).

103 Зд.: осыпать золотом.

104 От фр. souper ужинать.

105 От фр. incorporer: здесь - сравняться с Моцартом, записаться в ряды кавалеров ордена Шпоры.

106 Речь идет об Ордене Золотой Шпоры, кавалером которого был Моцарт.

107 Здесь Моцарт обыгрывает фамилию фон Лангенмантиль (длинное пальто).

108 Игра слов, построенная на немецком идиоматическом выражении, примерно соотв. русск.: не все дома.

109 Инструменты мастерской Франца Якоба Шпэта (1714—1786) в Регенсбурге.

110 KV 279/189d, KV280/189e, KV281/189f, KV282/189g, KV283/189h, KV 284/205b.

111 Нежность (фр.).

112 Например (фр.).

113 Шубарт. У Моцарта Chobert вместо Schubart.

114 Регент хора (ит.).

115 Академия состоялась 22 октября 1777 г. в 6 часов вечера в Концертном зале Его Светлости графа Фуггера.

116 Скрипичный концерт KV218.

117 212 вариаций для фортепиано на тему менуэта Иоганна Кристиана Фишера, KV179.

118 Моцарт обыгрывает фамилию Штейн — камень (нем.).

119 От фр. commode удобный; Моцарт иронизирует над «изобретательностью» дочери Штейна.

120 KV242.

121 KV284/205B.

122 KV238.

123 Латинское название Аугсбурга.

124 Округ Нёрдлинген (Швабия), с 1550 г. — резиденция дворянского рода Эттинген-Валлерштейн.

125 Мария Анна Текла Моцарт (см. «Письма к кузине»).

126 Возможно, KV314/285d.

127 Кружева (фр.).

128 Карл Теодор (1724-1799), с 1742 г. курфюрст Пфальца, с 1778 - также и Баварии.

129 «ein beschissenes kind zur Churfürstin»... beschissen — «сраный»; здесь же: дополнительное диалектное значение «обманный, фальшивый», ибо речь идёт о внебрачной дочери курфюрста Карла Теодора.

130 Вероятно, Карл Август Кристиан фон Цвайбрюкен (1746-1795); его отца, пфальцграфа Фридриха Михаэля фон Биркенфельд-Цвайбрюкен-Раппольштейна, Моцарты знали по Вене.

131 Мария Амалия Анна Йозефа фон Цвайбрюкен (1757-1831). Моцарт шутливо обыгрывает фамилию «Zweibrücken» — «два моста».

132 [Тот ответил:] О, Ваше Высочество! Это великий человек! и т.д.

133 Ваше Высочество! Он хорош, но постепенно, когда станет постарше, из него может что-то выйти, однако для этого он должен сильно перемениться.

134 Иоганн Кристиан Бах (1735-1782).

135 «Фемистокл» (Temistocle, 1772) и «Луций Сулла» {Lucio Siila, 1774}.

136 «Pupille amate» - ария Цецилио из Lucio Siila (III, 5) Иоганна Кристиана Баха.

137 Один из братьев Вендлингов — Иоганн Баптист (1723—1797) — флейтист, другой — Франц Антон (1729-1786) — скрипач.

138 Вкусом (ит.).

139 Празднества, длившиеся до 23 ноября 1777 г. по случаю именин курфюрстины Элизабет Марии Алоизии Августы (19 ноября).

140 Точно в ночное время (ит.).

141 Женский род (лат.). Моцарт зачеркивает по ошибке написанную лишнюю букву e (chere вместо cher), отчего прилагательное «дорогой» превращается в «дорогая» (женский род).

142 Игра слов: Моцарт переделывает фамилию Adlgasser (Adlgasse — «дворянский переулок») в Nadelstrasser (Nadelstrasse — «игольная Улица»),

143 «Гюнтер фон Шварцбург» (Мангейм, 1777 г.), немецкая опера Игнаца Якоба Хольцбауэра.

144 Да, мой друг (фр.).

145 Скорее всего KV285.

146 Фердинанд Дежан (1731-1797), врач, родом из Бонна; в 1777 г. путешествовал; был и в Мангейме; с 1781 г. поселился в Вене; Моцарт написал для него несколько пьес для флейты.

147 Правильно: commotion — потрясение, волнение, шум (фр.).

148 Фердинанд Гийом Дюваль де ля Поттри из Лозанны.

149 Правильно: galanterie (фр.). Это слово становится модным в немецком языке с начала 18 века. В литературе «галантный» стиль (Galanter Stil) обозначал малые формы развлекательно-эротической поэзии. В музыке это игра в свободной (непринужденной) манере.

150 Правильно: Дежан (Dejean).

151 Преимущество, выгода (фр.).

152 От divertir (фр.): развлекаться.

Приписка Моцарта:

В будущую среду поеду на несколько дней в Кирхайм Поланд¹⁵³ к принцессе Оранской. Здесь так много рассказывали о ней хорошего, что я, наконец, решился. Один голландский офицер, мой хороший приятель, получил от нее ужасный выговор, когда, заехав поздравить ее с Новым годом, он не привез меня. Я же по меньшей мере получу 8 луидоров, ибо, поскольку она исключительная любительница пения, я отдал для нее переписать 4 арии и дам ей еще и симфонию. У нее премиленький оркестр, и она каждый день устраивает академию. Переписка арий мне тоже не обойдется дорого, ибо их переписал некий г-н Вебер, который поедет со мной. Не знаю, писал ли я о его дочери или нет.

Она превосходно поет, и у нее красивый чистый голос. Ей не хватает только выступлений, тогда она может стать примадонной в любом театре. Ей всего 16 лет. Ее отец — добропорядочный немец, который достойно воспитывает своих детей. Как раз по этой причине девочку здесь и преследуют. У него 6 детей: 5 девочек и один сын. Он с женой и детьми вынужден был 14 лет довольствоваться жалованием в 200 ф. И поскольку все время примерно исполнял свою службу и представил курф[юрсту] очень способную 16-летнюю певицу, то теперь у него целых 400 ф. Мою арию для де Амичис с труднейшими пассажами она поет превосходно. Ее она будет петь и в Кирхайм Поланд. Она в состоянии разучивать сама. Она довольно хорошо аккомпанирует себе. И даже сносно играет *galanterie*. В Мангейме ее хвалят все честные и благоразумные люди. Даже курф[юрст] и курф-ина охотно принимают ее, если только это ничего им не стоит. Она может приезжать к курф-ине когда хочет, в любой день, и этим она обязана своему благонравию.

Знаете, о чем я хотел бы Вас попросить? Чтобы Вы при случае, но как можно скорее, послали мне 2 сонаты для 4-х рук и вариации Фишера! Мне они оченьгодились бы в Париже.

Я думаю, мы уедем отсюда не позднее 15 февраля, ибо оперы здесь не будет. Теперь о другом. В прошлую среду в нашем доме давали большой *tractament*,¹⁵⁴ и я тоже был приглашен. Было 15 гостей, и дочка хозяев дома должна была играть на вечере концерт, который я с ней разучил. В 11 часов утра прибыл ко мне г-н камер-советник с г-ном Фоглером. Г-н Фоглер *absoulument*¹⁵⁵ давно хотел со мной познакомиться. Как часто он докучал мне с просьбами приехать к нему — не описать. Наконец, он победил свое высокомерие и первым нанес мне визит. Вообще, люди говорят, что он сильно изменился, и им перестали восхищаться. Поначалу люди сделали из него идола. Итак, я сразу поднялся с ним наверх. Постепенно приходили гости, и не было ничего, кроме болтовни. Однако, после обеда он велел принести от него 2 клавира, настроенных в тон, да еще его аккуратные скучные сонаты. Я должен был их играть, а он аккомпанировал мне на другом клавире. По его настоятельной просьбе я вынужден был послать за моими сонатами. NB: перед обедом он небрежно пробренчал мой концерт¹⁵⁶ для Литцау¹⁵⁷, который дочка хозяев дома играет *Prima vista*¹⁵⁸. Первая часть была [исполнена] *Prestissimo*, Анданте — *allegro*, а Рондо — поистине *Prestississimo*. Басы большей частью он играл не так, как написано, подчас делал совершенно другие гармонии, да и мелодии тоже. Иначе и быть не могло при такой скорости. Глаза ничего не видят, а руки ничего не чувствуют. Ну и что из этого? Сыграть такое *Prima vista* мне все равно что поспать. Слушатели (я имею в виду тех, кто достоин так называться) не могут ничего сказать, кроме того что они видели, как играли музыку на клавире. Они слышат, думают и чувствуют при этом так же мало, как и он. Можете легко себе представить, что это было невыносимо, потому что я не мог сказать ему: [вы играете] слишком быстро. Вообще, играть вещь быстро намного легче, чем медленно. Можно пропускать в пассаже некоторые ноты, и этого никто не заметит. Но хорошо ли это? При большой скорости можно менять и в правой и левой руке, так что этого никто не увидит и не услышит, но хорошо ли это? В чем состоит искусство чтения *Prima vista*? А вот в чем: играть пьесу в правильном темпе, как это указано. Выигрывать все ноты, форшлаг и etc. с должным выражением и *gusto*¹⁵⁹, как написано, чтобы казалось, что тот, кто играет, сам сочинил это. Его аппликатура тоже убога.

Его большой палец левой руки, как у доброй памяти Адльгассера, а нисходящие гаммы в правой руке он играет большим и указательным пальцем. В следующий раз напишу об этом больше. С тех пор меня постоянно приглашают к нему на музицирование. Так что пока я все еще пользуюсь его благосклонностью. Addio. 100000 раз целую Ваши руки и от всего сердца обнимаю мою сестру. Наш поклон всем друзьям и подругам, в особенности м[есье] Буллингеру и м[адемуазель] Залель.

Вольфганг Амадей Моцарт.

Прошу Вас, напишите и пошлите мне хороший алфавит с большими и маленькими буквами.

36 (419) Мария Анна Моцарт — мужу в Зальцбург

Мангейм, 7 февраля 1778 г.

Приписка Моцарта:

Г-н фон Шиденхофен мог бы давно сообщить мне через Вас, что намеревается скоро сыграть свадьбу. Я бы сочинил ему по этому случаю новый менуэт. Я желаю ему счастья от всего сердца. Это снова свадьба денег, больше ничего. Я не хотел бы так жениться. Я хочу сделать свою жену счастливой, а не строить свое счастье благодаря ей. Поэтому я пока подожду и буду наслаждаться своей золотой свободой до тех пор, пока не буду в состоянии прокормить жену и детей. Г-ну фон Шиденхофену было суждено выбрать себе богатую жену. К этому его обязывает его дворянство. Знатные люди никогда не могут жениться по gusto и любви, но только по расчету и из всяких прочих интересов. Таким высоким персонам вовсе не пристало еще и любить свою жену, раз уж она исполняет свой долг и производит на свет неуклюжего наследника. Но мы, бедные простые люди, не просто должны, а можем и имеем право взять себе жену, которую мы любим, и которая любит нас, потому что мы не принадлежим к знати, не высородны и не благородны, не богаты, а напротив низки, плохи и бедны. Следовательно, мы не нуждаемся в богатой жене: наше богатство умирает вместе с нами, ибо оно у нас в голове. И его не может отнять у нас ни один человек, разве что нам не отсекут голову, а тогда нам больше ничего не и нужно. Мы исправно получили Ваше письмо от 2 февр.

О главной причине, по которой я не поехал в Париж с теми людьми, я написал уже в прошлом письме. Вторая же [причина] в том, что я хорошо обдумал, что меня ожидает в Париже. Я не мог бы жить ничем другим, кроме как учениками, а для [этой] работы я не рожден. У меня тут живой пример. У меня могло бы быть 2 ученика. Я сходил к каждому по 3 раза, потом одного не застал, и урок пропал. Я с охотой могу дать урок из любезности, особенно, когда вижу талант, радость, удовольствие от учения. Но когда надо ходить в определенный час на дом или ждать кого-то дома, этого я не могу, как бы много этим не заработал. Это для меня невыносимо. Это я оставляю людям, которые ничего не умеют, кроме как играть на клавире. Я композитор и рожден быть капельмейстером. Я не имею права закапывать мой талант композитора, которым меня так щедро наградил милостивый Господь. Я могу сказать это без ложной скромности, ибо чувствую это больше, чем когда-либо. А такое случилось бы из-за многочисленных учеников, ибо это очень беспокойное поприще. Я бы скорее, так сказать, negliжировал¹⁶⁰ клавира ради композиции. Ибо клавира для меня — дело второстепенное, но, слава Богу, очень важное второстепенное дело. Третья причина в том, что я не знаю точно, в Париже ли наш друг Гримм. Если он в Париже, то я еще могу в любое время поехать в почтовой карете, ибо отсюда через Страсбург в Париж ходит прелестная почтовая карета, и мы можем поехать в любое время. Они тоже поехали так. Г-н Вендлинг безутешен, что я не еду вместе с ними. Я думаю, однако, что здесь скорее его собственные интересы, чем проявление дружбы. Кроме той причины, о которой я писал Вам в последнем письме (а именно, что я за время моего отсутствия получил 3 письма), я назвал ему и ту, что касается учеников, и просил его устроить для меня что-либо определенное. Тогда — другое дело. Тогда бы я с радостью приехал. В особенности, если бы это была опера. Идея написать оперу крепко засела у меня в голове. Лучше на французском, чем на немецком. Однако, лучше на итальянском, чем на немецком или французском. У Вендлинга все считают, что моя музыка исключительно понравилась бы в Париже. Совершенно

ясно, что я бы не испугался, ибо, как Вы знаете, я могу писать любую музыку в любом стиле. Для м[адемуазель] Густль¹⁶¹ (дочери) я сразу по приезде написал французскую песню, для которой она дала мне текст и которую она бесподобно поет. На этом я имею честь засвидетельствовать свое почтение. У Вендлинга каждый день поют. Они совершенно помешаны на этом. [...]

37 (426) Моцарт — отцу в Зальцбург

Мангейм, 19 февраля 1778 г.

Monsieur mon très cher Père!

Я надеюсь, Вы исправно получили два моих последних письма. В последнем я беспокоился, как доедет до дома моя мать, теперь же из Вашего письма от 12-го я понял - что это было совершенно напрасно. Я себе иначе и не представлял. [Я знал] что Вы не одобрите мое путешествие с Веберами¹⁶²; я никогда и не собирался этого пелать, что само собой разумелось при наших тогдашних обстоятельствах. Но я дал честное слово написать Вам об этом. Г-н Вебер наших дел не знает. Я никому не говорю об этом, потому что я всегда хотел, чтобы мне ни о ком не надо было думать. А поскольку дела наши были хороши, так я и забыл в этом угаре настоящую невозможность этого дела. Поэтому я забыл доложить Вам об этом, но что делаю теперь. Причины, по которым я не поехал в Париж, Вам достаточно известны из моих двух последних писем. Если бы моя мать сама не начала этот разговор, то я бы непременно поехал с ними. Когда же я заметил, что ей это не нравится, то это мне и самому перестало нравиться. Ибо как только мне перестают доверять, то я и сам себе больше не доверяю. Времена, когда я, стоя на кресле, пел Вам *oragna flagata fa*, а в конце целовал Вас в кончик носа, давно прошли, но уменьшились ли от этого мои к Вам почтение, любовь и послушание? Большого мне добавить нечего. Вы упрекали меня в Мюнхене из-за маленькой певицы. Я должен признать, что был ослом, написав Вам такую грубую ложь. Ведь она совершенно не знает, что значит петь. Это верно, что для изучающей музыку всего 3 месяца она пела превосходно. И, кроме того, у нее очень приятный, чистый голос. Причиной, почему я так ее хвалил, могло быть то, что с раннего утра до ночи не слышал ничего, кроме: «Нет лучшей певицы во всей Европе. Кто ее не слышал, тот не слышал ничего». Я не позволил себе возражать отчасти потому, что хотел приобрести хороших друзей, отчасти потому, что я явился прямым из Зальцбурга, где отучают возражать. Но как только я оставался один, то от души смеялся, а почему я не смеялся в письме к Вам? Этого я не понимаю.

Меня очень оскорбляет, что Вы так язвительно пишете о моей веселой переписке с дочерью Вашего брата¹⁶³. Однако, поскольку ничего такого и нет, то мне и нечего на это ответить. О Валлерштейне мне совершенно нечего сказать. Ибо у Бееке я был очень сдержан и серьезен. Да и за офицерским столом сидел с должным *auctorite*¹⁶⁴ и ни с кем не сказал ни слова. Надеюсь, что Вы так написали сгоряча.

Что Вы пишете о м[адемуазель] Вебер¹⁶⁵, все верно. И поскольку я это и писал, то, так же как и Вы, прекрасно знаю, что она еще слишком молода и что ей нужно выступать и для начала чаще петь в театре. Однако некоторым людям зачастую нужно действовать постепенно. Хорошие люди здесь бывать устали. Вы знаете — кто и где. А посему они думают, что все это возможно. Я обещал им написать обо всем своему отцу. Пока письмо шло в Зальцбург, я все время повторял: пусть она еще немножко потерпит, она еще слишком молода, *etsaet*. Я могу сказать им все, что угодно, ибо они обо мне очень высокого мнения. Теперь и отец по моему совету поговорил с мад. Тоскани (комедианткой), чтобы она инструктировала¹⁶⁶ его дочь для выступлений в театре. То, что Вы написали о Веберше, все правда, кроме одного, а именно, что она поет, как Габриэлли. Ибо мне совсем не понравилось бы, если бы она так пела. Кто слышал Габриэлли, тот говорит и будет говорить, что хорошо у нее получаются только рулады и пассажи. Поскольку она делает это в своей особой манере, то заслуживает восхищения, которое, однако, длится лишь до тех пор, пока ее слушаешь не более 4-х раз. Нравиться долго она не может, ибо от пассажей быстро устает. Несчастье в том, что петь она не умеет. Она не в состоянии сносно выдержать ни одной ноты, у нее нет *mezza di voce*, она не умеет сутенировать¹⁶⁶; одним словом она брала техни-

кой, а не чувством. Эта же поет от сердца и охотней всего поет именно Cantabile. Я подвел ее к пассажам через большую Арию, потому что в Италии будет необходимо петь бравурные арии. Петь Cantabile она никогда не разучится, ибо это ее природная склонность. Даже Рафф сказал (он определенно не льстит), когда спросили его откровенное мнение: она пела не как ученица, а как Профессора. Итак, теперь Вы знаете все. Я рекомендую Вам ее от всего сердца; а что касается арий, каденций etc., прошу не забыть. Будьте здоровы. 100 000 раз целую Ваши руки и остаюсь Ваш послушнейший сын Вольфганг Амадей Моцарт

38 (431) Моцарт — отцу в Зальцбург

Мангейм, 28 февраля 1778 г.

Monsieur mon très cher Père!

Мы исправно получили Ваше письмо от 23-го. Я надеюсь, что в будущую пятницу или субботу получу арии, хотя в Вашем последнем письме Вы об этом больше ничего не пишете, и посему я не знаю, точно ли Вы их отправили 22-го с почтовой каретой. Они нужны мне, ибо я хотел еще здесь проиграть и пропеть их м[адемуазель] Вебер.

Вчера был у Раффа и принес ему арию¹⁶⁷, которую я написал для него в эти дни. Слова — *se al labro mio non credi, bella nemica mia* etc. Я не думаю, что это текст Метастазियो. Ария ему очень понравилась. С таким человеком обходиться нужно совершенно особенно. Я специально выбрал этот текст, потому что знал, что у него уже есть одна ария на эти слова. Посему он будет охотней и легче ее петь. Я попросил его, пусть он мне откровенно скажет, если она для него нехороша или не нравится, я эту арию для него переделаю, как он хочет, или же напишу другую. Помилуй Бог, сказал он, ария должна остаться [такой как есть], ибо она очень красива, только прошу Вас о малом, сократите ее для меня, потому что я сейчас не в состоянии сутенировать¹⁶⁹. С удовольствием, сколько Вам угодно, отвечал я. Я преднамеренно сделал ее немного длинной, ибо убрать можно всегда, а добавить не так просто. После того, как он пропел другую часть, он снял очки, удивленно посмотрел на меня и сказал: прекрасно, прекрасно! Это прекрасная *seconda parte*¹⁷⁰. И пропел ее 3 раза. Когда я уходил, он очень вежливо благодарил меня. А я в свою очередь заверил его, что аранжирую ему арию так, что он непременно с удовольствием будет петь ее. Ибо я люблю, чтобы ария подходила певцу с точностью хорошо сработанного платья. Еще я написал для упражнения арию *Non so d'onde viene*¹⁷¹, которую так прекрасно сочинил Бах¹⁷², по той причине, что ту, Баха, я хорошо знаю, и она мне очень нравится, и постоянно звучит в ушах. Еще я хотел попробовать, смогу ли я, несмотря на все это, написать арию, абсолютно непохожую на арию Баха? Она совсем, совсем непохожа на нее. Сначала эту арию я предназначал для Раффа, однако начало сразу показалось мне очень высоким для него, но мне оно слишком нравилось, чтобы менять. По составу инструментов оно мне казалось более подходящим для сопрано, посему я решил сделать ее для Веберши¹⁷³. Я отложил ее в сторону и взял слова *se al labro* etc. для Раффа. Но все было напрасно. Я совершенно не мог писать: первая ария все время лезла мне в голову. Посему я и решил сделать ее специально для Веберши. Это *Andante sostenuto* (в начале маленький речитатив, в середине другая часть, *nel seno a destarmi*, затем снова *Sostenuto*). Когда ария была готова, я сказал мадемуазель Вебер: выучите эту арию сами, пойте ее по Вашему *gusto*¹⁷⁴, затем дайте мне ее послушать, и я откровенно скажу Вам, что мне нравится, а что нет. Через 2 дня я пришел, и она спела мне ее и сама себе аккомпанировала. Тут я должен был признать, что она пела точно так, как я хотел, и чему я собирался ее научить. Теперь это самая лучшая ария, которая у нее есть. Эта ария принесет ей успех везде, куда бы она ни пришла. Вчера у Вендлинга я набросал арию, которую ей обещал, с коротким речитативом. Слова она попросила из *Didone*¹⁷⁵: *Ah non lasciarmi nò*¹⁷⁶. Она и ее дочь совершенно помешаны на этой арии. Дочери я еще обещал несколько французских ариетт, одну из которых начал сегодня. Когда они будут готовы, я пошлю их, как и первую, на небольших листах бумаги. Из 6 клавирных сонат¹⁷⁷ мне осталось сделать еще 2, однако я не спешу с этим, потому что здесь я не могу их отдать в гравировку. С сускрипцией¹⁷⁸ здесь ничего не получается: это попрошайничество. А гравер не хочет резать их в счет будущей прибыли. Он хочет со мной войти в *Moitié*¹⁷⁹ от продажи.

Тогда я лучше отдам их гравировать в Париже, где граверы рады получить что-то новое и охотно платят. Да и с сускрипцией там тоже скорее может что-то получиться. Я уже давно должен был бы потихоньку отдать переписать и отослать эти сонаты. Но я думал, что лучше будет послать их Вам, когда они будут напечатаны. Я ничему так не рад, как встрече с Concert spirituelle в Париже, ибо там я скорее всего буду что-то сочинять. Оркестр так хорош и силен. И мое самое главное, любимое сочинение, а именно — хоры, можно будет прекрасно поставить там. И я очень рад, что французам это нравится. Это единственное, в чем упрекали новую оперу Пиччинни «Роланд»¹⁸⁰, а именно в том, что хоры слишком голы и слабы и, вообще, музыка слишком однообразна. Впрочем, она имела успех. В Париже все сейчас привыкли к хорам Глюка. Только положитесь на меня: я приложу все усилия, чтобы сделать честь имени Моцарта. На этот счет я совсем не беспокоюсь. Из прошлых писем Вы должны были понять, как это есть, и что имелось в виду. Я прошу, пусть мысль, что я забыл Вас, не беспокоит Вас! Ибо это для меня невыносимо. Главным моим намерением было, есть и всегда будет — сделать все, чтобы мы, как можно скорее, были вместе и счастливы. Здесь, однако, нужно терпение. Вы сами лучше меня знаете, что дела иногда идут враскосяк. Но все еще будет, как надо. Только терпение. Будем надеяться на Бога, который нас не оставит. За мной дело не станет. Как Вы можете еще во мне сомневаться? Не важно ли мне это самому[?]. Так что я работаю изо всех сил, чтобы, чем скорей, тем лучше, иметь счастье и удовольствие обнять от всего сердца своего любимейшего отца? Вот видите! Ничего в мире не бывает без корысти! Если в Баварии должно случиться войне, Вы сразу же приезжайте, прошу Вас. Я полагаюсь на 3-х друзей, сильных и непобедимых друзей, а именно, на Бога, на Вашу голову и на свою голову. Наши головы, правда, разные, однако каждая очень хороша в своем роде, дельная и полезная. И я надеюсь, что со временем моя голова постепенно догонит Вашу в том деле, в котором она сейчас мою превосходит. Ну, будьте здоровы! Будьте веселы и бодры. Помните, что у Вас есть сын, который уж точно никогда сознательно не забывал свой сыновний долг по отношению к Вам, который старается быть всегда достойным такого хорошего отца и который останется неизменно Вашим послушнейшим Вольфгангом Моцартом

Mon Très cher Père.

Вчера, в понедельник 23-го, в 4 часа пополудни мы, слава Богу, счастливо прибыли сюда. Итак, мы были 9 1/2 дней в пути. Мы думали, что не перенесем этого. Я еще ни разу в жизни так не анньюировал¹⁸¹. Вы можете легко себе представить, что это такое — уехать из Мангейма от любимых и хороших друзей и затем десять с половиной дней быть не только без этих хороших друзей, но и без людей [вообще], без единой души, с которой можно пообщаться или поговорить. Теперь, слава Богу, мы на месте. Я надеюсь, что с Божьей помощью все будет хорошо. Сегодня мы возьмем фиакр и поедем к Гримму и Вендлингу. Завтра утром, однако, я поеду к курцфальцскому министру г-ну ф[он] Зюкингену¹⁸² (большому знатоку и страстному любителю музыки, к которому у меня 2 письма — от г-на Геммингена и м[есье] Каннабиха). Перед своим отъездом в Мангейм я отдал в переписку для г-на фон Геммингена квартет, который закончил вечером в трактире у Лоди¹⁸³, а также квинтет¹⁸⁴ и вариации [на тему] Фишера¹⁸⁵. Он написал мне тогда очень вежливую записку, выразив свое удовольствие подарком, а также послал мне письмо для передачи его очень хорошему другу, г-ну фон Зюкингену, приписав: «Я уверен, что скорее Вы сами будете рекомендацией для этого письма, чем оно может быть для Вас». А чтобы возместить мне расходы на переписку, он послал мне 3 лудора. Он заверил меня в своей дружбе и просил о моей. Я должен сказать, что все кавалеры, которые меня знают — придворные советники, камер-советники, другие честные люди и весь придворный оркестр, были очень недовольны и огорчены моим отъездом. Это совершенная правда. В субботу 14-го мы уехали, а накануне, в четверг вечером, у Каннабиха была академия, где играли мой концерт для 3-х клавиров¹⁸⁶. М[адемуазель] Розль Каннабих играла на первом, М[адемуазель] Вебер — на втором, а М[адемуазель] Пьеррон (Серрариус — наша домашняя нимфа) — на третьем. У нас было 3 репетиции, и получилось довольно хорошо. М[адемуазель] Вебер¹⁸⁷ спела 2 моих арии — *Aer tranquillo* из *Re Pastore*¹⁸⁸, и новую, *Non so d'onde viene*¹⁸⁹. Этой последней моя дорогая Веберша сделала честь себе и мне. Все говорили, что еще ни одна ария их не трогала так, как эта. Она ее пела так, как и должно ее петь. Каннабих, после того как ария закончилась, громко вскричал: *bravo, bravissimo maestro; veramente scritta da maestro*¹⁹⁰. Я первый раз услышал ее здесь с инструментами. Я желал бы, чтобы и Вы ее слышали так, как она подготовила и спела, с той же точностью в *gusto*, *piano* и *forte*. Кто знает, может, Вы ее еще услышите — я надеюсь. Оркестр не прекращал хвалить арию и говорить о ней. У меня очень много хороших друзей в Мангейме (уважаемых и состоятельных), которые очень хотели, чтобы я там остался. Да только мое место там, где хорошо платят. Кто знает, может, так и получится. Я хотел бы этого. У меня всегда так — меня никогда не покидает надежда. Каннабих — честный, милый человек и мой очень добрый друг. У него один только недостаток: несмотря на то, что он уже не совсем молод, он немного небрежен и рассеян. Если ему постоянно не напоминать, то он все забывает. Однако, если это касается его хорошего друга, то он становится упорным, как осел, старается изо всех сил, и это приносит плоды, ибо у него большой авторитет. Впрочем, о его чувстве благодарности сказать ничего [хорошего] не могу. Веберы же, должен признать, несмотря на их бедность и несмотря на то, что я для них сделал не так много, как для него, выказывали мне больше благодарности. Мадам и м[есье] Каннабих не сказали мне и слова [признательности], не говоря уж о [каком-нибудь] небольшом подарке, пусть даже и безделице, чтобы хоть как-то выразить мне свою признательность. Так нет, даже спасибо не сказали, хотя я потратил столько времени на их дочку и так старался. Она сейчас уже может смело играть, где угодно. Для женщины в 14 лет и дилетантки она играет вполне хорошо. И это — благодаря мне; это знает весь Мангейм. Теперь у нее есть *gusto*, трели, темп и хорошая аппликатура, которых у нее прежде не было. Через 3 месяца им меня будет сильно не хватать, ибо я боюсь, что ее снова испортят, или она сама себя испортит. Если у нее не будет постоянного толкового учителя, то все окажется напрасным. Ибо она еще слишком ребенок и невнимательна, чтобы серьезно и с пользой для себя самостоятельно заниматься. Веберша от чистого сердца связала 2 пары перчаток из

Filet¹⁹¹ и подарила мне на память, как небольшой знак признательности. Он бесплатно переписал для меня то, что мне было нужно, да еще дал нотной бумаги и подарил мне комедии Мольера (он знал, что я их еще не читал) с надписью: Ricevi, Amico, le opere del moliere in segno di gratitudine, e qualche volta ricordati di me¹⁹². А когда он был наедине с мамой, он сказал: Вот и уезжает наш лучший друг, наш благодетель. [...] Ваш г-н сын сделал так много хорошего для моей дочери и принял в ней такое участие[!]. Она не в силах выразить ему всю свою благодарность. Накануне моего отъезда они хотели, чтобы я у них ужинал, но поскольку я вынужден был быть дома, это оказалось невозможным. Мне пришлось провести с ними 2 часа до ужина. Они не переставали благодарить меня и желали только одного — иметь возможность выразить мне свою признательность. Когда я уходил, то все они плакали. Я прошу прощения, но у меня на глаза наворачиваются слезы, когда я об этом вспоминаю. Он спустился со мной по лестнице и оставался стоять в дверях, пока я не свернул за угол, и крикнул мне вслед Adieu. Дорожные расходы, на еду, питье, ночлег и чаевые составляют более 4 лудиров. И, чем дальше мы едем по Франции, тем все становится дороже. Только что получил Ваше письмо от 16-го. Впрочем, будьте спокойны, я определенно хорошо знаю свое дело. Только прошу Вас, чтобы Ваши письма были с хорошим настроением. И если война подойдет к Вам слишком близко, приезжайте к нам. Мой поклон всем хорошим друзьям и подругам. 1000 раз целую Вам руки, обнимаю мою сестру от всего сердца и остаюсь Ваш послушнейший сын Вольфганг Амадей Моцарт

40 (440) Мария Анна Моцарт - мужу в Зальцбург

Париж, 5 апреля 1778 г.

Приписка Моцарта:

Теперь я должен более четко объяснить то, что Мама написала слишком непонятно. Г-н капельмейстер Хольцбауэр прислал сюда Miserere. Но поскольку в Мангейме состав хоров слаб и плох, а здесь силен и хорош, то его хоры не произвели бы никакого впечатления. М[есье] Ле Гро (директор Concert spirituel) попросил меня написать другие хоры. Вначале остается хор Хольцбауэра. Quoniam iniquitatem meam ego Cognosco; затем [будет] первый мой хор - Allegro, 2-ой — Adagio: Ecce enim in iniquitatibus. Затем совместно: Ecce enim veritatem dilexisti до ossa humiliata. Затем [следует] Andante для сопр[ано], тенора и баса soli: Cor mundum crea и Redde mihi laetitiam, но это все до ad te Convertentur. Затем я написал речитатив для баса Libera me de sanguinibus, после которого следует басовая ария Хольцбауэра Domine, labia mea. Поскольку уже есть ария andante для Раффа — Sacrificium Deo spiritus с солирующими гобоем и фоготом, я написал маленький речитатив Quoniam si voluis-ses, тоже с концертирующими гобоем и фоготом, ибо сейчас здесь любят речитативы. [Далее следует] Benigne fac до Muri Jerusalem Andante moderato. Хор. Затем Tune acceotabis до super altare tuo vitulos, allegro, тенор соло (Ле Гро) попеременно с хором, finis. Могу сказать, я очень рад, что, наконец, закончил эту писанину, ибо когда пишешь не дома, да еще в спешке, то будь все это проклято. Ну, слава Богу, я с этим покончил и надеюсь, это произведет впечатление. М[есье] Госсек, которого Вы должны знать, после того, как познакомился с моим первым хором, сказал м[есье] Ле Гро (меня при этом не было), что он Charmant¹⁹³ и определенно произведет хорошее впечатление что слова хорошо ложатся на музыку и вообще написано превосходно. Он мой очень хороший друг и очень сдержанный человек.

Я буду писать не один акт в опере, а всю оперу целиком, en deux acts¹⁹⁴. Поэт уже закончил первый акт. Новер (у которого я обедаю, когда хочу) взял это на себя; идея принадлежит ему. Я думаю, это будет Александр и Роксана. Мадам Женон тоже здесь. Я напишу симфонию concertante¹⁹⁵ для флейты (Вендлинг), гобоя (Рамм), Пунто — (валторна) и Риттер (фагот). Пунто играет Magnifique¹⁹⁶. Я только что вернулся из Concert spirituel. Ба[ро]н Гримм и я часто даем волю нашему музыкальному гневу по поводу здешней музыки. NB: это между нами. А для публики это bravo, bravissimo. И хлопают так, что горят пальцы. Ну, будьте здоровы. Целую 100 раз Вам руки и остаюсь

Вольфганг Амадей Моцарт

На внутренней стороне конверта: М[есье] Рафф здесь. Он остановился у м[есье] Ле Гро, так что мы почти ежедневно вместе. Я должен Вас попросить, мой любимейший Папа, не слишком [обо мне] беспокоиться; для этого у Вас нет причин. Потому что я сейчас там, где определенно можно делать деньги. Конечно, это стоит ужасных усилий и труда. Но я готов сделать все, чтобы доставить Вам удовольствие. Что меня при этом больше всего раздражает, так это то, что господа французы улучшили свой goût¹⁹⁷ лишь настолько, чтобы суметь услышать еще и хорошее. Но понять, что их музыка плоха, или хотя бы заметить разницу — куда там! А пение! — oimé!¹⁹⁸ Если бы французенки не пели итальянских арий, то я бы еще мог простить им их французское мяуканье, но портить хорошую музыку! — это невыносимо. Теперь — наш новый адрес: Rue gros chenet, vis a vis celle du Croissant, a l'hôtel des 4 fils emont. Цифра 4 нужна обязательно, потому что на доме так написано.

41 [447] Моцарт — отцу в Зальцбург

Париж, 1 мая 1778 г.

Mon Très cher Père!

[...] теперь я все же вынужден сообщить Вам о некоторых неприятных вещах. Здесь [сейчас] маленький виолончелист Зигмонтовский и его плохой отец. Я, наверное, уже писал Вам об этом. Упоминаю [об этом] только мимоходом, поскольку видел его в том месте, о котором хочу [кое-что] Вам рассказать, а именно у герцогини де Шабо. М[есье] Гримм дал мне [рекомендательное] письмо к ней, и я поехал туда. В этом письме он в основном рекомендовал меня герцогине де Бурбон, которая была тогда в монастыре, и снова напомнил обо мне. Прошло 8 дней без каких-либо известий. До этого она говорила мне, чтобы я пришел через 8 дней, так что я сдержал слово и пришел. Здесь я вынужден был полчаса ждать в большой ледяной нетопленной комнате без камина. Наконец, пришла герц. Шабо, очень вежливая, и попросила меня сыграть на одном из клавиров, сказав при этом, что ни один из них не настроен; мол, попробуйте, пожалуйста. Я сказал: я охотно сыграл бы, но теперь это невозможно, потому что мои пальцы ничего не чувствуют от холода. И попросил ее, чтобы она, по крайней мере, велела отвести меня в комнату, где в камине [есть] огонь. Oui Monsieur, vous avez raison¹⁹⁹. Вот и весь ответ. Затем она села и принялась целый час рисовать en Compagnie²⁰⁰ с другими господами, которые все сидели вокруг большого стола. Я имел честь целый час ждать. Окна и двери были открыты. У меня замерзли не только руки, но и все тело и ноги; и начала болеть голова. Итак, была altum silentii²⁰¹. Я не знал, как мне справиться с холодом, головной болью и скукой. Не раз мне приходила мысль: если бы не м[есье] Гримм, я бы тут же ушел. Короче говоря, я, наконец, поиграл на убогом жалком фортепиано. Самым же неприятным было то что мад[ам] и все господа ни на мгновение не прерывали своего рисования, а продолжали им заниматься, так что получалось, что я играл для кресел, стола и стен. От этих скверных обстоятельств у меня лопнуло терпение, и я начал играть фишеровские Вариации²⁰². Сыграл половину и встал. Тут последовало много Eloges²⁰³. Я же сказал, что и следовало сказать, а именно, что игра на таком клавире не делает мне чести и для меня было бы лучше выбрать другой день, когда клавир будет лучше. Она, однако, не сдавалась. Я должен был ждать еще полчаса, пока не пришел ее муж. Он подсел ко мне и слушал с полным вниманием, а я — я позабыл про весь холод, головную боль и играл, несмотря на убогий клавир так, как я играю, когда я в хорошем настроении. Дайте мне лучший клавир Европы, но слушателей, которые ничего не понимают или не хотят ничего понимать и которые не чувствуют того, что я играю, и я потеряю всякую охоту. Я рассказал обо всем м[есье] Гримму. Вы пишете мне, чтобы я исправно делал визиты, чтобы завязать знакомства и возобновить старые. Это, однако, невозможно. Пешком слишком далеко или слишком грязно: в Париже неопишущая грязь. Поедешь в карете — будешь иметь честь проезжать в день 4-х до 5-и ливров, да напрасно. Потому что люди здесь лают комплименты, и на этом все кончается. Приглашают меня на тот или иной день, там я играю, потом: C'est un Prodige, c'est inconcevable, c'est étonnant²⁰⁴, и за сим — adieu. Поначалу я здесь довольно проезжал денег. И часто — напрасно. Потому что не заставал людей дома. Кто не бывал здесь, тот не поверит, насколько это досадно. Вообще Париж сильно изменился. У францу-

зов уже давно нет того политеса, что был 15 лет назад. Теперь они ведут себя на грани грубости, а их вежливость отвратительна.

Теперь я должен описать Вам Concert spiritue²⁰⁵. Замечу между прочим, что работа моя над хорами была напрасной. Ибо Miserere Хольцбауэра и без того длинна и не понравилась. Посему из моих 4-х хоров взяли только 2 и, конечно, выпустили самое лучшее. Более того: многие не знали, что здесь есть что-то мое, а многие вовсе меня не знали. Впрочем, на репетиции был большой успех. Да и сам я (ибо на похвалу парижан не полагаюсь) очень доволен моими хорами. Теперь, однако, снова вышла заминка с Концертной симфонией³. Но тут, я думаю, мешает что-то другое. У меня и здесь враги. А где у меня их не было? Это, однако, хороший признак. Я вынужден был писать симфонию в большой спешке. Очень старался. [Все] четверо солистов в нее совершенно влюблены. Ле Гро взял ее на 4 дня на переписку. Но я заметил, что она лежит на том же самом месте. Наконец, позавчера [я вовсе] не нашел ее. Ищу среди нот и нахожу ее спрятанной. Ничего не сделано. Спрашиваю Ле Гро арпорос: Вы уже отдали Концертную симф. в переписку? - «Нет, я забыл». Поскольку я, естественно, не могу ему приказать, чтобы он отдал ее в переписку, то я ничего не сказал. Я пошел в Concert на второй день, когда ее должны были репетировать Тут ко мне подошли разъяренные Рамм и Пунто и спросили меня, почему не сделана моя Концертн. симфония? — Не знаю, впервые об этом слышу. Я ничего не знаю. Рамм совсем остервенел и бранился по-французски на Ле Гро в оркестрантской, что это с его стороны непорядочно еее. Что меня во всей этой истории больше всего удручает, так это то, что Ле Гро не сказал мне об этом ни слова: лишь я один ничего не должен был знать об этом деле. Если он хотя бы извинился, что у него, мол, было мало времени, или что-нибудь в этом роде... А тут — совсем ничего. Я думаю, что причиной тому — один итальянский маэстро Камбини, ибо я, сам того не желая, восстановил его против себя при первой встрече у Ле Гро. Он написал квартеты, которые очень милы, и один из которых я слышал в Мангейме. Я похвалил их и сыграл начало [одного из них]. Тут Риттер, Рамм и Пунто стали просить, чтобы я продолжал и чтобы я сам досочинил в тех местах, которые не помню. Я так и сделал. Камбини был потрясен и не мог сдержаться, чтобы не сказать, questa e una gran Testa!²⁰⁶ [Однако] думаю, что ему это не понравилось. Если бы здесь у людей были уши, сердце, чтобы чувствовать, и они хотя бы немного разбирались в музыке и имели gusto, то я бы над всем этим от души посмеялся. Но я здесь среди сплошных скотов и бестий (что касается музыки). [...] во всех своих поступках, пристрастиях и страстях они тоже не лучше... Нет другого такого места в мире, как Париж. Вы не должны думать, что я преувеличиваю, когда так говорю о здешней музыке. Спросите у кого хотите — только не у француза — и Вам скажут то же самое (если есть к кому обратиться). И вот я здесь. Я должен терпеть, и это ради Вас. Я возблагодарю Всесильного Бога, если выберусь отсюда со здоровым gusto. Я каждый день молю Бога, чтобы он смиростивился, чтобы я все это выдержал и не уронил честь свою и всей немецкой нации, делая все это Ему во славу²⁰⁷, чтобы Он дал мне сил сделать мое счастье и деньги, чтобы я был в состоянии помочь Вам в теперешних печальных обстоятельствах и помог нам скорей встретиться, чтобы мы могли счастливо и радостно жить вместе. Впрочем, да свершится воля Его как на небесах, так и на земле. И я прошу Вас, дражайший Папа, импегнировать²⁰⁸ [мне в том], чтобы я скоро увидел Италию и снова воспрянул духом. Доставьте же мне эту радость, прошу Вас.

Я прошу Вас быть веселым. Я буду стараться, как могу. Если бы я только мог насовсем выбраться отсюда[!]. Adieu. 1000 раз целую Ваши руки, от всего сердца обнимаю мою сестру и остаюсь Ваш послушнейший сын Вольфганг Амадей Моцарт

42 (449) Мария Анна Моцарт — мужу в Зальцбург

Париж, 14 мая 1778 г.

Приписка Моцарта:

У меня теперь уже столько дел; что же будет зимой? Мне кажется, я уже писал Вам в последнем письме, что герцог де Гин (его дочь — моя ученица по композиции) отменно играет на флейте, а она — превосходно на арфе. У нее большой талант и гений, в особенности — невообразимая память. Так что она играет все пьесы — а их у нее около 200 —

наизусть. Однако, она очень сомневается, есть ли у нее способности к сочинению; особенно что касается мыслей — идей. Но ее отец (который, между нами говоря, слишком в нее влюблен) говорит, что у нее определенно есть *idée*; что [ее сомнения] это глупости — она себя слишком недооценивает. Ну, посмотрим. Если у нее не появятся *idée* или мысли (пока у нее их действительно нет), то тут ничего не поделаешь, ибо я, видит Бог, дать их ей не могу. Отец не собирается делать из нее великую композиторшу. Она должна, говорит он, писать не оперы, арии, концерты, симфонии, а всего лишь большие сонаты для своего и моего инструментов. Сегодня я давал ей 4-й урок. Что касается правил композиции и гармонии — я вполне ею доволен. К первому менуэту, который я ей дал, она достаточно хорошо написала бас. Теперь она начала писать уже и 3-й голос. Вроде бы сносно. Однако, ее это [занятие] ее быстро аннигирует²⁰⁹. Здесь уж я помочь ей не могу. Дальше [пока] продвигаться невозможно: еще слишком рано, даже если бы у нее действительно был гений; однако, к сожалению, его нет. Здесь всего придется добиваться ремеслом: у нее вовсе нет никаких мыслей. Ничего не получается. Я испробовал разные подходы. Среди прочего мне пришло в голову написать совсем простой менуэт и посмотреть, не сможет ли она написать вариацию? Все напрасно. Ну, подумал я, она просто не знает, как и с чего ей начинать. Тогда я сделал вариацию первого такта и сказал ей, чтобы она продолжала в том же духе, придерживаясь этой *idée*. Наконец, кое-что получилось. Когда она закончила, я спросил ее, не хочет ли она сама начать что-нибудь; только первый голос, мелодию. Она думала целую четверть часа, но ничего не вышло. Тогда я написал 4 такта менуэта и сказал ей: «Видите, какой я осел: начал менуэт, а не могу закончить даже и первой части. Будьте так добры, завершите его». Она сказала, что это невозможно. Наконец, с большим трудом, что-то родилось. Я был рад, что впервые что-то получилось. Затем она должна была дописать менуэт, а именно, только первый голос. На дом же я не задал ей ничего другого, кроме как изменить мои 4 такта и написать что-нибудь — придумать другое начало. Если останется та же гармония, то пусть хотя бы мелодия будет другая. Ну, завтра увижу, что там получилось. Я думаю, теперь уже скоро получу стихи к моей опере *en deux acts*. Я должен их сначала показать директору м[сье] де Виму, примет ли он их. Не сомневаюсь, ибо за этим стоит Новер, а де Вим обязан ему своим местом. Новер также будет скоро делать новый балет, и я буду писать к нему музыку. Рудольф (валторнист) здесь на королевской службе; он мой очень хороший друг. Фундаментально разбирается в композиции и красиво пишет. Он предложил мне свою помощь, если я захочу занять место органиста в Версале. В год оно приносит 2000 ливров; но тогда я должен буду жить 6 месяцев в Версале. Остальные 6 — в Париже или где захочу. Я, однако, не думаю, что соглашусь на это место. Я должен выслушать совет добрых друзей. 2000 ливров — не такие уж большие деньги. В немецких монетах — да. Но не здесь. Правда, это 83 луидора в год, а 8 ливров — это в наших деньгах 915 фл. и 45 кр. У нас это было бы много, но здесь — это всего 333 талера, а 2 ливра — деньги небольшие. Талер здесь тратится ужасно быстро. Меня совсем не удивляет, что луидором здесь не дорожат, ибо это очень мало. 4 талера, или один луидор (что то же самое), был — и вот уже его и нет. Ну, *Adieu*. Будьте здоровы. 1000 раз целую Вам руки, от всего сердца обнимаю мою сестру и остаюсь Ваш послушнейший сын Вольфганг Амадей Моцарт.

Всем хорошим друзьям и подругам — мой привет, особенно г-ну Буллингеру.

43 (453) Мария Анна Моцарт — мужу в Зальцбург

Париж, 12 июня 1778 г.

Приписка Моцарта:

Теперь я должен написать Вам еще кое-что о нашем Рааффе. Вы, без сомнения, вспомните, что из Мангейма я писал о нем не очень хорошо, что я был недоволен его пением, *afin*²¹⁰ что он вообще мне не понравился. Однако это случилось потому, что я, можно сказать, вовсе не слышал его в Мангейме. Я услышал его в первый раз на репетиции «Гюнтера»²¹¹ Хольцбауэра. Он был в своей [обычной] одежде, в шляпе и с тростью в руке. Когда он не пел, то стоял, как младенец перед г.... Когда он начал петь первый *Récit.*, это было вполне *Passable*²¹². Однако, время от времени он издавал вопли, которые мне не нравились. Арии он пел довольно небрежно, а некоторые ноты — часто с неуместным воодушевлением, что было

что было не по мне. Это его давняя привычка, которая, наверное, идет от Бернакиевой школы, ибо он ученик Бернаки. При дворе он все время пел арии, которые, по-моему, ему вовсе не подходили. Посему он мне тогда и не понравился. Но здесь, когда он дебютировал в Concert Spirituel, он пел сцену Баха Non so d'onde viene, которая и без того моя любимая вещь. И тогда я первый раз [по-настоящему] услышал его пение. Теперь он мне понравился: это так и следует петь. Но сама по себе манера — Бернакиева школа. Она мне не по gusto. Мне кажется, у него слишком много Cantabile. Я допускаю, что когда он был моложе и в расцвете сил, это производило впечатление, и он, должно быть, сюрпренировал²¹³... но сейчас, это не к месту. Часто это кажется смешным, мне нравится, как он поет небольшие вещи, что-то вроде andantino, а также некоторые арии. Тут у него своя собственная манера, все на своем месте. Я допускаю, что наиболее эффектно у него получалось force, Bravura. Это заметно и сейчас насколько допускает его возраст, хорошая грудь и большое дыхание; и потом — это Andantino. Его голос красив и очень приятен. Если я слушаю с закрытыми глазами, то нахожу в нем много схожего с Мейсснером, только голос Раффа мне кажется еще приятнее. Я говорю о сегодняшнем дне, потому что не слышал обоих в их лучшие времена и могу судить только о манере исполнения, ибо манера сохраняется. У Мейсснера, как Вы знаете, есть дурная привычка чрезмерного вибрато на четвертях, а часто даже и на восьмых. Этого я терпеть не могу. Это отвратительно. Это полностью против природы пения. Человеческий голос вибрирует уже сам по себе, и в этой степени это красиво. Это природа голоса. Ей подражают не только на духовых, но и на смычковых инструментах и даже на клавире. Но как только превышает мера, это становится некрасиво, потому что это против природы. Это напоминает мне орган с испорченными мехами. Конечно, у Раффа такого нет, он этого сам не выносит. Что же касается настоящего Cantabile, то Мейсснер (хотя он и в этом превышает меру) все же нравится мне больше Раффа. Однако, что касается bravura, пассажей и рулад, то здесь Рафф — мастер. К тому же у него хорошая, четкая дикция; это красиво. И притом, как я говорил выше, из Andantino (маленьких Canzonetti) он сделал четыре немецкие песни, которые довольно милы. Он меня очень любит. Мы очень хорошие друзья: он почти каждый День приходит к нам. Я уже 6 раз обедал у графа Зюкюнгена²¹⁴, пфальцского посланника. Там всегда собираются с 1 часа до 10. Но время у него идет так быстро, что совсем не замечаешь. Он меня очень любит, да и я тоже очень охотно бываю у него — это очень приветливый и разумный господин, у которого очень здравый рассудок и такой правильный взгляд на музыку. Сегодня я снова был там с Раффом. Я принес ему некоторые мои вещи - он просил меня об этом (уже давно). Сегодня я взял с собой новую симфонию²¹⁵, которую только что закончил и которая будет открывать праздник тела Христова в Con[c]ert Spirituel. Она им обоим понравилась сверх всякой меры. Я ею тоже очень доволен. Понравится ли она [остальным], этого я не знаю, да, по правде сказать, мне это мало важно, ибо кому она не понравится? Тем немногим понимающим французам, которые там будут, я ручаюсь, она понравится. Ну а глупым — ... тут я не вижу большой беды, если она им и не понравится. Однако, у меня есть надежда, что и ослы найдут в ней что-нибудь приятное для себя. [...] я не прогадал с Premier Coup d'archet²¹⁶! Этого достаточно, чтобы эти болваны подняли шум! Черт возьми! Не вижу никакой разницы: — они и в других местах начинают все вместе. Это смешно. По этому поводу Рафф рассказал мне одну историю об Абако. Один француз спросил его в Мюнхене или еще где-то: M:г., vous avés ete à Paris? — oui; est-ce que vous etiés au Concert spirituel? — oui; que dites vous du Premier coup d'archet? — avés vous entendu le premier coup d'archet? oui; j'ai entendu le premier et le dernier — cornent le dernier? — que veut dire cela? — maisoui, le premier et le dernier — et le dernier même m'a donne plus de plaisir²¹⁷. Теперь мне пора заканчивать. Мой поклон всем хорошим друзьям и подругам, особенно г-ну Буллингеру. Тысячу раз целую Вам руки. От всего сердца обнимаю мою любимую сестру и остаюсь Ваш послушнейший сын Вольфганг Амадей Моцарт

Monsieur mon très cher Père!

Я должен сообщить Вам одну очень неприятную и печальную новость, из-за которой я не мог раньше ответить на Ваше последнее [письмо], датированное 11-ым [июня].

Моя дорогая мать очень больна²¹⁸. Она сделала себе кровопускание, как она привыкла, и это было очень необходимо. После этого ей стало лучше. Однако через несколько дней она стала жаловаться на озноб и одновременно на жар; у нее начался понос, головная боль. Вначале мы применяли только наши домашние средства, антиспазматический порошок. Мы охотно применили бы черный, но его у нас не было, а здесь мы не могли его достать. Под названием *Pulvis epilepticus* он тоже неизвестен. Но поскольку ей становилось все хуже (она с трудом говорила, потеряла слух, так что приходилось кричать), барон Гримм прислал своего доктора. Она очень слаба, у нее жар, она бредит [...] [Врачи] сказали, что надежда есть, но ее у меня не много. Я уже давно — день и ночь — между отчаянием и надеждой. Я полностью отдался воле Господней и надеюсь, что Вы и моя любимая сестра поступите так же; какое же еще есть средство, чтобы найти утешение? Я говорю себе «спокойнее», потому что быть совершенно спокойным невозможно. Я утешаю себя мыслью: пусть случится то что должно случиться, потому что я знаю, что так угодно Богу, который печется о нашем благе (даже если мы этого и не понимаем). Ибо я верю (и в этом меня никто не переубедит), что ни доктор, ни человек, ни несчастье, ни случай не могут ни дать, ни отнять у человека жизнь. [Это может] один только Бог, а то, что можем видеть мы — это только инструменты, которыми он большей частью пользуется (да и то не всегда). Иногда мы видим, что человек упал и умер. Если наступило его время, то бесполезны все средства. Они скорее способствуют смерти, чем препятствуют ей. Мы же видели это на [примере] покойного друга Хефнера! Я не хочу этим сказать, что моя мать умрет или должна умереть; что всякая надежда потеряна. Она снова может стать бодрой и здоровой, но только если того захочет Бог. Я все время думаю об этом и утешаюсь этой мыслью. После того, как я изо всех сил молился моему Богу о здоровье и жизни моей любимой матери, я чувствую себя более сильным, спокойным и утешенным. Вы можете себе легко представить, как я в этом нуждаюсь! Теперь о другом; оставим эти грустные мысли. Но не будем слишком надеяться; доверимся Богу и утешимся той мыслью, что все вершится по воле Всемогущего, который лучше знает, что нужно нам для нашего как временного, так и вечного счастья и благополучия. Я должен был написать симфонию²¹⁹ для открытия *Concert spirituel*. В день праздника тела Христова она была исполнена при большом *aplauso*. И, насколько я слышал, об этом сообщила *Couriere de L'Europe*. Итак, она исключительно понравилась. Однако, на репетиции мне было не по себе, ибо я за всю свою жизнь не слышал ничего хуже. Вы не можете себе представить, как они 2 раза подряд пропиликали и проскрипели симфонию[!] Мне действительно было совершенно не по себе. Я бы с удовольствием прорепетировал ее еще раз, но поскольку здесь всегда репетируют много вещей, то времени не хватило, и я должен был отправиться спать со страхом в сердце, в неудовольствии и гневе. На следующий день я решил вовсе не ходить в *Concert*; однако вечером была хорошая погода, и я, наконец, решился [пойти] с намерением что если будет так же плохо, как на репетиции, то я непременно пойду в оркестр, отберу скрипку у г-на Лаусе²²⁰ — первой скрипки, и буду дирижировать сам. Я молил Бога, чтобы все прошло хорошо, во имя Его великой чести и *glory*²²¹. Симфония началась. Рафф. стоял рядом со мной, и как раз в середине первого *Allegro* был один пассаж, который, я знал, должен был понравиться. Все слушатели были от него в большом восторге и много аплодировали. А поскольку я знал, как мне [лучше] его написать и какое он произведет впечатление, то я повторил его еще и в конце. И тогда все [успешно] пошло *Da capo*. *Andante* тоже понравилось, но особенно — последнее *Allegro*. Поскольку я слышал, что здесь все последние *Allegro*, как и первые, начинают всеми инструментами и обычно в *unisono*, то я начал только 2-мя скрипками *piano*, всего 8 тактов. Тут слушатели (как я и ожидал) во время *piano* зашикали. Затем сразу следовало *forte*. Когда они услышали *forte*, начались рукоплескания. Сразу после симфонии я на радостях пошел в Пале Ройяль, взял хорошего

мороженого, прочел все молитвы, как я дал себе зарок, и пошел домой, потому что дома мне всегда лучше, чем где-либо, и потому что всегда охотнее всего я буду дома или у хорошего честного истинного немца, который, если холост, то живет, как добрый христианин, а если женат, то любит свою жену и хорошо воспитывает своих детей. Теперь я сообщу Вам новость, которую вы, наверное, Уже знаете, а именно, что безбожник и архимощенник Вольтер издох, можно сказать, как собака, как скотина²²². Вот расплата! Как Вы пишете, Вы задолжали Трезель. То, что мне здесь не нравится, Вы уже давно должны были заметить. У меня для этого много причин которые однако, раз уж я здесь, ничего не меняют. У меня всего в достатке и всегда так будет. Я изо всех сил буду стараться делать все возможное. А Бог делает все к лучшему! У меня есть кое-что в голове, о чем я ежедневно молю Бога. Если на то будет Его воля, то это свершится. Если же нет, то значит так тому и быть, но я, по крайней мере, сделаю все, что зависит от меня. Если все будет в порядке и пойдет так, как я того желаю, тогда и Вам придется кое-что сделать для этого, иначе все это предприятие неосуществимо. Но я надеюсь на Вашу доброту, что Вы это непременно сделаете. Только пока не думайте об этом понапрасну, ибо об этой милости я не попрошу Вас до тех пор, пока мысли мои не прояснятся, до тех пор, пока не придет время. С оперой дело обстоит так. Очень сложно найти хорошую поэму. Лучшие из старых не подходят к современному стилю, а новые все никуда не годятся; ибо поэзия — единственное, чем могли бы гордиться французы — с каждым днем все хуже и хуже. А между тем поэзия — единственное, что должно быть здесь хорошим, потому что музыку они вовсе не понимают. Есть только 2 оперы с ариями, которые я мог бы написать. Одна *endeuxacts*²²³, другая *en trois*. (Та, что] *en deux* — *Alexandre et Roxane*. Но поэт, который ее пишет, еще в *Champagne*. Та, которая *en trois* — Демофонт²²⁴ (Метастазио) — переведена, смешана с хорами и танцами и вообще приспособлена для французского театра. Ее я тоже пока еще не видел. Напишите мне, есть ли у Вас в Зальцбурге концерты Шрёттера?²²⁵ Сонаты Хюльманделя? Я хотел купить и Вам. Оба *oeuvre*²²⁶ очень красивы. Что касается Версаля, я никогда об этом не помышлял. Я выслушал по этому поводу совет барона Гримма и других добрых друзей. Все они думают так же, как и я, это — мало денег; придется 6 месяцев изнывать в одном месте, где больше ничем не заработаешь; и — зарыть в землю свой талант. Ибо, кто находится на королевской службе, тот забыт в Париже. И потом — органист! От хорошей службы я бы не отказался, но не иначе как капельмейстером и с хорошей оплатой. Ну, будьте здоровы. Заботьтесь о своем здоровье, полагайтесь на Бога — в нем Вы найдете утешение. Моя дорогая мать в руках Всемогущего: если он захочет оставить ее нам, как я этого желал бы, то мы возблагодарим Его за эту милость, но если Он захочет ее взять к себе, то не помогут все наши страхи, заботы и отчаяние. Отдадимся же мужественно Его воле с полным убеждением, что это для нашей пользы, ибо Он ничего не делает без причины. Итак, будьте отменно здоровы, любимый Папа, сохраните для меня свое здоровье. 1000 раз целую Ваши руки, от всего сердца обнимаю мою сестру и остаюсь Ваш послушнейший сын Вольфганг Амадей Моцарт

45 (459) Моцарт — Аббату Йозефу Буллингеру в Зальцбург

Париж, 3 июля 1778 г.

Наилучший друг! только для Вас.

Скорбите вместе со мной, мой друг! Это был самый печальный день в моей жизни. Я пишу это в 2 часа ночи. Я Должен Вам сказать это: моей матери, моей дорогой матери больше нет! Бог призвал ее к себе. Он хотел забрать ее, это мне ясно; в этом я полагаюсь на волю Божию. Он мне ее дал, он у меня ее и взял. Только представьте себе все мои волнения, страхи и заботы, которые я вынес за эти 14 дней. Она умерла, не приходя в себя, — погасла как свет. Она исповедалась за 3 дня до этого, причастилась и была соборована. Последние 3 дня она постоянно бредила, сегодня же в 5 часов 21 минуту вечера она глубоко вздохнула и сразу потеряла всякую восприимчивость и все чувства. Я сжал ее руку, обращался к ней, но она меня не видела, не слышала и ничего не чувствовала. Так и лежала она, пока не отошла, а именно через 5 часов, в 10 часов 21 минуту вечера. При этом никого не было, кроме меня, нашего доброго друга г-на Хейна (мой отец его знает) и сиделки. Мне невозможно описать Вам сегодня всю болезнь. По-моему, она должна была умереть — Бог так хотел. Я ни о чем

не прошу Вас при этом, кроме как о дружеской услуге, чтобы Вы подготовили моего бедного отца к этому печальному известию. Я написал ему с этой же почтой, но только о том, что она тяжело больна. Теперь буду ждать [вашего] ответа, чтобы знать, как быть дальше. Дай Бог ему силы и мужества! Мой друг! Я не сейчас, а уже давно утешен! Я вынес все это по особой милости Бога со стойкостью и спокойствием. Когда это стало опасным, я просил Бога только о 2-х вещах, а именно, о легком смертном часе для моей матери и потом о силе и мужестве для себя. И милосердный Господь услышал меня и дал мне эти 2 милости в полной мере.

Итак, я прошу Вас, лучший друг, сохраните мне моего отца, внушите ему мужество, чтобы он, когда услышит о самом страшном, перенес это не слишком тяжело. Доверяю Вам также и мою сестру. Идите же к ним сразу, я прошу Вас. Не говорите им еще ничего о смерти, а только подготовьте их к этому. Делайте что хотите, используйте все средства, только чтобы я мог быть спокойным и чтобы меня не постигло новое несчастье.

Сберегите мне моего любимого отца и мою любимую сестру. Ответьте мне сразу, я прошу Вас. Adieu, я Ваш покорный благодарнейший слуга Вольфганг Амадей Моцарт

46 (462) Моцарт — отцу в Зальцбург

Париж, 9 июля 1778 г.

Monsieur mon Très cher Père!

Я надеюсь, Вы готовы стойко принять одно из самых печальных и прискорбных известий. Из моего последнего [письма] от 3-го Вы должны были понять, что нельзя ожидать ничего хорошего. В тот самый день 3-го, в 10 часов 21 минуту вечера моя мать почилла в Бозе. В то время, как я писал Вам, она уже вкусила небесных радостей. Все уже было позади. Я писал Вам ночью. Надеюсь, Вы и моя сестра простите мне этот маленький и очень необходимый обман, потому что после всей моей боли и скорби о ее кончине я не мог позволить себе сразу же обрушить на Вас это ужасное известие. Теперь, однако, я надеюсь, Вы оба готовы услышать самое плохое и после всей естественной и такой объяснимой боли и слез отдалиться, наконец, воле Божьей и молить о его непостижимом, необъяснимом и мудрейшем провидении. Вы можете легко себе представить, что я вынес, какие мужество и твердость были мне необходимы, чтобы стойко выдержать это, когда все постепенно становилось ещё хуже, ещё ужаснее. И все же милосердный Бог послал мне эту милость. Я испытал довольно боли, довольно плакал. Помогло ли это? Итак, я утешился. Поступите так же и вы, мой любимый отец и любимая сестра! Плачьте, выплачьтесь, но наконец утешьтесь. Помните, что так было угодно Всемогущему Богу. Что мы можем против воли Его?

Помолимся же лучше и возблагодарим Его за то, что все так хорошо закончилось, ибо она умерла очень счастливо. В этих печальных обстоятельствах я утешался тремя вещами, а именно, тем, что я полностью доверился воле Божьей и перед лицом ее такой легкой и прекрасной смерти представлял себе, как она через мгновение будет счастлива, намного счастливее *hic*; я желал себе в этот момент уйти вместе с ней. Из этого желания, из этой жажды родилось, наконец, мое третье утешение, а именно, что мы потеряли ее не навеки, что мы снова увидим ее и будем вместе более счастливы, чем на этом свете. Нам неизвестно только время, но это меня совсем не пугает. Когда Богу будет угодно, тогда и мне хорошо. Теперь божественная, святая воля свершилась. Прочтем же благоговейно Отче наш за ее душу и перейдем к другим делам — всему свое время. Я пишу Вам это в доме мадам д'Эпиней и м[е]сье Гримма, где я теперь остановился. У меня хорошенькая комнатка с очень приятным видом из окна. И я, насколько это позволяет мое состояние, доволен. Большой помощью в моем возможном умиротворении было бы, если бы я услышал, что мой дорогой отец и моя дорогая сестра со спокойствием и мужеством полностью отдались воле Господа, доверились Ему всем сердцем в твердом убеждении, что Он всем распоряжается нам во благо. Наидражайший отец! Берегите себя! Дражайшая сестра, береги себя. Ты еще не знаешь доброты сердца твоего брата, потому что у него не было возможности [проявить ее]. Дорогие мои! Заботьтесь о Вашем здоровье, помните, что у Вас есть сын и брат, который прилагает все свои силы, чтобы сделать Вас счастливыми, прекрасно зная, что и Вы однажды не откажете ему и сделаете все, чтобы исполнить его желание, и доставить ему радость, которая непременно сделает ему честь, и сделаете все возможное, чтобы видеть его счастливым. О,

тогда мы заживем так спокойно, так честно, так радостно, как это только возможно в этом мире. И, наконец, если Богу будет угодно, встретимся там — для чего мы созданы и предназначены.

Ваше последнее письмо от 29 июня я получил исправно и с радостью узнал, что вы оба, слава Богу, здоровы. Я от души посмеялся над опьянением Гайдна²²⁷. Если бы я был при этом, то непременно тут же шепнул ему на ухо: Адльгассер. Это же позор, когда такой искушенный человек по собственной вине бездействует, не исполняет своего долга в деле, которое угодно Богу, в присутствии архиепископа и всего двора, когда церковь полна народу. Это отвратительно. Вот одна из главных причин, по которым мне так ненавистен Зальцбург. Грубый, хамский и жалкий придворный оркестр. Ведь ни один благородный и воспитанный человек не сможет с ними ужиться. Вместо того, чтобы заботиться о них, он вынужден за них стыдиться! И потом, а может быть как раз и по этой причине, музыку у нас и не любят, и во все не уважают. Ах, если бы у нас к музыке относились так, как в Мангейме! Какая субординация царит в этом оркестре! Какой авторитет у Каннабиха! Там все делается серьезно. Каннабих — самый лучший директор, которого я когда-либо видел. Он пользуется любовью и уважением своих подчиненных и всего города. И его солдаты тоже. Они и ведут себя иначе, по-светски, хорошо одеты, не ходят по трактирам и не напиваются. У Вас же такого быть не может. Разве что князь доверится Вам или мне и даст нам полную власть во всем, что необходимо для Музыки. Иначе ничего не получится, потому что в Зальцбурге музыкой управляют все и никто. Если бы мне пришлось взяться за это, то мне необходима была бы полная свобода, и чтобы обергофмейстер не имел права указывать мне в делах оркестра и во всем, что касается музыки. Потому что быть кавалером — еще не значит быть капельмейстером, но капельмейстер должен быть кавалером. Apropos: курфюрст теперь снова в Мангейме. Мадам Каннабих, он и я — мы состоим в Corespondance²²⁸. Если не произойдет то, чего я боюсь и что было бы крайне нежелательно, а именно, что оркестр сильно сократят, то у меня еще останется надежда. Вы знаете, что себе я не желаю ничего иного, кроме хорошей службы, хорошей по Caractère²²⁹ и по деньгам — где бы то ни было — только бы в католическом месте. С графом Штарнбоком и вообще во всем деле Вы вели себя мастерски как Улисс. Так и продолжайте. Не дайте себя провести. Особенно будьте начеку, если Вам придется говорить с фаршированной гусыней. Я ее знаю, будьте уверены: у нее сахар и мед на устах, а в голове и сердце — перец. Совершенно естественно, что все дело еще вилами по воде писано. Им придется пойти на большие уступки, чтобы я решился на это, тем более, что даже если все и будет в порядке, я охотнее был бы в другом месте, но не в Зальцбурге. Однако мне не стоит беспокоиться: они вряд ли пойдут на все эти уступки, ибо [для них] это было бы слишком. Впрочем, все возможно. Я бы не стал сомневаться, если все было бы правильно и в порядке — лишь бы иметь удовольствие быть рядом с Вами. Однако, если зальцбуржцы хотят меня, то они должны удовлетворить все мои требования — иначе они меня определенно не получат. Г-н прелат баумбургский умер обычной прелатской смертью! То, что умер г-н прелат из Святого креста, я не знал. Мне очень жаль — он был хорошим, честным человеком. Итак, Вы не думали, что декан Цешингер станет прелатом? Я никогда ничего другого и не представлял себе, клянусь честью. Я действительно не знаю, кем бы еще он мог быть! Вот уж и правда хороший прелат для музыки! Итак, ежедневная прогулка досточтимой фрейлейн с ее верным лакеем [оказалась] бесполезна.

[...] Чтобы Вы все-таки были прилежны, не ленились. Лень — мать всех пороков. Домашняя комедия, наконец-то, все-таки состоялась! Но интересно, как долго она продлится? Я думаю, графине фон Лодрон такая музыка больше не потребуется. Чернин — молодой растяпа, а Брунетти — грубиян. Завтра мой друг Раафф уезжает отсюда; он отправится через Брюссель в Экс ля Шапель²³⁰ и в Спа, а затем в Мангейм. Он сразу сообщит мне о своем прибытии, ибо мы будем друг с другом корреспондировать. Он кланяется Вам и моей сестре, не имея чести быть знакомым. Вы пишете, что уже давно ничего не слышали о моей ученице по композиции. Охотно верю. Да и что же тут писать? Это — человек не для сочинения; тут все старания напрасны. Во-первых, она отменно глупа, а потом отменно ленива. Об опере я Вам уже написал в прошлом [письме]. О балете Новера я никогда ничего не писал, кроме того,

что он, может быть, сделает новый. Ему понадобилось полбалета, и я к нему написал музыку²³¹. В нем 6 чужих пьес, которые состоят сплошь из старых жалких французских арий, симфонии и контрданса. Вообще, я уже сделал для него 12 номеров. Этот балет уже 4 раза давали с величайшим успехом, но теперь я совершенно ничего не стану делать, пока заранее не буду знать, что мне за это заплатят. Это была всего лишь дружеская услуга Новеру. М[есье] Вендлинг уехал отсюда в мае. Если бы я захотел видеть барона Баха²³², то должен был бы иметь очень хорошие глаза, ибо он не здесь, а в Лондоне. Возможно ли, чтобы я не написал Вам об этом? Вы увидите, что в будущем я буду аккуратно отвечать на все Ваши письма. Говорят, барон Бах скоро вернется. Это было бы мне очень кстати по многим причинам, но в особенности, потому что есть возможность сделать с ним что-нибудь настоящее. Капельмейстер Бах²³³ тоже скоро будет здесь. Я думаю, он будет писать оперу. Французы есть и останутся ослами; они ничего не умеют, им приходится искать помощи у других. Говорил с Пиччини в Concert spirituel. При встречах он очень любезен со мной, а я с ним. Впрочем, я не поддерживаю [более тесных] знакомств ни с ним, ни с другими композиторами. Я знаю свое дело, и они тоже; этого достаточно. Что моя симфония в Concert spirituel имела успех, я тоже уже писал. Если я получу заказ на оперу, то получу и достаточно неприятностей. Но на это я не буду обращать особого внимания, ибо к этому я уже привык. Если бы только этот проклятый французский язык не был таким собачьим для музыки! Это какое-то убожество[!]. Немецкий по сравнению с ним божествен. К тому же еще певцы и певицы. Их и назвать-то так нельзя, ибо они не поют, а орут, воют, да к тому же еще во всю глотку, в нос и горло. Я должен буду к будущему посту написать французскую ораторию для Concert spirituel. М[есье] Ле Гро (директор) удивительно портирован²³⁴ ко мне; Вы должны знать, что я (несмотря на то, что прежде почти ежедневно бывал у него) с пасхи ни разу у него не был, обидевшись на то, что он не исполнил мою Концертную симфонию²³⁵. В этот дом я часто приходил, чтобы посетить м[есье] Рааффа, и всякий раз проходил мимо их комнат. Прислуга и горничные всякий раз меня видели, и я всякий раз раскланивался с ними. И вправду жаль, что он ее не поставил: она бы имела успех. Ну а теперь у него такой возможности нет; где есть одновременно 4 человека вместе? Однажды, когда я навестил Рааффа, его не оказалось дома, и меня заверили, что он скоро вернется. Я решил подождать. Тут в комнату вошел м[есье] Ле Гро: «Какой miracle²³⁶ снова иметь удовольствие видеть Вас!» — Да, я был очень занят. «Но Вы останетесь сегодня у нас на бед?» — Прошу прощения, я уже приглашен. «М[есье] Моцарт, мы снова должны как-нибудь встретиться». — г превеликим удовольствием. Длинная пауза. Наконец: «Аргорос: не хотите ли Вы написать для меня большую симфонию к празднику тела Христова?» — Почему бы нет? - «Но могу ли я быть уверенным?» — О да, если только и я могу быть уверен, что она будет исполнена, и что не случится то же, что с Концертной симфонией. Тут начался театр. Он извинялся сколько мог, но сказать ему было нечего. Короче — симфония имела полный успех. Ле Гро был настолько доволен, что говорил, это его лучшая симфония. Но Andante имело несчастье не угодить ему. Он говорит, в нем, мол, слишком много модуляций и оно слишком длинно. Но это оттого, что слушатели забыли устроить такую сильную и продолжительную овацию, как после первой и последней части. У меня, у всех знатоков, любителей и большинства слушателей andante имело величайший успех. Это как раз Contraire²³⁷ тому, что говорит Ле Гро. Оно совершенно простое и короткое. Но чтобы угодить ему (и, как он утверждает, большинству), я переделал его. Каждый по-своему прав, ибо по Caractère получились две разные вещи. Последняя мне нравится даже больше. При подходящем случае я пошлю Вам симфонию со скрипичной школой, клавирные пьесы и фоглерову книгу (Наука музыки и искусство композиции²³⁸); хочу услышать Ваше мнение. 15 августа, на Успение, симфония будет исполняться с новым andante во 2-й раз. Симфония — ex Re, Andante — ex sol. Здесь нельзя сказать D или g. Теперь Ле Гро полностью за меня. Время заканчивать. Если Вы будете писать мне, то я думаю, будет лучше, если Вы напишете [по такому адресу]: chez Mr Le Baron de Grim, chaussée d'antîn près le Boulevard. М[есье] Гримм сам напишет Вам вскоре. Он и мадам д'Эпиней кланяются Вам и выражают свои сердечные соболезнования. Надеются, однако, что Вы сумеете совладать с собой, раз уж ничего невозможно изменить. Утешьтесь и молитесь усердно. Это единст-

венное, что нам остается. Я хотел просить Вас заказать Святую мессу в Maria Plain и в Лоретто. Здесь я тоже это сделал. По поводу рекомендательного письма г-ну Бэру. [Ведь] я его почти не знаю. Знаю только, что он исправный кларнетист, но при этом жалкий *socius*²³⁹. Я неохотно общаюсь с подобными людьми - это не делает чести. А рекомендательное письмо я и совсем не хотел бы ему давать. Мне было бы действительно стыдно. В конце концов, если бы он хоть в чем-то был способен! Он совсем не в почете — многие его не знают вовсе. Из 2-х Стамицов²⁴⁰ здесь только младший. Старший (настоящий хафендеровский композитор²⁴¹) — в Лондоне. Это 2 жалких переписчика нот — игроки, пьяницы и распутники. Эти люди не для меня. У того, который здесь, даже платья приличного нет на теле. Apropos: если с Брунетти когда-нибудь придется порвать, то я хотел бы рекомендовать архиепископу на место первой скрипки одного моего хорошего друга — честного прилежного человека. Он человек спокойный. Ему, я думаю, лет 40; вдовец; зовут его Ротфишер. Он концертмейстер в Кирххайме-Боланд [на службе] у обеих принцесс фон Нассау Вейльбург. Он (между нами) недоволен, потому что князь не любит его, то есть, его Оркестр. Я к нему расположен всем сердцем, и мне доставляет истинное удовольствие услужить ему: он добрый малый. Adieu. 100000 раз целую Ваши руки, от всего сердца обнимаю мою сестру и остаюсь Ваш послушный сын Вольфганг Амадей Моцарт

47 (470) Моцарт - Алоизии Вебер в Мангейм²⁴²

Париж, 30 июля 1778 г.

Дражайшая подруга!

Прошу Вас простить меня, что на этот раз еще не могу послать Вам вариаций на присланную мне арию. Я счел необходимым как можно скорее ответить на письмо Вашего г-на отца, поэтому мне не хватило времени сочинить их, а потому было также невозможно и послать. Однако со следующим письмом Вы их несомненно получите. Теперь я надеюсь, что мои сонаты напечатают достаточно быстро. Вы получите также *il Popolo di Tessaglia*²⁴³, которая уже наполовину готова. Если Вы окажетесь довольны ею так же, как и я, то я смогу считать себя счастливым; я не буду вознагражден до тех пор, пока не узнаю от Вас самой, какое впечатление произвела на Вас эта сцена. Поскольку я писал ее единственно для Вас одной, то я не желаю себе иной похвалы, кроме Вашей. Ведь я могу сказать только, что среди моих сочинений в подобном роде сцена эта, должен сознаться, есть лучшая из тех, что я написал за свою жизнь.

Вы доставите мне величайшую радость, если теперь со всем усердием приметесь за мою сцену Андромеды «*Ah lo previddi!*»²⁴⁴, ибо, уверяю Вас, она очень Вам подходит и принесет Вам успех. Особенно обращаю Ваше внимание на текст. Советую Вам подумать над смыслом и силой слов, всерьез почувствовать себя в положении и со стоянии Андромеды, представить себе, что Вы и есть Андромеда. Если в Вы — с Вашим чудесным голосом с Вашей прекрасной дикцией — пойдете по такому пути то в короткое время непременно станете замечательной певицей. Большую часть этого письма, которое я имею честь писать Вам, составляет краткое изложение того как, я думаю, следует петь и представлять эту сцену, однако прошу Вас вначале изучить ее самостоятельно. Тогда Вы заметите разницу. Это будет для Вас весьма полезно, и я уверен также, что мне не придется много что-либо исправлять или улучшать: Вы сами сделаете многие вещи так, как мне бы этого хотелось; это мне уже известно по опыту. В арии «*Non so d'onde viene*», которую Вы выучили самостоятельно, мне нечего было улучшать или критиковать. Вы мне спели ее с таким вкусом, так технично и с такой выразительностью, как я только мог желать. Поэтому у меня есть все основания довериться Вашим способностям и опыту. Об этом хватит. Вы сможете это сделать. Вы отлично это умеете. Только я советую Вам и настоятельнейшим образом прошу Вас, будьте так добры, перечитайте мои письма несколько раз, следуйте моим советам и будьте уверены: в том, что я говорил и говорю Вам, у меня нет никакого иного умысла, кроме как сделать Вам добро, насколько это в моих силах.

Дражайшая подруга! Надеюсь, Вы наслаждаетесь совершенным здоровьем. Пожалуйста, всегда берегите себя — ничего нет на свете важнее этого. У меня, слава Богу, все хорошо. Что же касается моего здоровья, то я берегу себя, но в душе неспокоен, и это будет продолжаться до тех пор, пока я не получу утешения и уверенности, что Вам однажды воздастся по справедливости за Ваши заслуги. Счастливейший миг будет для меня тот, когда я буду иметь великую радость вновь видеть и ох всей души обнять Вас. Это единственное, чего я могу желать и жаждать. Только в этом желании и в этом томлении я нахожу утешение и покой. Прошу Вас, пишите мне чаще. Вы не можете себе представить, какую радость доставляют мне Ваши письма. Прошу Вас, пишите мне всякий раз, когда Вы ходите к г-ну Маршану. Описывайте мне [хотя бы] в нескольких словах, как идет разучивание сцены. Очень прошу Вас об этом. Довольно! Вы знаете, что меня очень интересует все, что Вы делаете. А пророс: пишу Вам тысячу добрых пожеланий от одного господина, единственного, которого я ценю здесь и которого люблю, ибо он — большой друг Вашего дома и часто имел счастье обнимать и целовать Вас бесчисленное количество раз, когда Вы были еще маленькой. Речь идет о господине Кюмли, художнике курфюрста. Завести с ним дружбу мне помог господин Раафф, который теперь мой близкий друг и, конечно же, и Ваш тоже. Он очень расположен ко всей семье Веберов[...]. Господин Кюмли, который питает ко всем Вам глубокое почтение, без устали говорит о Вас. Я тоже не могу перестать [это делать]. Для меня нет иного удовольствия, как беседовать с ним. Он истинный друг всего Вашего дома и, зная от господина Рааффа, что не мог бы доставить мне большей радости, как рассказывая о Вас, всегда это и делает. Прощайте же, дражайшая подруга! Жажду получить от Вас письмо. Поэтому, пожалуйста, не заставляйте меня слишком долго томиться ожиданием его. В надежде в скором времени узнать от Вас новости целую Ваши руки, обнимаю Вас сердечно и остаюсь и буду всегда Ваш истинный и искренний друг В.А.Моцарт.

Пожалуйста, обнимите от моего имени вашу дражайшую г-жу маму и всех ваших сестер.

Mon Très cher Père!

Три Ваших письма от 13, 27 и 31 августа я получил исправно. Теперь хочу ответить Вам лишь на последнее, поскольку оно самое важное. Когда я его читал (у меня в это время был м[есье] Хейна, который шлет Вам обоим поклон), я трепетал от радости, ибо я уже видел себя в Ваших объятиях. Согласитесь - то, что я здесь делаю, — счастье невеликое. Высшее счастье - это когда я смогу от всей души поцеловать Вас, дражайший отец мой, и мою дорогую сестру. Поистине — это единственное, что извиняет меня перед людьми, которые мне все уши прожужжали, чтобы я оставался здесь. Всякий раз я говорю им: что ж Вы хотите? Меня это устраивает, и — дело с концом! Есть место, где я могу сказать: я дома, живу в мире и спокойствии с моим дорогим отцом и любимейшей сестрой, могу делать, что захочу, ибо вне службы я сам себе господин, имею свой хлеб, могу уехать, когда захочу, могу раз в два года отправиться путешествовать. Чего же мне больше желать? Скажу Вам откровенно: единственное, что меня в Зальцбурге дегутирует²⁴⁵, это то, что там не умеют обращаться с людьми и что музыка не в большом почете. И что архиепископ верит не тем умным людям, которые имели возможность попутешествовать. Уверю Вас, человек, который не путешествовал (по крайней мере, человек искусства и науки), — такой человек заслуживает сожаления! И еще: если архиепископ не позволит мне раз в 2 года совершать путешествие, то мне совершенно невозможно будет принять этот ангажемент. Человек посредственного таланта всегда останется посредственностью, путешествует он или нет. Но человек с супериорным²⁴⁶ талантом (в котором отказать мне может только безбожник) чахнет, если остается на одном месте. Если архиепископ доверится мне, то я быстро сделал бы музыку при его дворе знаменитой; уж это точно. Поверьте, путешествие было для меня бесполезно. Конечно, это касается [совершенствования] в композиции, ибо на клавире я и без того играю хорошо. Только об одном я просил бы для себя в Зальцбурге: чтобы мне не быть более при скрипке, как это было прежде. Скрипачом я больше не буду; я хочу дирижировать за клавиром и аккомпанировать в ариях. Однако ж, право, было бы неплохо, если бы я мог получить письменное подтверждение моего назначения на должность капельмейстера. А то я, похоже, имею честь исполнять две службы разом, а жалование получать только за одну. Но, в конце концов, он опять поставит надо мной постороннего... Вседражайший отец! Должен Вам признаться, что, если бы не удовольствие вновь видеть вас обоих, я поистине не мог бы на это решиться... Да еще хотелось бы выбраться из Парижа, который я терпеть не могу, хотя дела мои теперь идут все лучше. Не сомневаюсь, что если б я мог вытерпеть здесь несколько лет, то с честью справился бы со своим делом; ибо теперь я довольно-таки известен. Не так люди известны мне, как я им. Я очень прославился 2-мя моими симфониями²⁴⁷ (из коих последняя была исполнена 8-го числа). Мне действительно следовало бы теперь (потому что я сказал, что уезжаю) сочинить оперу. Я сказал Новеру: если Вы ручаетесь, что ее поставят, как только она будет готова, и если мне точно скажут, сколько я за нее получу, то я останусь здесь еще на 3 месяца и напишу ее. Тогда я не смог бы отступить, иначе подумали бы, что я в себе не уверен. Но этого мне никто обещать не мог (я и сам заранее знал, что это невозможно), потому что здесь так не принято. Как вы, возможно, знаете, здесь поступают так: когда опера бывает готова, ее репетируют и, если глупые французы найдут, что она нехороша, то ее не ставят, и тогда композитор писал напрасно. Если ее найдут хорошей, то ставят на сцене, и каков у нее успех, такова и оплата. Нет никакой определенности. Вообще, об этих делах я лучше расскажу Вам при встрече. Впрочем, скажу Вам честно, дела мои тут пошли хорошо. Поспешать нельзя ни в чем: *chi va piano, va sano*²⁴⁸. С моею *Complaisance*²⁴⁹ я добился дружбы и протекции. Если б я захотел описать Вам все это, у меня заболели бы пальцы. Все это расскажу Вам при встрече и ясно докажу, что м[есье] Гримм способен помочь разве что детям, но не взрослым людям. И... но нет, не хочу больше об этом писать... Однако, я все же должен [это сделать]: не думайте, будто он тот же, что и прежде. Если бы не мадам д'Эпине, не было бы меня в этом доме. Тут ему гордиться нечем. У меня было 4 дома, где я мог бы квартировать и столоваться. Этот добряк просто не знает, что если б я решил остаться

здесь, то съехал бы [от него] в следующем же месяце и жил бы в другом доме, где не все так примитивно и глупо, как у него, где человеку постоянно тычут в нос за оказанную любезность. От такого и я могу позабыть всякую любезность. Но я хочу быть великодушнее его. Мне только жаль, что я уезжаю и не смогу показать ему, как мало в нем нуждаюсь, и что я могу не меньше, чем его Пиччинни, хоть я всего лишь немец. Величайшее благодеяние, какое он мне оказал, состояло в тех 15 луидорах, которые он одолжил мне частями при жизни покойной моей матери и по случаю ее смерти. За них он, что ли, переживает? Если он сомневается, то он и вправду заслуживает пинка, ибо не доверяет моей честности (а это — единственное, что способно привести меня в бешенство) и моему таланту. Последнее мне известно, ибо он сам однажды сказал мне, что не верит, будто я способен сочинить французскую оперу. 15 луидоров я ему с благодарностью возвращу при прощании, прибавив пару очень вежливых слов. Моя покойная Мама часто говорила мне: «...он мне кажется каким-то чудным». Но я всякий раз принимал его сторону, хотя сам тоже был убежден в этом. Он обо мне ни с кем не говорил. Если же и говорил, то это всегда получалось глупо и некстати. Подло. Он хотел, чтобы я всякий раз бегал к Пиччинни да еще к Карибальди²⁵⁰. Теперь здесь дают жалкую оперу буффа, а я всегда говорил: нет, ноги моей там не будет Еtc. Одним словом, он за итальянцев. Фальшив... и пытается утнетать меня. Трудно поверить, не правда ли? Однако это так; вот доказательство: я открыл ему всю душу, как настоящему другу, а он хорошо этим воспользовался. Он всегда давал мне плохие советы, зная при этом, что я им последую. Но такое ему удалось только 2 или 3 раза, ибо после этого я уже ни о чем больше его не спрашивал. А когда он сам мне в дальнейшем что-нибудь советовал, я его совету больше не следовал, хотя на словах всегда соглашался, чтобы не получить в ответ еще больше грубостей. Теперь довольно. При встрече мы еще поговорим об этом. Но мадам д'Эпиней добрее сердцем. Комната, где я живу, принадлежит ей, а не ему. Это комната для больных. Если в доме кто-то болеет, его переводят туда. Лучшее в ней — это вид из окна. Стены голые; нет ни шкафа, ничего... Теперь Вы видите, мог ли я вынести там дольше... Я давно бы написал Вам об этом, но боялся, что Вы мне не поверите. Но теперь я больше молчать не могу — верите ли Вы мне или нет. Но Вы верите мне, я это точно знаю. Ведь у Вас еще осталось ко мне доверия настолько, чтобы Вы поверили, что я говорю правду. Столуюсь я тоже у мадам д'Эпиней. Не думайте, будто он ей что-нибудь платит. Ведь я не стою ей ни гроша: стол у них тот же самый, [независимо от того] — там я или нет, ибо они никогда не знают, буду ли я к обеду. Поэтому ставить мне это в счет они не могут. А на ночь я ем фрукты и выпиваю бокал вина я здесь уже более 2-х месяцев, но обедал у них никак не более 14 раз. Стало быть, кроме тех 15 луидоров, которые я ему верну с благодарностью, он ничего не потратил на меня, кроме свеч. Но тут я, право же, постыдился бы на его месте, если бы вздумал предлагать мне самому покупать их. Я бы и вправду не решился сказать такое, клянусь честью. Не такой я человек. Недавно, когда он довольно резко, примитивно и глупо говорил со мною, я не решился сказать ему, чтобы он не беспокоился за свои 15 луидоров: я побоялся оскорбить его этим. Я просто-напросто стерпел и спросил, кончил ли он? А потом — слуга покорный. Он потребовал, чтобы я съехал через 8 дней. Так он спешит. Я сказал, что это невозможно, и объяснил причины. «Ничем не могу помочь, такова уж воля Вашего отца». — Прощу прощенья, он писал мне, что только в следующем его письме я узнаю, когда мне уезжать. — «Только будьте готовы к отъезду». — Я Вам говорю, я никак не могу уехать до начала следующего месяца или, самое раннее, в конце этого... Ведь мне еще надо сочинить 6 трио, за которые мне хорошо заплатят. Мне должны еще заплатить Ле Гро и герцог де Гин. А потом, поскольку в конце этого месяца двор отправляется в Мюнхен, мне бы хотелось застать его там, чтобы самому преподнести курфюрстине мои сонаты, за что я, возможно, могу ожидать презент. Упакую вещи, переговорю с г-ном Гешвендтнером и сразу же, как только будет возможно, увезу вещи, ибо оставлять их у него неблагоразумно. Три концерта — для Женоми, Литца²⁵¹ и в В²⁵² — я отдам граверу, который гравировал мне сонаты за наличные.

Если будет возможно, так же поступлю с 6-ю моими трудными сонатами²⁵³. Если это и немного, то все же лучше, чем ничего. В дороге нужны деньги. Что до симфоний, то большинство их — не в здешнем вкусе. Если будет время, то аранжирую еще несколько скрипичных концертов — сделаю их короче. У нас в Германии в моде длинные. На самом же деле — лучше коротко и ясно. Надеюсь, в следующем письме найти некоторые пояснения, что касается путешествия. Только я бы хотел, чтобы Вы написали мне самому, ибо с ним я не хочу более иметь ничего общего. Я надеюсь (и это было бы лучше), Гешвендтнер и Хейна в самом деле лучше сумеют устроить дела такого рода, чем этакий новоиспеченный барон. В самом деле, Хейна я обязан больше, чем ему. Постарайтесь увидеть это в ясном свете. Словом, жду от Вас скорого ответа на это письмо, а до тех пор не еду. Я уже рассчитал: это письмо Вы получите 22 сентября, ответите мне сразу же, 25-го в пятницу отправляется почта, и ответ Ваш я получу 3 октября, после чего 6-го могу и выезжать. Ведь мне некуда торопиться, и живу я здесь не напрасно и не бесплодно, потому что запираюсь и работаю, чтобы собрать как можно больше денег. Теперь хочу Вас кое о чем спросить: как Вы думаете, на чем мне ехать[?]. Поскольку со мною будет вовсе не так уж много багажа (по возможности, все, что мне не нужно, я пошлю вперед), я мог бы, если возможно, с удовольствием проехаться в премиллом кабриолете, какие тут теперь в моде. Вендлинг поехал именно на таком. А вообще-то можно ехать, как угодно — на почтовой карете или на витюрине²⁵⁴. Каприолеты здесь не открытые, какие были прежде, а закрытые и со стеклами. У них только 2 колеса, и в них могут сидеть две не слишком толстые особы. Но все это я узнаю из Вашего ответа на это письмо. Хочу еще кое о чем попросить, в чем, я надеюсь, Вы мне не откажете, именно: в том случае (хотя я желаю и надеюсь, что так не случится), если Веберы не поедут в Мюнхен, а останутся в Мангейме, можно ли мне иметь удовольствие поехать через Мангейм, чтобы навестить их? Правда я сделаю крюк, но небольшой; по крайней мере мне он кажется небольшим. Однако, я не думаю, что в этом окажется нужда — я застаю их в Мюнхене. Завтра я надеюсь получить подтверждение письмом. В противном же случае (я уже и так убежден в их доброте) они не откажут мне в этой радости. Дорогой отец! Если архиепископу нужна новая певица, то, клянусь Богом, не знаю лучшей. Ибо ни Тейберши²⁵⁵, ни де Амичис ему не заполучить. Остальные все, без сомнения, хуже. Мне только жаль, что если вдруг в карнавал приедут люди из Зальцбурга и будут играть «Розамунду»²⁵⁶, бедная Веберша, вероятнее всего, не понравится. По крайней мере люди будут судить о ней не так, как она того заслуживает, ибо у нее жалкая роль, почти *Persona muta*²⁵⁷ — пропеть пару строф между хорами. У нее есть одна ария, в которой по одной ритурнели можно оценить ее достоинства, но партия написана на швейцарский лад, как если бы лаяла собака. У нее есть одно-единственное рондо, во 2-м акте, где она может немного сутенировать²⁵⁸ и, следовательно, показать свой голос. Да, горе певцу или певице, попавшим в руки швейцарцу. Ибо он за всю жизнь не выучится написать что-либо, что можно было бы петь! Когда буду в Зальцбурге, то обязательно буду неустанно просить за мою милую подругу. Между тем прошу и Вас, сделайте непременно все, что только в Вашей возможности. Большей радости Вы не смогли бы доставить Вашему сыну. Теперь я ни о чем другом не думаю, кроме как об удовольствии вскоре обнять Вас. Прошу Вас, удостоверьтесь в том, что бешал архиепископ, и о чем просил я: что мое место за клавиром. Мои поклоны всем добрым друзьям и подругам, в особенности г-ну Буллингеру. О, как весело нам будет вместе! Я уже все это представляю себе, все это у меня уже перед глазами. Adieu. 100000 раз целую Ваши руки и от всей души обнимаю сестру мою. В надежде получить вскоре Ваш ответ, с тем чтобы тут же отправиться в путь, остаюсь Ваш послушнейший сын Вольфганг Амадей Моцарт

49 (504) Моцарт — отцу в Зальцбург

Мангейм, 12 ноября 1778 г.

Mon Très cher Père!

Я благополучно прибыл сюда 6-го и приятно удивил всех своих добрых друзей. Слава Богу, я вновь в моем милом Мангейме! Уверяю Вас, если бы Вы были здесь, то сказали бы то же самое. Живу я у мадам Каннабих, которая со своей семьей и всеми добрыми друзьями была почти вне себя от радости, увидев меня вновь. Мы еще не успели вдоволь наговориться,

ибо она рассказывает мне все истории и перемены, что случились здесь в мое отсутствие. За все время, пока я здесь, я еще ни разу не обедал дома, ибо меня поистине рвут на части. Одним словом — как я люблю Мангейм, так и Мангейм любит меня.

Не знаю, но думаю, я все-таки могу получить здесь место! Здесь, а не в Мюнхене, ибо, я полагаю, курфюрст²⁵⁹ снова сделает свою резиденцию в Мангейме. Ведь он не сможет долго выносить грубость этих господ баварцев! Знаете ли вы, что мангеймская труппа теперь в Мюнхене? Так вот, они там уже освистали 2-х примадонн — мадам Тоскани и мадам Урбан. И был такой шум, что сам курфюрст выглянул из ложи и сказал «шшшш». Когда же никто его не послушался, послал вниз. Граф Зеау сказал некоторым офицерам, чтобы они так не шумели курфюрсту-де это не нравится. Ему на это ответили: они здесь за свои деньги и никому не позволят собою командовать. Однако, какой же я дурак! Вы уже давным-давно, наверное, об этом знаете от наших. А теперь вот что: может быть, я смогу заработать здесь 40 луидоров! Правда, [тогда] мне придется остаться здесь на 6 недель или, самое большее, на 2 месяца. Здесь труппа Зейлера, которая Вам должна быть уже известна *per Renome*²⁶⁰. Директор у них г-н фон Дальберг. Он не отпускает меня, пока я не сочиню ему дуодраму. Я долго не раздумывал, ибо мне давно хотелось написать такого рода драму. Не знаю, писал ли я Вам что-нибудь о пьесах этого рода, когда в первый раз был здесь? Тогда я с большим удовольствием смотрел здесь дважды подобную пьесу! В самом деле, ничто и никогда еще так не сурпренировало²⁶¹ меня! Ведь я всегда воображал, что подобные вещи не могут произвести никакого впечатления! Вы, конечно же, знаете, что текст там не поют, а декламируют, а музыка — как обязательный речитатив. Иногда говорят и под музыку, и тогда это производит великолепнейшее впечатление. То, что я видел, была Медея Бенда²⁶². Он сочинил еще одну — Ариадна в Наксосе²⁶³. Обе поистине превосходны. Вы знаете, что Бенда всегда был моим любимцем среди всех лютеранских капельмейстеров. Я так люблю эти два произведения, что всегда вожу их с собой. Теперь представьте же себе мою радость — я должен сделать то, что я всегда хотел! Сказать ли Вам мое мнение? В опере большую часть речитативов следует петь только тогда, когда слова хорошо ложатся на музыку. Здесь тоже устраивают *academie des amateurs*²⁶⁴, как в Париже. Г-н Френцель дирижирует со скрипкой, а я как раз пишу концерт для клавира и скрипки. Моего дорогого друга Рааффа я здесь еще застал, но 8-го он уехал. Он меня здесь очень хвалил и принял во мне участие. Надеюсь, он поступит так же и в Мюнхене. Знаете ли, что здесь говорит этот проклятый мужик Зеау? Будто бы мою оперу буффа освистали в Мюнхене! К несчастью, он сказал это в таком месте, где меня не слишком хорошо знают! Мне досадна эта дерзость. Ведь люди, приехав в Мюнхен, узнают совершенно обратное! Здесь целый баварский полк, а кроме того, здесь еще и фрейлейн де Паули. Как ее зовут теперь, не знаю, но я уже был у нее, ибо она сразу же послала за мною. О, какова все-таки разница между жителями Пфальца и Баварии! Что за язык! Какой он грубый! И что за манеры! Мне становится не по себе, когда я вновь слышу все эти *hoben*, и *olles* и еще это *gestrenge Herr!*²⁶⁵ Ну, будьте здоровы и ответьте мне скорее. Адресуйте просто мне, ибо на почте уже знают, где я! Подумайте только, до чего хорошо известно здесь мое имя. Письму, мне адресованному, решительно нет возможности потеряться. Моя кузина²⁶⁶ написала мне, но вместо Пфальцского двора [указала] Франкский двор. Хозяин тут же отослал это письмо г-ну гофкамер-советнику Серрариусу, у которого я останавливался в прошлый раз. С этой же почтой я напишу ей, чтобы она переслала мне сюда те письма, которые у нее меня ждут. Во всей этой мангеймской и мюнхенской истории меня больше всего радует, что Вебер так хорошо устроился. У них теперь 1600 флоринов, ибо только дочь²⁶⁷ получает 1000 да еще отец — 400 плюс 200 как суфлер. Больше других сделал для этого Каннабих. Была целая история из-за графа Зеау. Если Вы об этом еще не знаете, то я Вам вскоре напишу.

Между тем будьте здоровы, мой дражайший, самый лучший отец. 1000 раз целую Ваши руки, от всей души обнимаю мою дорогую сестру и остаюсь Ваш послушный сын Вольфганг Амадей Моцарт

Кланяйтесь от меня всем добрым друзьям и подругам и особенно нашему истинному другу Буллингеру. Прошу Вас, дражайший отец мой, воспользуйтесь в Зальцбурге этими обстоятельствами и говорите чаще и больше, чтобы архиепископ подумал, что я, может быть, и не приеду и решил бы положить мне жалование получше. ...я не могу думать об этом спокойно. Сколько бы архиепископ не заплатил мне за это рабство в Зальцбурге, все будет мало! Я ощущаю в душе все радости мира, как подумаю, что навещу Вас, но чувствую одну досаду и страх, как только представляю себя вновь при этом нищем дворе! Пусть только архиепископ не вздумает снова изображать из себя передо мной важную персону, как он привык. Не исключено, что я еще покажу ему нос! Запросто! И я знаю, что Вы еще порадуетесь этому вместе со мною. Adieu. Еще вот что: если хотите сэкономить десять грошей, то адресуйте все письма в Мангейм так:

Monsieur

Monsieur Heckmann Registrateur de la chambre des finances de S: A: S:

Elee: Palatine à Mannheim.

Теперь — Adieu. Будьте здоровы. Берегите Ваше столь драгоценное для меня здоровье.

50 (535) Моцарт - отцу в Зальцбург

Мюнхен, 8 ноября 1780 г.

Mon très cher Père!

Счастливым и радостным было мое прибытие! Счастливым потому, что в дороге не случилось с нами никаких неприятностей, а радостным потому, что мы, наконец-то, достигли цели нашего хотя краткого, но очень тягостного путешествия. Поверьте, никто из нас не сумел за всю ночь заснуть хотя бы на одну минуту. Эта карета встрясает всю душу! А сидения! Жесткие, как камень! От Вассербурга думал я всерьез, что не довезти мне моей задницы до Мюнхена! Она совершенно опухла и была, по-видимому, огненно-красной. Целых два перегона ехал я, опершись руками на сиденья и держа задницу на весу... Но, довольно об этом, это уже в прошлом! Однако же, впредь я возьму себе за правило лучше идти пешком, чем ехать в почтовой карете. Теперь о Мюнхене. В тот же вечер (мы прибыли сюда только в час пополудни) я был у графа Зеау. Его не было дома, поэтому я оставил записку. На следующее утро я пошел к нему с Бекке, который просил кланяться всем вам и Фиалам, Enfin²⁶⁸, всем своим знакомым в Зальцбурге. Мангеймцы растопили Зеау, как воск. Граф говорит, что аббату Вареско нет надобности еще раз переписывать либретто и пересылать сюда, потому что оно печатается здесь. Я же сказал, что он должен переписать его целиком, не забыв при этом о сценических ремарках, и возможно скорее прислать его сюда вместе с аргументом²⁶⁹. Что же касается имен исполнителей, то это совершенно лишнее; все это легче будет сделать здесь. Кое-где мы внесем незначительные поправки, речитатив немного сократим, однако напечатано будет все.

У меня есть просьба к г-ну аббату. Арию Илии во второй сцене второго акта мне необходимо немного изменить для моих целей — se il Padre perdei in te lo ritrovo. Эту строфу лучше и не напишешь, но тут следует то что мне NB в ариях всегда казалось неестественным, а именно, реплики a parte²⁷¹. В диалогах такие вещи совершенно естественны, и иногда можно сказать пару слов в сторону. Но в арии, где слова повторяются, это производит дурное впечатление. Да и не будь этого, я хотел бы все же, чтобы тут была ария. Начало, если оно ему нравится, пусть остается; оно Charmant²⁷². Ария должна звучать совершенно естественно; я не должен быть очень связан словами, чтобы мог писать музыку свободно; мы условились, что поместим здесь арию Andantino с четырьмя концертирующими духовыми, а именно, флейтой, гобоем, валторной и фаготом. И прошу доставить ее мне как можно скорее. Теперь об одном свинстве. Я, правда, не имею чести знать героя дель Прато, однако, судя по отзывам, Чеккарелли едва ли не лучше него, ибо уже посреди арии у него частенько не хватает дыхания, и — NB: — он никогда еще ни в каком театре не выступал. А Рафф - статуя. Вот теперь и представьте себе сцену в первом акте. Теперь — о хорошем. Мадам Доротея Вендлинг²⁷³ Arci-Contentissima²⁷⁴ своей сценой. Она захотела прослушать ее 3 раза кряду. Вчера приехал великий немецкий мастер²⁷⁵ — давали Essex²⁷⁶ и Magnifique²⁷⁷ балет в курф[юршесском] придворном театре. Театр был весь освещен. Начали с увертюры

Каннабиха, которой я не знал, потому она - из последних. Уверяю Вас, если б Вы ее слышали, она бы Вам понравилась и тронула так же, как и меня! И если бы Вы не были предупреждены, то никогда бы не подумали, что это - Каннабих. Приезжайте же скорее и послушайте. Изумитесь оркестру. Больше [писать] нечего. Сегодня вечером — большая академия. Мара споет 3 арии. Идет ли в Зальцбурге снег, как здесь?

Г-ну Шиканедеру мой поклон, и он пусть простит меня за то, что еще не могу прислать ему арию²⁷⁸, ибо до сих пор не смог ее закончить.

Тысячу раз целую Ваши руки, обнимаю от всей души мою сестру, и остаюсь покорнейший сын Вольф. Амадей Моцарт

Mon très cher Père. От Каннабих[ов] и Вендл[ингов] тысяча поклонов, и [они] надеются вскоре иметь удовольствие познакомиться с вами обоими. Adieu.

51 (536) Леопольд Моцарт — сыну в Мюнхен

Зальцбург, 11 ноября 1780г.

То, что ты пишешь мне об исполнителях, печально. Итак, вся надежда возлагается на музыку. Хотел бы я послушать пение мадам Мара; напиши мне, как она поет. Легко можешь представить себе, что превосходному оркестру я радуюсь, как ребенок. [...]

52 (537) Моцарт — отцу в Зальцбург

Мюнхен, 13 ноября 1780 г.

Mon très cher Père!

Пишу в величайшей спешке, ибо еще не одет, а должен идти к графу Зеау. Каннабих, Квальо и балетмейстер Ле Гран тоже там обедают, чтобы договориться обо всем необходимом, что касается оперы. Вчера мы с Каннабихом обедали у графини Паумгартен, урожденной Лерхенфельд. Она мой друг в этом доме, стало быть и я тоже [ее друг]. Здесь это для меня самый лучший и полезнейший дом. Благодаря ему устроились все мои дела, и если Богу будет угодно, устроятся и в дальнейшем. Ибо она — та, у которой в заднице торчит лисий хвост, а на ухе висит острая цепочка от часов, на пальце же — красивый перстень; я его сам видел, да порази меня смерть, если вру, несчастный я человек без носа [...].²⁷⁹

Теперь мне пора одеваться, [...] Главная цель этого письма — пожелать Вам, дражайший мой, замечательнейший из отцов, всех мыслимых благ в день Ваших именин. Кланяюсь Вам, полон сыновней любви, и уверяю в моей вечной покорности. Вам и моей сестре кланяются графиня Ла Розе²⁸⁰, все Каннабихи и оба семейства Вендлингов, Рамм, отец и сын Экк, Бекке и г-н дель Прато xxx²⁸¹, который сейчас у меня xxx. Вчера граф Зеау представил меня Е[го] С[ветлости] курфюрсту, который был ко мне очень милостив. Если б Вы теперь так поговорили с графом Зеау, Вы бы его не узнали его изменили эти г[оспода] мангеймцы. 2-го дуэта²⁸² не будет совсем; причем опере оттого будет больше пользы, нежели вреда, ибо Вы увидите, конечно если перечитаете всю эту сцену, что вся она как бы тускнеет и остывает от арии или дуэта. Для других же актеров, которым придется при этом просто стоять, это будет очень *genant*²⁸³. И, кроме того, великодушная борьба между Илией и Идамантом вышла бы слишком длинной и, следовательно, потеряла бы всякую ценность. [...]

[...] *excomiſſione*²⁸⁴ E[го] В[ысокопреосвященства] я должен написать от его имени формальный ответ г-ну аббату Вареско. Только времени у меня нет, да и рожден я не для того, чтобы быть секретарем. Г-н Квальо сделал то же самое замечание к первому акту, сцена VIII²⁸⁵, которое и мы сделали с самого начала, а именно: где это видано, чтобы царь был на корабле совершенно один[?] Если г-н аббат считает, что будет разумно представить его покинутым всеми на корабле, в жестокую бурю, плывущим в совершенном одиночестве в величайшей опасности, тогда пусть все так и будет, но NB: без корабля, ибо на корабле он один быть не может. В противном же случае вместе с ним на берег должны сойти какие-нибудь генералы, приближенные (статисты). Но тогда царю придется сказать еще какие-то слова и своим людям, а именно: чтобы они оставили его одного, что совершенно естественно в том печальном положении, в котором он оказался, *arpropos*: я надеюсь скоро получить арию для мадам Вендлинг? Мара не имела счастья мне понравиться, ибо она совсем не старается быть похожей на *Bastardina* (а ведь у нее такое же амплуа) и слишком старается тронуть душу, как Вебер или какая-нибудь другая хорошая певица.

Mon très cher Père, ваш покорнейший сын Вольф. Амд. Моцарт

P.S. Всем добрым друзьям и подругам от меня покл[он].

arpropos, граф Зеау (зная, как дурно здесь переводят) хотел бы, чтобы и оперу тоже перевели в Зальцбурге. Только арии [должны быть] в стихах. Я должен сделать контракт, по которому поэту и переводчику заплатили бы одновременно. Ответьте на это поскорее. [...] Оперу дадут здесь в первый раз только 20 января. Будьте так добры, пришлите мне две части тех месс, которые у меня с собою, и еще мессу в В, ибо граф Зеау собирается вскоре рассказать о них курфюрсту. Я хотел бы, чтобы меня узнали и в этом жанре. Слышал мессу Груа. В таком роде легко можно сочинять по полдюжины в день. Если б я знал, что этот кастрат так плох, то и в самом деле рекомендовал бы Чеккарелли.

53 (538) Моцарт — отцу в Зальцбург

Мюнхен, 15 ноября 1780 г.

Mon très cher Père!

Ваше письмо или, вернее, всю посылку я получил вовремя. Много благодарен за деньги. До сих пор я еще ни разу не обедал дома, а потому все мои расходы — это на *friseur*²⁸⁶, *Baibier*²⁸⁷, прачку и завтраки. Ария в таком виде превосходна. Теперь осталась только одна поправка, в которой виновен Рааф. Но он прав. Да и будь он не прав, все равно следовало бы уважить его седины. Он был у меня вчера. Я прогалопировал ему первую арию²⁸⁸, и он остался ею очень доволен. Но он стар; в такой арии, какая у него во втором акте *fuor del mar ho un mare in seno*²⁸⁹ Etc., он уже не сможет показать себя. Итак, поскольку у него нет ни одной арии в третьем акте (и поскольку его ария в первом акте не достаточно *Cantabile* из-за слов), он хотел бы после своей заключительной реплики *O Creta Fortunata! o me Felice* спеть вместо квартета приличную арию. Таким образом, и здесь тоже убирается лишний кусок, и третий акт производит теперь значительно лучшее впечатление. В последней сцене 2-го акта у Идоменея есть между хорами²⁹⁰ ария или, вернее сказать, своего рода каватина. Здесь лучше будет поставить просто речитатив, в продолжение которого могут хорошо потрудиться инструменты, ибо в этой сцене, самой красивой во всей опере, будет такой шум и *confusion*²⁹¹ (благодаря действию и группам, о которых мы недавно договорились с Ле Граном), что ария в этом месте произведет далеко не лучшее впечатление. К тому же еще будет и гроза — ведь не прекратится же она ради арии г-на Раафа? Речитатив же между хорами производит несравненно лучший эффект. Лизель Вендлинг²⁹² уже полдюжины раз пропела свои две арии. Она очень довольна. От третьих лиц я слышал, что обе Вендлинг очень хвалили свои арии. А Рааф и без того мой лучший и дражайший друг! А с моим *molto amato castrato*²⁹³ дель Прато я вынужден разучивать всю оперу. В арии он не способен даже вовремя вступить. А какой неровный голос! Ангажементу него только на год, и как только он истечет, а это будет в сентябре следующего года, то граф Зеау возьмет другого. Тогда и Чеккарелли мог бы попытаться счастья *Sérieusement*²⁹⁴.

Да, чуть не забыл самое хорошее. Граф Зеау в прошлое воскресенье после мессы представил меня En Raʼant²⁹⁵ Е[г] Курф[юршеской] Светлости, который был ко мне весьма милостив. Он сказал: Я рад снова видеть его здесь. А когда я ответил, что постараюсь заслужить одобрение Его Курф[юршеской] С[ветлости], он похлопал меня по плечу и сказал: О, я нисколько не сомневаюсь что все будет очень хорошо. Piano piano, si va lontano²⁹⁶. Прошу Вас, не забудьте ответить на все пункты, касающиеся оперы, как в прошлом письме — о переводчике. Я должен заключить контракт.

Черт побери! Опять я не могу написать всего, что хотел. Только что у меня был Рааффу. Он велел Вам кланяться, как и все Кан[н]абихи и оба семейства Вендлингов. Рамм тоже. Ну, будьте здоровы. Тысячу р[аз] целую руки. Conducteur²⁹⁷ сейчас отправляется. Adieu. Обним[аю] мою сестр[у].

Остаюсь вечно послушнейш. Сын Вольф Ам. Моцарт.

54 (539) Леопольд Моцарт — сыну в Мюнхен

Зальцбург, 18 ноября 1780 г.

(...) Идомений должен сходить с корабля со свитой. Следует его обращение к свите, и затем свита удаляется. Ты знаешь, что это замечание я послал в Мюнхен. Однако, мне ответили, что гроза и море не руководствуются правилами этикета. Да, бесспорно, если бы случилось кораблекрушение. Но ведь их освободил обет. В общем же, эта высадка на берег будет великолепным зрелищем.

Что касается дуэта *deh soffri in pace o Sara*, то г-н Вареско долго не хотел к нему приступать, однако я его уговорил. Теперь у Идаманта и Илии есть только короткий спор в несколько слов речитативом, который, так сказать, прерывается подземным шумом, и слышится подземный голос. Он и его сопровождение должны быть впечатляющими, пугающими и необычными — из этого может получиться шедевр гармонии. Здесь ты найдешь готовые поправки.

В начале — поправка в *atto Ir Scena Ir №1*, где Илия вместо *argiva* в речитативе должна сказать *Archiva*. То же самое в *Atto Secondo Scena 2*а* перед № 4. Смотри вверху на обратной стороне страницы у Вареско. Причина в том, что *Achivo* — это слово, которое может быть произнесено всеми греками, слово, которым можно назвать всех греков, *Argivo* же — лишь теми, которые родом с Аргоса. Поэтому не смущайся, если найдешь в другом месте слово *argivo*. Там это правильно. Лишь только в этих 2-х отмеченных местах должно быть *Achivo*, потому что здесь речь идет обо всей Греции. Далее, № 2, обращение Идомения к свите, после того, как они сошли с корабля, когда он их отпускает. Там, в конце, ты увидишь *e al ciel natio* etc. В этом *natio* над *i* стоит *accent*, потому что оно долгое и стоит тут вместо *nativo*, что видно и по рифме.

Далее, № 3 необходимое изменение, которое я обнаружил только при внимательном чтении. Вместо: он был свидетелем славы своего отца (как у Вареско) — как раз обратное, а именно: ему жаль, что он не мог быть свидетелем великих дел и славы своего отца. Все это тебе следует сразу же в точности вписать в твою копию, чтобы ничего не забыть при сочинении музыки.

Теперь №4, по поводу *Achivo*, о чем я сказал уже выше №5: вместо дуэта - речитатив. Этот речитатив в конце следует выговаривать с большой живостью — там, где Илия бежит к алтарю, а Идамант ее удерживает, и потом сама она обращается к жрецу с пылкой речью, падает на колени, но не успевает закончить своей речи-при словах *a te sacro Ministro* подземный шум мешает ей договорить и повергает всех в страх и изумление. Если все это пройдет как следует, слово за словом, то произведет на зрителей сильное впечатление, особенно потому, что за этим последует подземный голос. Все это для зрителей неожиданно и в высшей степени необычно и поразительно. В скорейшем же времени вышлем и те поправки, о которых ты просишь в твоём втором письме. Синьору Рааффу я и твоя сестра шлем поклон и привет. Угостим его арией, а та ария, что между хорами, станет пламенным речит[ативом], который, по твоему усмотрению, может сопровождаться громом и молнией. Прежде мы придерживались предписанного плана, который снова высылаем тебе вместе с либретто. У

меня болят глаза, больше писать не могу, разве только, что посылаю тебе 2 части мессы. Они нужны тебе, вероятно, затем, чтобы добавить в них еще более духовых.

Еще одна важная вещь. Если будут еще поправки, то пришли их со следующей же почтой. Ибо Вареско не может вечно понапрасну переписывать либретто набело для печати и снова выбрасывать, как пришлось сделать теперь. Поэтому подумайте хорошенько, не оставить ли все, как оно есть. Особенно потому, что и немецкий перевод тоже следовало бы делать здесь же. Это, конечно, было бы неплохо. Я говорил с г-ном Шахтнером. Он хотел было предоставить все это дело мне. Я сказал, что он может рассчитывать, самое большее, на 40 флоринов или 8 дукатов. Он считает, что следовало бы написать 10 дукатов. Но мне кажется, в сравнении с работой Вареско это было бы слишком много. Однако, я думаю, что 8 дукатов он все-таки заслуживает, потому что и арии, и хоры, и пр. должны быть в стихах. А это в самом деле не шутка — написать стихами 27 номеров; а среди них есть весьма длинные хоры.

Я думаю, Его Превосходительство граф Зеау никому не дал бы меньше 6 дукатов за складный перевод прозой. А значит, 8 дукатов не покажется слишком много. Тогда я сразу же приму меры к тому, чтобы либретто доставлялось в Мюнхен, переписанное должным образом, так что останется лишь отдать его в печать. Ответь мне сразу же; мы не можем терять времени, adio [...]

55 (541) Моцарт — отцу в Зальцбург²⁹⁸

Мюнхен, 22 ноября 1780 г.

Mon très cher Père.

Здесь, наконец, следует уже так давно обещанная ария для г.Шиканедера. Первые восемь дней я совсем не в состоянии был ее сделать из-за других моих дел, ради которых я здесь нахожусь. Сейчас у меня был балетмейстер Легран, страшный болтун и seccatore²⁹⁹. Из-за его болтовни я прозевал почтовую карету. Надеюсь, сестра моя теперь совсем выздоровела. У меня сейчас насморк, который здесь из-за этой плохой погоды в большой моде, но, я надеюсь и верю, он скоро улетучится, потому что два легких кирасирских полка — сопли и мокрота — так всегда постепенно отступают. В Вашем последнем письме все время повторяется: О вы, бедные глаза! Я не хочу дописаться до слепоты.

[Сейчас] поздно, половина восьмого, и я без очков. Но почему же Вы пишете поздно? И почему без очков? Этого я не понимаю.

С графом Зеау я еще не успел поговорить, но сегодня скажу ему и сразу ближайшей почтой сообщу новости. Сейчас все, наверно, останется так, как есть. Г-н Раафф посетил меня вчера утром, и я передал ему от Вас обоих поклон, который его необычайно обрадовал; он также кланяется. Это достойный и глубоко порядочный человек! Позавчера дель Прато пел в академии так, что стыдно было. Готов держать пари, что этот человек даже репетиции не выдержит, а тем более оперу (спектакль). Человек насквозь нездоровый. Войдите³⁰⁰ — г-н Панцакки (он уже три раза нанес мне визит). Сейчас пригласил меня на воскресенье к обеду. Надеюсь, со мной не случится такого, как с нами обоими из-за кофе.

Он покорнейше просит узнать, нельзя ли ему вместо se la sa петъ sec со là или даже ut re mi fa sol la?³⁰¹ Я-то согласен, чтобы Вы мне всякий раз много писали, но только не поздно, тем более без очков. Но меня Вы простите, если я пишу немного. Мне каждая минута дорога. Кроме того, я могу писать большей частью только вечером, потому что день наступает поздно. Одеться тоже нужно. А тут еще слуга купца Вейзера кого-нибудь навязывает на шею. Когда приходит кастрат дель Прато, мне приходится петъ вместе с ним, потому что он свою роль учит, как дитя; у него ни на крейцер нет методы.

В следующий раз напишу больше. Как же обстоит с семейным портретом? Моя сестра могла бы (иногда, когда ей скучно) записывать хотя бы названия лучших пьес, поставленных за время моего отсутствия. Хороши ли еще сборы у Шиканедера?

Всем добрым друзьям и подругам мой привет, а также Гиловской Катерль и ее заду. Пимперль дайте щепотку испанского табаку, хорошего вина, сахару и три поцелуя. Я не надоел Вам?

1000 приветов от всех — всем — всем - adieu. 1000 раз целую Ваши руки, от всего сердца целую сест(ру) и надеюсь на скорейшее выздоровление, adieu.

Покорнейший сын Вольфганг Амадей Моцарт

56 (542) Моцарт — отцу в Зальцбург³⁰²

Мюнхен, 24 ноября 1780 г.

Mon très cher Père.

Посылку и Ваше последнее письмо от 20-го я получил. Г-н Шахтнер получит за свой труд 10 дукатов. Я надеюсь, что Вы за это время получили арию для г-на Шиканедера.

M-elle Катерль Гиловской де Уразова прошу передать мое нижайшее почтение и пожелать от моего имени к именинам всего лучшего. Особенно желаю ей, чтобы уж ее в последний раз поздравляли как m-elle. То, что Вы пишете мне относительно графа Зенсхейма, Уже давно произошло. Ведь все это связано одной целью: я уже один раз обедал у него, дважды у Баумгаптен, один раз у Лерхенфельда, чья дочь Баумтартен. Не бывает дня, чтобы по крайней мере кто-нибудь из этих людей не посетил Каннабиха.

Относительно моей оперы не тревожьтесь, дорогой отец. Я надеюсь, все пойдет совсем хорошо. Небольшая интрига, может быть, и задержит ее, но это, вероятно очень смешно окончится, потому у меня среди аристократов самые видные и влиятельные дома, а лучшие музыканты все за меня. Я не могу сказать Вам, какой Каннабих большой для меня друг, какой настойчивый, деятельный — одним словом, он на страже, когда дело идет о том, чтобы кому-нибудь сделать добро. По поводу истории с Мара, я Вам всю ее расскажу. Почему я никогда об этом Вам ничего не писал? Причиной то, что я думал, если Вы ничего об этом не знаете, то уж узнаете здесь, а если что и знаете, то всегда будет время написать Вам об этом всю правду, потому что к этому, вероятно, много прибавляли; по крайней мере здесь, в городе, ее рассказывали на разные лады. Но я-то лучше всех знаю, потому что я при всем этом affaire³⁰³ был и, следовательно, был зрителем и слушателем. Когда прошла первая симфония, m-me Мара вышла петь. Тут я увидел ее почтенного супруга, позади нее незаметно проскользнувшего с виолончелью в руке. Я подумал, что будет ария с Вам облигатной виолончелью. Старый Дании (очень хороший аккомпаниатор) здесь первый виолончелист. Вдруг старый Тэски (тоже директор оркестра, но когда здесь находится Каннабих, то он не может распоряжаться) обратился к Дании (NB своему зятю), чтобы он встал и уступил место Мара. Когда Каннабих это услышал и увидел, он крикнул: Дапци, оставайтесь сидеть! Курфюрсту нравится, когда его люди аккомпанируют. После этого началась ария — Мара стоял, как бедный грешник, с виолончелью в позади своей жены. Когда они только вошли в зал, ба они уже были мне невыносимы, потому что такую наглость не скоро встретишь — Вы убедитесь в этом в дальнейшем.

В арии имелась вторая часть; m-me Мара не сочла нужным заранее предупредить оркестр, а во время последней ритурнели с прирожденным air d'effronterie³⁰⁴ сошла вниз, чтобы приветствовать высоких господ. Между тем муж ее сцепился с Каннабихом. Я не могу все написать, это будет слишком длинно. Одним словом, он ругал оркестр, характер Каннабиха. Каннабих, естественно, вышел из себя, схватил его за руку и сказал: здесь не место отвечать Вам. Мара хотел еще говорить, но тот пригрозил вывести его вон, если он не замолчит. Все были возмущены этой impertinency³⁰⁵ Мара. Между тем исполняли концерт Рамма. Тогда двое милых супругов отправились жаловаться графу Зеау, но и там, как и у всех людей, оказалось, что они были не правы. Наконец m-me Мара затеяла sottise³⁰⁶, сама отправилась к курфюрсту по этому поводу, а муж ее тем временем совершенно высокомерно говорил: моя жена жалуется сейчас самому курфюрсту; это будет несчастьем для Каннабиха; мне очень жаль.

Но его за это великолепнейшим образом высмеяли. Курфюрст же на жалобу m-me Мара ответил: «Мадам, Вы пели, как ангел, хотя Ваш супруг Вам и не аккомпанировал». А когда она захотела дать ход своей жалобе, он сказал: «Да, но это относится не ко мне, а к графу Зеау». Когда они увидели, что ничего нельзя сделать, они ушли, хотя она должна была спеть еще две арии. По-немецки это называется оскорбить курфюрста. И я знаю точно, что если бы здесь не было эрцгерцога и многих Других чужих, то с ними обошлись бы совсем по-

другому. Но тут-то граф Зеау наложил в штаны от страха, сейчас же послал за ними, и они вернулись. Она спела свои две арии без аккомпанеента мужа. В последней (я уверен, что он, г.Мара, сделал это намеренно) оказались пропущенными три такта (NB только в рукописи, по которой играл Каннабих). Когда это произошло, Мара задержал руку Каннабиха, тот сразу нашелся — ударил смычком о пульт и громко крикнул: «Здесь все пропущено». Когда ария была окончена, он сказал: «Г-н Мара, я хочу дать Вам один совет. Позвольте Вам сказать — не хватайте за руку ни одного дирижера, потому что иначе Вы всегда сможете получить круглым счетом полдюжины пощечин».

Теперь тон у Мара совсем снизился. Он попросил прощения, извинился наилучшим образом. Самое постыдное во всем этом affaire то, что Мара (дрянной виолончелист, как все здесь говорят) совсем не смог бы выступить при дворе, если бы не Каннабих, который ему в этом помог.

В первой академии, когда меня еще здесь не было, он сыграл концерт, аккомпанировал своей жене, уселся, ничего не сказав ни Данци, ни кому другому, на его, Данци, место. Это все так и осталось. Курфюрст вовсе не был доволен его аккомпанементом и сказал, что ему приятнее, когда аккомпанируют его люди. Каннабих, зная об этом, рассказал все графу [Зеау] перед тем, как началась академия. Он, правда, мог бы играть по другую сторону [оркестра], но и Данци тоже должен был играть. И когда Мара пришел, ему об этом сказали, и все же он затеял эту impertinence. Если бы Вы знали этих двоих людей, по лицу уже видны их высокомерие, грубость и настоящая effronterie. Ну, надеюсь, моя сестра уже выздоровела. Прошу Вас, не пишите мне больше таких печальных писем, потому что мне теперь необходимо бодрое настроение, ясная голова и желание работать. Я ей-богу знаю и чувствую, как сильно Вы загубили свой покой! Но разве я — помеха? Не хотел бы быть [помехой], и все-таки, к сожалению, это так. Но тогда я достигну своей цели и займу видное положение, то Вы немедленно уедете из Зальцбурга. Этого не произойдет, скажете Вы. По крайней мере в моем усердии и прилежании не будет недостатка. Только Вы постарайтесь как можно скорей ко мне приехать. Если бы только этот осел, который раздирает кольцо и от усилий лопается так, что слышно зловоние, как у кастрата с рогами, и своим длинным ухом поглаживает лисий хвост, не был бы так...³⁰⁷ Мы сможем жить все вместе, в первой моей комнате большой альков, там стоят две кровати. Для нас с Вами это charmane³⁰⁸. А вот для сестры нет другого средства, как поставить печку во второй комнате. Это affaire обойдется приблизительно от 4-х до 5-ти гульденов. Топить можно будет так, что печка взорвется, и дверь туда нужно оставлять открытой, потому что иначе невыносимо из-за того, что там лютый холод.

Спросите, пожалуйста, аббата Вареско, нельзя ли во втором действии хор Placido e il mar и т.д. окончить там, где он повторяется после первой строфы Электры? Или хотя бы после второй (строфы), а то получается слишком длинно!

Я надеюсь уже со следующей почтой получить речитатив и арию для г-на Рааффа.

Вот уже два дня, как я из-за насморка сижу дома и, к счастью, у меня не было большого аппетита — иначе мне было бы затруднительно слишком долго не платить за еду. По этому поводу я написал графу [Зеау] записку. Он велел мне сказать, что поговорит со мной об этом. Господи! Я никому не плачу ни крейсера! Ему ведь должно быть стыдно до глубины души.

153 Правильно: Кирхаймболанден.

154 Зд.: прием.

155 Зд.: непременно (фр.).

156 KV246.

157 Правильно: Лютцов.

158 С листа (ит.).

159 Вкус (ит.).

160 От фр. *négliger*, пренебрегать.

161 Августина Вендлинг (ум. 1794).

162 Фридолин Вебер и дочери Алоизия и Йозефа.

163 См. Письма к кухне.

164 Моцарт мог иметь в виду *austérité* или *autotité*. В первом случае Валлерштейн сидел с отрешенным, строгим видом, во втором - с независимым видом (фр.).

165 С Алоизией Вебер (прим. 1760 — 1830) Моцарт хотел предпринять концертное турне.

166 От фр. *instruire*; здесь - подготовить.

167 От фр. *soutenir*; здесь - подержать ноту, звук.

168 *Se al labbro mio non credi* KV 295.

169 См. п. 37.

170 Вторая часть (ит.).

171 *Alcandro, lo confesso — Non so, d'onde viene* KV 294.

172 Иоганн Кристиан Бах.

173 Алоизия Вебер.

174 Вкус (ит.).

175 Метастазии «Покинутая Дидона» (*Didone abbandonata*) (11,4).

176 *Basta, vincerai — Ah non lasciarmi* KV486a (KV: 295a).

177 Скрипичные соната KV301/293a, KV302/293b, KV303/293c, KV304/300c, KV305/293d, KV 306/3001, позднее посвящены княгине Элизабет Августе.

178 От фр. *souscription*: подписка.

179 На равных паях (фр.).

180 «Роланд» (*Roland*) — первая опера Пиччинни для Парижа (1778).

181 От фр. *ennuyer*: скучать.

182 Правильно: Зикинген.

183 KV80/73f.

184 KV174, 184 KV179/189a.

185 KV242.

186 Алоизия Вебер.

187 «*Aer tranquillo e di serenità*» (№3 из оперы «Царь-пастух»).

188 *Non so, d'onde viene*

189 KV 294.

190 Это действительно написано мастером (ит.).

191 От фр. *filet*: кружева.

192 Прими, друг, сочинения Мольера в знак моей признательности и вспоминай иногда обо мне (ит.).

193 Прелестен (фр.).

194 В двух актах (фр.).

195 KV297b; оригинал утерян.

196 Великолечно (фр.).

197 Вкус (фр.).

198 Увы (ит.).

199 Да, месье, вы правы (фр.).

200 Вместе (фр.).

201 Полная тишина (лат.).

202 Вариации на тему Фишера KV179/189a.

203 Похвалы (фр.).

- 203 Похвалы (фр.).
- 204 Чудо, невероятно, удивительно! (фр.)
- 205 См. п.40.
- 206 Гениальная голова (ит.).
- 207 У Моцарта — gloу. Должно быть gloу (англ.).
- 208 Здесь: содействовать (от фр. imprégner).
- 209 Зл.: утомляет (от фр. ennuyer).
- 210 Очевидно: enfin - наконец (фр.).
- 211 Опера «Гюнтер фон Шварцбург» Игнаца Якоба Хольцбауэра.
- 212 Правильно: passable - сносно (фр.).
- 213 От фр. surprendre - поражать, изумлять.
- 215 KV297/300a, Парижская Симфония (18 июня 1778 в Concert spirituel).
- 216 Начало симфонии с мощного tutti, обычно в унисон («Первый удар смычка»).
- 217 Вы были в Париже? - Да. Вы были на Concert Spirituel? - Что Вы скажете о первом ударе смычка? Слышали Вы первый удар смычка? - Да. Я слышал первый и последний удар смычка. Как Вам понравился последний? [...] Да, [я слышал] первый и последний, и последний даже доставил мне больше удовольствия (фр.).
- 218 Моцарт писал это письмо, когда Мария Анна уже скончалась (3 июля 1778 в 22:21).
- 219 KV 297/300a.
- 220 У Моцарта Lahouse. Правильно: La Houssaye - Ла Уссэ.
- 221 Слава (англ.).
- 222 Вольтер умер 30 мая 1778 г. в Париже.
- 223 Правильно: en deux acts — в двух актах (фр.).
- 224 Оба проекта не осуществились.
- 225 Иоганн Самуэль Шрётер (1752-1788), Шесть концертов для клавесина или фортепиано, соч.3 (Париж ок. 1775); Моцарт написал каденции KV624/626a прил. (KV6: II) D,F,G,H к трем концертам.
- 226 Сочинения (фр.).
- 227 Михаэль Гайдн.
- 228 Правильно: correspondance, переписка (фр.).
- 229 От фр.: caractère - характер.
- 230 Aix la Chapelle — франц. назв. немецкого города Аахен.
- 231 «Безделушки» (Les petits riens, KV прил. 10/299b).
- 232 Имеется в виду Карл Эрнст Фрайер фон Баге.
- 233 Иоганн Кристиан Бах.
- 234 От фр. porté, здесь: расположен.
- 235 KV297b; оригинал утерян.
- 236 Miracle - чудо (фр.).
- 237 Наоборот (фр.).
- 238 Георг Йозеф Фоглер, Наука звука и искусство звукоизвлечения, Мангейм 1776.
- 239 Зл.: личность (лат.).
- 240 Карел Стамиц (1745-1801) и его брат Антонин (1754-1809).
- 241 С иронией: Леопольд Моцарт очень неодобрительно оценивал зальцбургского скрипача Йозефа Хафендера.
- 242 В оригинале письмо написано по-итальянски.
- 243 Речитатив и ария Popoli di Tessaelia — Io non chiedo, eterni Dei KV316/300b.
- 244 Ah, b previdi — Ah, t'involà agl'occhi miei KV272.
- 245 От фр. dégoûter: вызывать отвращение.
- 246 От фр. supérieur: в высшей степени.
- 247 KV297/300a и KV прил. 8 (KV311A) (утеряна).
- 248 Типе едешь - дальше будешь (ит.).
- 249 Любезность, предупредительность (фр.).
- 250 Джоаккино Гарибальди.
- 251 Женом и Лютцов (У Моцарта со строчных букв: jenomu и Lutzu вместо Jeunehomme и Lützow).
- 252 KV271 (Женом-концерт), KV246 (Лютцов-концерт), KV238.
- 253 См. письмо 26.
- 254 Очевидно, искаж. voiture — экипаж (фр.).
- 255 Элизабет Тейбер.
- 256 Опера «Розамунда» Антона Швейцера; текст Кристофа Мартина Виланда
- 257 Немая роль (ит.).
- 258 Поддержать ноту, звук (фр.).
- 259 Курфюрст Карл Теодор.
- 260 Renommée — репутация, известность (фр.).

- 261 От франц. *surprendre* - поражать, изумлять.
- 262 Монодрама «Медея» Георга Бенды (1722-1795), придворного капельмейстера в Готе (до 1778).
- 263 «Ариадна на Наксосе» (*Ariadne auf Naxos*), дуодрама Бенды.
- 264 Академия любителей музыки (фр.).
- 265 Даются примеры баварского диалекта.
- 266 Мария Анна Текла Моцарт; см. «Письма к кузине».
- 267 Алоизия Вебер.
- 268 Наконец (фр.).
- 269 Краткое изложение оперного либретто (фр.).
- 270 «*Se il padre perdei*» №11 в «Идоменее».
- 271 В сторону (ит.).
- 272 Прелестно (фр.).
- 273 Доротея Вендлинг, Илия в «Идоменее».
- 274 Архидовольна (ит.).
- 275 *Gross Deutschmeister* - эрцгерцог Максимилиан Франц, сын Марии Терезии.
- 276 «Граф Эссекс, или Княжеская милость» Кристиана Генриха Шмидта (1746 - не позднее 1800), перевод трагедии *The Unhappy Favourite or The Earl of Essex* Джона Бэнкса (1681).
- 277 Великолепный (фр.).
- 278 Ария (вставная) к комедии «Две бессонные ночи, или счастливый обман»; KV прил. 11a/365a (утеряна).
- 279 Шифровка по типу акростиха: здесь в (определенных) словах читаются только первые буквы, в сумме дающие слово фаворитка (имеется в виду фаворитка курфюрста).
- 280 Лярозе (*Larosee*).
- 281 Смысл этих трех крестов более близко в русском языке может быть передан охранительным заклинанием типа «чур меня!» Такое употребление крестов в те времена было делом обычным. Моцарт здесь шутливо отрекается от дель Прато, который действительно доставлял ему много неприятностей.
- 282 Дуэт Илии и Идаманта перед сценой оракула. Текст не сохранился.
- 283 Затруднительно (фр.).
- 284 *Ex commissione* — по поручению (ит.).
- 285 «*Ecco ci salvi al fin*», выходная ария Идоменей.
- 286 Парикмахер (фр.).
- 287 Правильно: *barbier* - цирюльник (фр.).
- 288 «*Vedròmmi intorno*» («Идоменей» № 6).
- 289 «Идоменей» № 12.
- 290 Хоры № 17 и № 18.
- 291 Смятение (англ.).
- 292 Электра в Идоменее.
- 293 Горячо любимый кастрат (ит.).
- 294 Серьезно (фр.).
- 295 Правильно: *en passant* — мимоходом (фр.).
- 296 Тише едешь - дальше будешь (ит.).
- 297 Кондуктор (почтовой кареты) (фр.).
- 298 Цитируется по книге «Вольфганг Моцарт. Избранная переписка. Период создания оперы «Идоменей» (Музгиз, 1958). Перевод (с нашей незначительной редакцией) и комментарий Елизаветы Даттель.
- 299 Назойливый (ит.).
- 300 «Войдите...» — Моцарт пишет, как будто разговаривает, а если в это время что-нибудь происходит, то он и это заносит на бумагу. Так и сейчас: в дверь постучал певец Панцакки (исполнитель роли Арбака в «Идоменее»), и он ему ответил: «Войдите» и тут же вписывает это слово в свое письмо к отцу. (Из комментария Е.Даттель.)
- 301 Вместо «если знаете вы» петь «если судьбой предначертано» или даже сольмизировать (ит.).
- 302 Цитируется по книге «Вольфганг Моцарт. Избранная переписка. Период создания оперы «Идоменей» (Музгиз, 1958). Перевод (с нашей незначительной редакцией).
- 303 Дело (фр.).
- 304 Наглый вид (фр.)
- 305 Дерзость (фр.).
- 306 Нелепость (фр.).
- 307 Дословный перевод фразы-шифра, образующей слово епископ.
- 308 Прекрасно (фр.).

Вольфганг Амадей Моцарт

ПИСЬМА к КУЗИНЕ

М.: «Аграф». 2000

Предисловие

Судьба публикации девяти сохранившихся писем В.А.Моцарта к его двоюродной сестре Марии Анне Текле Моцарт (Бэсле*) необычна. Сначала они были признаны непристойными. Более того, в них находили подтверждения якобы существовавшей кровосмесительной связи Вольфганга с его кузиной. Впоследствии эти письма не раз становились объектами сомнительных психоаналитических исследований и вплоть до середины нашего века не были доступны читателю: впервые без купюр они были включены в полное собрание переписки семьи Моцартов лишь в 1963 году**.

Вдова Моцарта Констанца, современники композитора, пережившие его всего на несколько десятилетий, издатели — все они в разное время по-разному относились к письмам Моцарта к кузине.

Лучше других зная склонность Моцарта к проказам и понимая безобидность содержания этих девяти писем, Констанца тем не менее в 1799 году в письме к издателям «Брайткопф и Хертель», готовившим к публикации биографию Моцарта, так выражает свои сомнения: «...конечно безвкусые, но тем не менее смешные письма к его двоюродной сестре несомненно заслуживают упоминания, однако, не полной публикации».

Часть писем позднее переходит в собственность Карла Томаса Моцарта, который даже подумывал об уничтожении этих писем отца, содержащих «грубые шутки», как он однажды выразился в беседе с франкфуртским композитором Вильгельмом Шпеером.

В биографии Моцарта (Otto Ян, 1856) письма к кузине были опубликованы с купюрами мест, «оскорбляющих чувства пристойности и вкусы нашего времени»... В биографии Моцарта, изданной Густавом Ноттебомом в 1880 году, эти девять писем постигла та же печальная участь. Каких только аргументов не приводили издатели, оправдывая многочисленные купюры, полностью искажавшие дух, стиль и смысл этих писем: «несалонные выражения», «чтение не для благородных девиц», «опущено по эстетическим соображениям»... Самый изысканный аргумент принадлежит, пожалуй, Георгу Николаусу Ниссену, второму мужу Констанцы Вебер, не включившему эти девять писем в биографию Моцарта, «дабы не вредить славе и уважению» композитора публикацией «неприличных выражений».

Что же представляют собою эти девять писем, написанные Моцартом в период с 1777 по 1781 год? Прежде всего — это свидетельства определённой эпохи развития языка и общества.

Всё, что Моцарт хотел сказать миру, он сказал своей музыкой***, и читая его письма, мы вторгаемся в интимную сферу человека, большая часть писем которого не была предназначена для постороннего глаза (в отличие от писем многих великих конца девятнадцатого и двадцатого века). Это объясняет многое.

Современному немецкоязычному читателю писем Моцарта сразу бросается в глаза «странная» орфография, головоломный, «захлёбывающийся» синтаксис, более свойственный разговорной, нежели письменной речи, и частью устаревшая узкодиалектная лексика, которая порой требует пояснения не только языковедов, но и моцартоведов. И чем ближе Моцарту адресат, тем сложнее читаются его письма. Без сомнения, самые «трудные» — письма к кузине, которые, однако, неверно было бы рассматривать, вырвав их из контекста семейной переписки и времени написания.

Для начала — о «непристойности».

Социальные изменения, происходившие в немецкоязычных государствах и княжествах на пороге девятнадцатого века, повлекли за собой изменения представлений о «пристойном». Произошло так называемое очищение языка, возникли многочисленные эвфемизмы, оттеснившие исконно немецкую лексику в тень стилистически заниженного, вульгарного, непристойного. Поэтому многие места из семейной переписки Моцартов и особенно письма Вольфганга к кузине попали в немилость у ревнителей морали того времени, а у современного читателя до недавнего времени вызывали сильное недоумение.

Взгляды Леопольда Моцарта на состояние телесного здоровья соответствовали представлениям того времени, и, не догадываясь о грядущих переменах, отец воспитывал сына и дочь в тех же традициях. Для него, как и для большинства европейцев начала и середины восемнадцатого века, одним из главных условий физического здоровья было благополучное состояние пищеварительного тракта, а конечный продукт пищеварения рассматривался как основной показатель здоровья. Слова, обозначающие органы человеческого тела и их различные состояния, были такими же стилистически нейтральными и «безобидными» с точки зрения морали, как сегодня для нас слова «желудок», «икота», «почечная колика»...

Проблемы физического здоровья обсуждались членами семьи не только устно, но и в письмах: «Если мы здоровы и регулярно опорожняемся, то всё остальное не имеет большого значения», — замечает Леопольд Моцарт в одном из своих писем. «Нет ничего более здорового, чем регулярное опорожнение...», «... я писал тебе про тиллюли. Я считаю, что жопа лечит голову» (из письма Леопольда жене Марии Анне).

О неудобствах путешествия в почтовой карете Вольфганг сообщает отцу 8 ноября 1780 года: *«От Вассербурга думал я всерьёз, что не довезти мне моей задницы до Мюнхена! Она совершенно опухла и была, по-видимому, огненно-красной. Целых две станции ехал я, опершись руками на сиденье и держа задницу на весу»*. На что Леопольд отвечает: *«Как ужасно почтовая карета разбивает бедную жопу, я однажды почувствовал на собственной шкуре... почтовой каретой уж точно больше никогда не поеду: мои сливовые косточки мне дороже»*. Леопольд, посылая дочери коробочку шафрана, пишет, что шафран он дарит ей *«к Новому году, чтобы окрасить им задницу в жёлтый цвет»*. Подобных цитат в семейной переписке Моцартов и их современников можно найти немало. Слова *задница, жопа, дерьмо, говно* и т.п. были достаточно употребительны, хотя и в то время уже существовали определённые границы дозволенного. Эти слова и выражения имели также дополнительные значения, до сих пор живущие в современном разговорном немецком языке в качестве стилистически сниженных и не вполне пристойных. Например: *«вместо письма получу дерьма...»*, — пишет Вольфганг кузине в пятом письме, что означает «не получу ничего вовсе».

Точно так же, как и их немецкие «коллеги», многие русские нецензурные выражения совершенно лишены эротики, которую со времен распространения психоанализа некоторые исследователи выискивают в письмах Моцарта к кузине, делая при этом головокружительные выводы...

Южные диалекты немецкого языка, к которым принадлежит и родной диалект Моцарта (его мать была уроженкой Зальцбурга), в определенной степени и сегодня отличаются грубоватостью. А во времена Моцарта этот диалект особенно изобилует шутками, поговорками и стихами анально-фекального толка, которые сегодня нам кажутся вульгарными. И неудивительно, что Моцарт, впитав этот дух в буквальном смысле с молоком матери, разделял пристрастие к таким шуткам, приправляя их изрядной долей собственной фантазии, забавляясь рифмами и пародиями, Ифая словами и числами, переставляя их в обратном порядке и пр. Так сложился личный стиль Моцарта, не отмеченный заботой о правописании, с повторениями, незаконченными предложениями, но полный живого юмора, озорства и тонкого чувства языка. Те, кому рифмы Моцарта, особенно многочисленные в письмах к кузине, покажутся неумными или банальными, а стихи (в особенности «Нежная ода» из восьмого письма) — пошловатыми, пусть не торопятся с выводом об отсутствии вкуса и литературного таланта у Моцарта.

Да, как и в русской поэзии, глагольные рифмы в немецком стихосложении считаются банальными. Такие рифмы, особенно с суффиксом «ien (у Моцарта «in»)****, многократно встречаются в письмах Моцарта. Но тот же Моцарт решительно вычеркивает их из либретто своих опер!!! А «Нежная ода» — всего лишь своеобразная пародия на чужую оду, в которой Моцарт заменил имя Эдона на Сеструльку. Эта ода принадлежит перу Фридриха Клопшток, известного тогда литератора, того самого, который так много сделал для развития немецкого языка. У Моцарта было безошибочное чутьё на пошлость, напыщенную театральность, затасканные выражения, которые он так часто пародирует в письмах к кузине.

Итак, «непристойности», содержащиеся в этих письмах, стали «непристойностями» лишь несколько десятилетий спустя. По традиции тех лет мать Моцарта безусловно имела возможность читать письма сына перед отправкой, и представляется совершенно невозможным, чтобы она могла пропустить незамеченным что-либо с её точки зрения непристойное. Ещё менее возможным кажется то, что кузина, а также её родители (которым эти письма, опять же по традиции, читались вслух) позволили бы продолжать переписку, если бы не воспринимали эти письма как баловство и шутки, в которых не содержалось ничего предосудительного. Более того, эти письма прошли «строжайшую цензуру» Констанцы Вебер, о которой известно, что она уничтожала всё, что каким-либо образом могло скомпрометировать её или её мужа.

Известно, что писем к кузине было больше девяти. Кто и почему не сохранил их — этот вопрос навсегда останется без ответа. Также невыясненным останется и вопрос о том, какие же всё-таки отношения были между Вольфгангом и кузиной. При всей видимой обоснованности, аргументы моцартоведов «за» и «против» возможно существовавшей между молодыми людьми интимной связи всё же останутся только косвенными. Оставляя за внимательным читателем «Писем к кузине» право составить своё собственное мнение об отношениях, существовавших между Вольфгангом и его двоюродной сестрой, приведем лишь некоторые факты и соображения, касающиеся этого вопроса.

Мария Анна Текла Моцарт, дочь младшего брата Леопольда Моцарта — Франца, была моложе Вольфганга на два с половиной года. Первый раз они встретились, когда Вольфгангу было семь лет. Следующая встреча состоялась тремя годами позже. Однако эти краткие встречи в столь нежном возрасте вряд ли могли способствовать возникновению между ними чувства близкого родства.

Уже взрослыми людьми (Марии Анне шёл девятнадцатый год) они встретились и по-настоящему познакомились, проведя вместе две недели, когда Вольфганг остановился у дяди в Аутсбурге на пути в Париж. С этого момента между ними завязывается переписка, из которой сохранились лишь девять писем Вольфганга.

Письма эти вряд ли можно назвать любовными в привычном смысле. В них нет ни нежностей, ни признаний, свойственных письмам такого рода*****.

Если у Марии Анны и были виды на Вольфганга, то после его знакомства (в начале 1778 года) с шестнадцатилетней красавицей Алоизией Вебер, обладавшей к тому же достаточно хорошими вокальными данными, чтобы окончательно поразить воображение и без того пылкого молодого человека, шансы кузины существенно ухудшились*****. Во влюблённости Моцарта в Алоизию Вебер, так и оставшуюся для него недоступной, сомнений быть не может. Однако переписка с кузиной в это время продолжается в том же духе, что и до встречи с Алоизией. Те же шутки, грубоватые, но, по-видимому, нравившиеся и привычные кузине, та же манера, выдающая свободу общения между молодыми людьми. Однако тон этих писем совершенно не сравним с тоном единственного сохранившегося письма влюблённого Вольфганга к Алоизии Вебер.

В декабре 1778 года кузина получает приглашение Вольфганга приехать к нему в Мюнхен. Она принимает это приглашение и, более того, сопровождает его из Мюнхена в Зальцбург...

Близкое родство молодых людей вряд ли могло послужить препятствием их интимным отношениям: в эту эпоху, да и гораздо позже, браки между двоюродными братьями и сестрами не были редкостью; ими были увешаны не только генеалогические древеса правящих династий Европы. Известно также, что во времена Моцарта не вызвали ни общественного возмущения, ни серьёзного порицания и более скандальные случаи кровосмешения.

Одним из веских аргументов против близости Вольфганга и Марии Анны считается его письмо отцу от 15 декабря 1781 года, в котором двадцатипятилетний Вольфганг клянется, что ещё не имел интимных отношений ни с одной женщиной. Американский психоаналитик К.Р. Айсслер придает большое значение этой моцартовской исповеди отцу...

Однако в одном из писем Вольфганга к кузине (3 декабря 1777 года) мы находим и такое: «*A propos: за всё время, как я ужасал из Аугсбурга, не снимал я штанов, разве что ночью, перед тем как ложиться спать...*» Кишечно-желудочная причина здесь исключается: она подлежала свободному обсуждению, и вещи назывались своими именами, в то время как интимно-половая сфера в это время уже начинала табуироваться (вспомним, как, описывая путешествие в почтовой карете, Леопольд Моцарт свободно оперирует словом «жопо», но застенчиво обозначает свои половые органы как «сливовые косточки»).

Сторонники теории «против» часто цитируют второе письмо Вольфганга к кузине (от 5 мая 1777 года) с бесконечными вариациями невероятно многозначного глагола *thun* (делать) и в особенности: «*...почему бы нет?— почему бы Вам не сделать мне этого?...*» При этом предполагается, что Мария Анна «отказала» Моцарту. Что ж, возможно. Но как тогда поступить с многочисленными явно двусмысленными пассажами вроде «*s'uni cuni fait*», значение которых до сих пор не расшифровано, безусловно что-то значившими для кузины?

Когда говорят о том, что у молодых людей могло не быть возможности для исполнения, по-видимому, обоюдного желания, хочется напомнить об известной изобретательности влюбленных, свидетельств которой предостаточно в истории и литературе.

А сама Мария Анна — что она отвечала Моцарту в несохранившихся письмах? Были ли они утеряны при частых переездах, сам ли Моцарт уничтожил их или это дело рук Констанцы? Этого мы, по-видимому, никогда не узнаем.

О самой Марии Анне доподлинно известно следующее. С 1780 года за ней ухаживал некто Карл Бернхард фон Фейгеле. Моцарт так отозвался об этом в одном из писем отцу: «*...любопытно, как долго продлится с этим...*». Можно ли это расценивать как свидетельство непостоянства Марии Анны или, наоборот, её «стойкости»? Что мешало Марии Анне, выросшей в Аугсбурге, славившемуся, по отзывам современников, большой свободой нравов, сказать «да» Вольфгангу?

Это «да» было сказано другому. «*Историю двоюродной сестры ты можешь себе представить, — пишет Леопольд Моцарт дочери 21 февраля 1785 года из Вены. — Священник составил её счастье. Как только будет время, я напишу ей отсюда разгромное письмо в Аугсбург, будто бы я узнал об этом в Вене... что все те презенты, которые она получала и которые всему свету бросались в глаза, посылал ей, якобы, дядя из Зальцбурга. Что за честь для меня!*» О том, что католические священники Аугсбурга (да и не только Аугсбурга), связанные обетом безбрачия, соблюдали этот обет формально и не отказывали себе в мирских радостях, существуют многочисленные свидетельства. Одно из них — родившаяся 22 февраля 1784 года внебрачная дочь Марии Анны Теклы Моцарт...

...Мария Анна Текла умерла в 1841 году в Байрейте. Среди имущества, оставленного ею наследникам, была и овальная миниатюра из слоновой кости с портретом В.А. Моцарта, которая находится теперь в Доме Моцарта в Аугсбурге. Обещанный ей кузен в письмах от 3 октября, 5 и 13 ноября 1777 года портрет был получен и хранился ею до самой смерти.

Не стоит подходить к чувствам и поступкам героев этой истории с нашими сегодняшними мерками: кого Смерть, а кого Бессмертие переместили «по ту сторону добра и зла»... Будем просто благодарны судьбе, давшей нам уникальную возможность соприкоснуться с Гением Моцарта в этом неожиданном и незнакомом нам доселе проявлении.

Елена Байер

* Диалектное уменьшительное от Base — нем. двоюродная или троюродная сестра.

** Mozart. Briefe und Autzeichnungen. Gesamtausgabe. Stiftung Mozarteum Salzburg. A.Bauer und Otto Deutsch. 4 Bände. Kassel—Basel — London — New York. Baerenreiter-Verlag. 1962 — 1963.

*** Штефан Кунце, предисловие к W.A.Mozart. Briefe. Ausgewählt und herausgegeben von Stefan Kunze. Philipp Reclam Jun. Stuttgart. 1990.

**** См., например, письмо 109 (697) баронессе Вальдшпеттен.

***** Сравним, например, с более поздними письмами Моцарта жене.

***** Так полагает Альфред Эйнгштейн в монографии Mozart. Sein Charakter und Werk. Fischer. 1978.

1 (361)

Мангейм, 31 октября 1777 г.

Вот тебе и на! Должен написать что-нибудь умственное, а умственного мне ничего в голову не приходит. Не забудьте напомнить господину декану, чтобы он скорее послал мне ноты. Не забудьте Вашего обещания, а я уж точно не забуду. Как Вы могли сомневаться [?!] В следующий раз я напишу Вам совершенно французское письмо, и тогда Вы сможете попросить господина Форстмейстера⁰ онемечить его. Я надеюсь, Вы уже начали учить [французский]? Теперь осталось слишком мало места, чтобы добавить что-либо умное, да и голова заболит, от умного-то. Моё письмо и без того полно умных и учёных вещей. Если Вы уже прочитали его, то должны признать это, а если ещё не читали, то прошу Вас сделать это поскорее: оно принесёт Вам много пользы; над некоторыми строками Вы прольёте горькие слёзы.

2 (364)

Мангейм, 5 октября 1777 г.

Наидражайшая сеструха-страшнуха! Я исправно получил Ваше дорогое для меня послание и из него заключил-закрутил, что г-н Браток-молоток, г-жа Сестрица-крольчица и Вы в отменном расположении духа-муха. Мы также, слава Богу, отменно здоровы-коровы. Сегодня я также исправно получил-заклучил в лапы письмо-клеймо от моего Папа-хаха. Я надеюсь, что Вы тоже получили-отмочили моё письмо-ярмо, которое я написал Вам из Мангейма. Тем лучше — лучше тем! Теперь же кое-что умственное. Мне очень жаль, что г-на Прелата-салата опять хватил удар-кошмар. Однако, я надеюсь, что с Божьей помощью все обойдется без последствий-бедствий. Вы пишете мне-извне, что сдержите Ваше преступление¹, которое дали мне перед моим отъездом из Аугсбурга, и причём скоро-умора. Это меня непременно обряпечалит². Кроме того Вы пишете, да, Вы высказываетесь, Вы открываетесь, Вы оглашаете, Вы сообщаете мне, Вы заявляете, Вы мне намекаете, Вы уведомляете меня, Вы доводите до моего сведения, Вы со всею ясностью провозглашаете, Вы требуете, Вы жаждете, Вы желаете, Вы хотите, Вы вожделеете, Вы приказываете мне тоже послать Вам мой портрет-кларнет. Eh bien³, я Вам его непременно пошлю-навалю. Oui, par ma la foi⁴, насру тебе на нос, так, что у тебя повиснет борода. Кстати, всё ли у Вас ещё спуни-куни-файт⁵? Что?.. Всё ли Вы ещё любите меня?.. Я надеюсь! Тем лучше — лучше тем! Да, вот так на свете этом — кому кошель, а кому монеты. Кого Вы любите больше всех? Меня, не правда ли? Я надеюсь! А теперь и того пуще! Кстати, не хотите ли Вы вскоре снова сходить к г-ну Злато-кузнецу?⁶

Но что там делать? Что? Ничего! Просто спросить про спуни-куни-файт и больше ничего. Больше ничего? Ну-ну, довольно. Да здравствуют все те, те-те-те... как там дальше? Теперь желаю Вам спокойной ночи, в постель насрите что есть мочи; сладко спите, жопу к носу подтяните; я теперь не поленюсь и немного отосплюсь. Мы завтра речь об умном поведем-поблюем. Я сказать Вам куча всего, Вы не мочь поверить; но завтра Вы уже услышать. Между тем будьте здоровы! Ах! Моя жопа горит огнём! Что бы это означало!.. Может быть дерьмо просится наружу? Да-да, дерьмо, я знаю тебя, я вижу тебя и чую тебя... и... Что это?.. Возможно ли?.. О боги!.. Ухо моё, не обманываешь ли ты меня?.. Нет, это он!.. Какой протяжный жалобный звук!.. Сегодня пятое. Вчера я разговаривал с суровой г-жей Курфюрстиной, завтра 6-го буду играть на большой гала-академии, а потом я буду играть специально в *кабинете*, как мне сказала сама фюрстина-кур. Теперь действительно умное!

1 — К Вам придёт письмо (или письма) для меня, так что я прошу Вас, чтобы Вы... чего? Чего-чего? Чевочка с хвостом... На чём я там остановился? Да, правильно, на «придёт». Да-да, они придут... Кто? Кто придёт?.. Да, теперь вспомнил: письма, письма придут... но что за письма? Письма мне, которые я, конечно же, прошу мне переслать. Я сообщу Вам, куда дальше поеду из Мангейма.

Теперь номер 2 - Я прошу Вас, наилюбимейшая дурашка, чтобы Вы (почему бы нет?)... раз уж всё равно Вы пишете мадам Тавернье в Мюнхен, передать от меня поклон мадемуазель Фрейзингер. А почему бы нет?.. Хотел бы я знать — почему бы нет?.. А у младшей, а именно у фрл.Йозефы, я прошу прощения, почему бы нет?.. Почему бы мне у неё не попросить прощения?.. Любопытно! Я не знаю, почему бы нет?.. Итак, я очень прошу её простить меня за то, что до сих пор еще не послал ей обещанную сонату, но я непременно пошлю, как только смогу... Почему бы нет?.. Почему бы нет?.. Что — почему бы нет?.. Почему бы мне не послать её? Почему бы мне не отправить её? Почему бы нет?.. Хотел бы я знать! Я не знаю, почему бы нет?.. Ну, так Вы сделаете мне это одолжение?.. Почему бы нет?.. Почему бы Вам не сделать мне *это!*.. Почему бы нет? Хотел бы я знать! Я ведь тоже сделаю это, если Вы хотите, почему бы нет?.. Почему бы мне не сделать Вам это?.. Хотел бы я знать — почему бы нет? Я не знаю, почему бы нет?.. Не забудьте передать мой поклон Папа и Мама этих 2-х фрл., потому что это серьёзный проступок, если отца и мать забывать, делать, быть, долженствовать. Посему, когда соната будет готова, я пошлю Вам её и с ней письмо; а Вы будете так добры послать оную в Мюнхен. Теперь я должен кончать, что меня очень огорчать. Господин брат, пойдём поскорее к Св.Кресту и посмотрим, может, кто ещё не спит?⁷ Мы не задержимся долго, только отзвоним и ничего более. Сейчас я должен рассказать Вам одну грустную историю, которая только что случилась. Я изо всех сил пишу письмо и вдруг слышу на улице какой-то звук. Я перестаю писать... встаю, иду к окну... и ничего больше не слышу... Я снова сажусь и опять принимаюсь писать... Едва я написал 10 слов, как снова слышу что-то... Я опять встаю... Когда я встаю, то слышу кое-что ещё, совсем слабо... Но я чувю: что-то пригорело... Куда я ни пойду, всё воняет. Как подойду к окну — запах пропадает. Как обернусь назад в комнату, запах снова усиливается... В конце концов Мама говорит мне: готова поспорить, ты подпустил?... Я не думаю, Мама. Да-да, это точно так. Я делаю пробу: засовываю палец в жопу и — к носу. И... *Ecce Provatimi est*⁸. Мама была права. Ну, будьте отменно здоровы, 10000 раз целую Вас и остаюсь во все времена

старый-молодой Свинёша

Вольфганг Амадей-Святоша

От нас обоих путешествующих — тысячу поклонов г-ну брату и его жене,

всем моим дорогим друзьям —

мой привет-штиблет;

**333 до гроба, если проживу так долго. Мйегнам ог-5 ярбятко 7771 (*recte*⁹ «ярбяон»)¹⁰

3(371)

Мангейм, 13 ноября 1777 г.

Теперь напиши ей умное письмо. Ты можешь, однако, писать и шутки, что ты, якобы, все ее письма исправно получил; чтобы она не горевала. *Ma très chère Nièce! Cousine! fille! Mère, Soeur, et Epouse!*¹¹

Гром, небо, тысяча чертей, круатов¹² тяжкий жребий, бесы, ведьмы, кикиморы, крестный батальон и без конца — гром, воздух, вода, земля и огонь, Европа, Азия, Африка и Америка, иезуиты, августинцы, бенедиктинцы, капуцины, минориты, францисканцы, доминиканцы, картронцы¹³, и св. крест Господний, каноники регулярные и нерегулярные, и все ленивцы, подлецы, собачьи дети, наглецы и хвосты друг через друга, ослы, волы, быки, дураки, барсуки и лисы! Что за манеры, 4 солдата и 3 бандельеры¹⁴, каков пакет, но где портрет?.. Я с нетерпением предвкушал... я был совершенно уверен... потому как Вы недавно сами написали мне, что я его скоро, даже очень скоро получу. Может быть, Вы сомневаетесь, сдержу ли я своё слово? Мне не хотелось бы думать, что Вы в этом сомневаетесь! Я прошу Вас, пошлите мне его, чем скорее, тем лучше. Надеюсь, что он будет таким, как я хотел, то есть во французском наряде. Как мне нравится в Мангейме? Так, как может нравиться там, где нет сеструхи. Простите меня за плохой почерк — перо старое. Скоро уже 22 года как я еру из одной и той же дыры, но до сих пор ее не порвал! А уж как я часто срал... и дерьмо зубами отгрызал. Я надеюсь, что Вы, напротив, как обычно, исправно получили мои письма. А именно — одно из Хоэнтальт-хайма и 2 из Мангейма, и, как обычно, третье из Мангейма, и в общей сложности 4, как обычно. Теперь я должен кончать, как обычно, потому что ещё не одет, а мы сейчас будем есть, чтобы потом срать, как обычно. Вы всё ещё любите меня, как я Вас[?]. Так мы никогда не перестанем любить друг друга, даже если лев, таящийся повсюду в крепостных стенах, когда сомненья тяжкая победа уже была близка, и тирания бесчинствовавших на нет сходила, так часто Кодрус¹⁵, в философии искусный, пожирает мерзость, и римляне, моей опора жопы, теперь, всегда были и навсегда пребудут... бесплатно. Adieu, jespère que vous aures daja pris quelque lection dans cette langue française, et je ne doute point, que Ecountes: que vous saures bientôt mieux le français, que moi; car il y a cartainement daux ans, que je nai pas écrit un mot dans cette langue, adieu cependant. je vous baise vos mains, votre — — afin, tout ce que vous me permettes de baiser, je suis de tout mon coeur votre

Mannheim, le 13 Nov 1777: très affectione Neveu et Cousin¹⁶ Вольфг: Амадей Моцарт

4(384)

Мангейм, 3 декабря 1777 г.

Ma très chère Cousine!¹⁷

Прежде чем написать Вам, я должен сходить на двор... Теперь дело сделано! Ах, как стало снова легко на сердце! Словно камень с души свалился! Теперь снова можно лакомиться! Если опорожнился, то можно жить в своё удовольствие. Я исправно получил Ваше послание от 25 нояб. Если бы Вы не написали, что у Вас-де болит голова, горло и руки, и что у Вас теперь, сейчас, в настоящий момент больше ничего не болит, то я исправно получил бы Ваше послание от 26 нояб. Да-да, моя любимейшая девица-сестрица, вот так на свете этом: кому кошель, а кому монеты. Чем Вы держите это? [в оригинале нарисована рука] Не правда ли? Хур-са-са! Кузнец, поддержи мне, молодец, но не жми, поддержи, но не жми, мне жопу оближи... Воистину, кто верит, тому воздастся, а кто не верит, тот в рай попадёт; но попадет напрямик, а не так, как я пишу. Так что Вы видите, что я могу писать, как захочу — красиво и дико, прямо и криво. Когда я зло шутил, то писал прямо и серьёзно. Сегодня я в хорошем настроении и пишу криво и весело. Теперь всё зависит от Вас — что Вам больше нравится. Вам придётся выбирать одно из двух, ибо у

меня нет возможности красиво или дико, прямо или криво, серьёзно или весело, 3 первых слова или 3 последних. Я ожидаю Вашего решения в следующем письме. Моё решение принято. Если приходит нужда, то я иду. Однако, как я это делаю, зависит от обстоятельств — если я расслаблен, то я бегу, а если я уж совсем не могу сдержаться, то еру в штаны. Огуречик-огуречик, не ходи на тот кончик, там мышка живёт — тебе хвостик отпрызет¹⁸. Я Вам, Ваше Любимое Девичество Сестрица, весьма признателен за привет от фрейлейн Фрейзингер, который так любезно передала мне дорогая фрл.Юлиана. Вы мне пишете, что я, якобы, знаю ещё многое. Что слишком — то слишком. В одном письме я признаю, что это уж слишком, но постепенно можно было бы писать многое. Поймите меня, с сонатой нужно ещё немного потерпеть. Если б это было для Сеструхи, то было бы уже давно готово... И кто знает, помнит ли ещё мадемуазель Фрейзингер об этом... Независимо от этого я всё же сделаю её как можно скорее, приложу к ней письмо и попрошу мою дорогую Сеструху всё это исправно передать. Между прочим, с тех пор как я уехал из Аугсбурга, штанов я не снимал... Разве что ночью, перед тем как ложиться в постель. Интересно, что Вы подумали, почему я ещё в Мангейме [?]. Да потому что я ещё никуда не уехал! Однако, теперь я думаю, что Мангейм скоро уедет. Однако, Аугсбург по-прежнему может писать мне из Вас и адресовать письма на Мангейм до последующего уведомления. Господин Братец, г-жа Сестрица и Девица-Сестрица беспокоятся о моей маме и обо мне. Они уже боялись, не болеем ли мы, потому что от нас так долго не было писем. Позавчера они наконец-то были обрадованы нашим письмом от 26 но-яб., а сегодня 3 декаб. они имеют удовольствие ответить мне. Выполню ли я обещанное Вам? Это радует Вас. Не забудьте только сочинить Мюнхен для сонаты, потому что раз уж выполнил, надо пообещать. Надо всегда быть словом своему хозяину. А теперь — умственное. Коротенько расскажу Вам кое-что: сегодня я обедал не дома, а у некоего месье Вендлинга. Надобно Вам знать, что он всегда обедает в половине 2-го, женат и имеет дочь, которая всегда нездорова. Его жена поёт в будущей опере, а он играет на флейте. Так вот представьте себе: в половине 2-го мы все, кроме дочки, которая оставалась в постели, сели к столу и обедали. Всем моим дорогим друзьям и подругам — полную жопу поклонов от нас обоих. Вашим родителям — смотрите стр. 3, строку 12. Ничего нового больше не знаю, кроме того, что старая корова насрала нового дерьма. Засим addieu, Анна-Мария-Замочница, урожденная Ключеделка. Будьте отменно здоровы и всегда любите меня; напишите мне поскорей, потому как страшный холод на дворе. Обещание сдержи, а не то меня стошнит, addieu, mon Dieu, я тысячу раз целую Вас и остаюсь взорвусь и провалюсь

Мангейм

Декабря 3-тье

Ma très chère Cousine, не вздыхай

Вы ездили в Берлин?

Брат Ваш, Вам преданный до гроба

В.А. Моцарт

сегодня не Сретенье при чудной и плохой погоде

1777 пишу в ночи

отныне и во век

трудное дело посрать

Аминь!

Mademoiselle ma très chère Cousine!

Возможно Вы подумали или даже считаете, что я уже скончался! Я помер! Или издох? Но нет! Не думайте так, прошу Вас, потому как подумать и посрать — вещи очень разные! Как бы я мог так чудесно писать, если бы я был мёртв? Как это было бы возможно? За моё столь долгое молчание я совершенно не желаю извиняться, потому что Вы мне тогда вовсе не поверите. Однако, что было правдой, правдой и останется! У меня было так много дел, что хотя и было время думать о сеструхе, но времени написать не было. Посему я был вынужден этого не делать.

Теперь же я имею честь задать вопрос: как Вы изволили поживать, регулярно ли ходили на двор? Не мучит ли Вас запор? Любители Вы меня ещё? Между делом, часто ли пишете мелом? Вспоминали ли Вы обо мне хоть иногда? А повеситься пока ещё не желали? Не злились ли Вы на меня, несчастного дурака? А если не хотите кончить добром, то, клянусь честью, обещаю Вам громкого подпустить! Что, Вы смеётесь? Виктория! Я победил! Я так и знал, что Вы не сможете дольше сопротивляться. Да-да, я уверен в себе, и даже если сегодня обосрусь, то всё равно через 14 дней в Париж соберусь. Так что если захотите ответить из города Аугсбурга, пишите мне поскорее, чтобы я успел получить письмо. Иначе, если я к тому времени уже уеду, то вместо письма получу дерьма! Дерьмо! О дерьмо! Сладкое слово! Дерьмо! Попробуй его! Чудесно! Дерьмо, попробуй его! Дерьмо! Возьми, лизни — о *charmante*!¹⁹ Дерьмо! Возьми, лизни! О радость! Дерьмо, попробуй его, возьми, лизни! Попробуй дерьмо, лизни его!.. Теперь о другом. Хорошо ли Вы веселитесь на карнавале? В Аугсбурге сейчас веселее, чем здесь. Хотел бы я быть у Вас, чтобы, как следует, попрыгать с Вами. Моя мама и я, мы оба кланяемся г-ну Брату и госпоже Сестре, а также сеструхе, и надеемся, что все Вы 3 отменно здоровы и в хорошем расположении духа. Мы — да, слава Богу. Этому не верь. Тем лучше — лучше тем. Кстати: как дела с французским языком? Могу ли я вскоре написать совершенно французское письмо? из Парижа, не правда ли? Скажите же мне, всё ли у Вас ещё спуникунифайт? Я надеюсь. Теперь мне уже пора заканчивать, потому что я тороплюсь — ведь у меня нет совершенно никаких дел; а ещё потому, что места уже не осталось: как Вы видите, бумага уже кончилась, да к тому же я и устал. Пальцы мои горят от непрерывной писанины. И, наконец, даже если бы и было место, то я не знаю, что бы ещё такое написать, кроме одной истории, рассказать которую я Вам собираюсь. Так слушайте. Это случилось не так давно. Произошло это в здешних местах и наделало много шума, поскольку выглядело совершенно невероятным. Между нами говоря, ещё не известно, чем всё это дело кончилось. Короче говоря, это было часах в 4-х отсюда, точного места я уже не помню. В общем, это была деревня или что-то в этом роде. Это всё равно, было ли это в Триб-стериле, где дерьмо стекает в море, или в Бурмесквике, где в задницах нарезают кривую резьбу — одним словом, это был некий город. Там был пастух, пасущий овец, который был уже довольно стар, но, однако, ещё крепок и при этом выглядел довольно бодрым. Был он холост, с достатком и жил в своё удовольствие. Да, я ещё должен Вам сказать, прежде чем закончу эту историю, что звук его голоса был ужасен; было очень страшно, когда он говорил. Ну, короче говоря, Вы должны знать, что у него был пёс, которого он называл Беллот. Очень красивый большой пёс, белый с чёрными пятнами. И вот в один прекрасный день шёл он со своими овцами, коих у него было 11 тысяч, и в руке у него был посох с красивой розовой лентой, потому что он никогда не ходил без посоха. Таков уж был у него обычай. Теперь дальше. Поскольку он шёл уже больше часа, то устал и присел у реки.

Тут он уснул, и ему приснился сон, будто он потерял своих овец. От страха он проснулся и, к своей великой радости, увидел, что все его овцы на месте. Он встал и пошёл дальше, но шел не долго, потому что не прошло и получаса, как они подошли к мосту, который был очень длинный, но с обеих сторон хорошо защищен, чтобы с него нельзя было свалиться. Тут он оглядел своё стадо и, поскольку ему нужно было перейти на другую сторону, он начал загонять на мост все свои 11 тысяч овец. Теперь имейте терпение и подождите, пока все 11 тысяч овец переберутся на другой берег, если Вы хотите дослушать до конца всю историю. Я уже говорил, что развязка еще не известна, но я надеюсь, что пока пишу Вам это письмо, они уже будут на другом берегу. Если же нет, то мне это тоже довольно безразлично. По мне, они могли бы оставаться там, где были. А Вам придётся довольствоваться тем, что здесь написано. Всё, что мне об этом известно, я Вам рассказал. И будет лучше, если я на этом останавлиюсь, чем стану что-нибудь привирать: ведь тогда Вы не поверили бы всей этой истории, а так — Вы не поверите только половине. Теперь я должен кончать, даже если это будет меня огорчать, кто начал — должен и кончать, не то это будет людям мешать. Передайте поклон всем мои друзьям, а кто мне не поверил, пусть облизывает мне задницу, отныне и во веки веков, пока я не поумнею. Так что работы ему хватит надолго. А мне придется позаботиться, чтобы ему хватило моего дерьма, и он не остался без лакомства. Adieu, сеструха. Я есть, я был, я был бы, я всегда был, я уже давно был, если бы я тогда был, о чтоб мне быть, если бы я милостью Божьей был, я стал бы, я стану, если бы я стал, о чтоб я стал, милостью Божьей, если бы я тогда был, кем? — занудой.

addieu ma chère Cousine²⁰, не грусти без причин! — Ваш истинный брат

Вольфганг Амадей Моцарт

Мангейм, 28 февр. 1778 г.

6 (551)

Кайзерсхайм, 23 дек. 1778 г.

Ma très chère Cousine!

В большой спешке, с полным раскаянием и сожалением и с твёрдой решимостью пишу я Вам и сообщаю новость, что завтра я отправляюсь в Мюнхен. Любимая сеструха, не будь страшнухой! Я бы с удовольствием [направился] в Аугсбург, уверяю Вас, да только г-н Рейхс-прелат не пожелал меня отпускать, за что я не должен его презирать, это было бы против закона Божьего и природы; кто думает иначе, тот б-дь. А посему — такие вот дела. Может быть я заскочу в Аугсбург по пути из Мюнхена; только это не точно. Если Вам также хочется видеть меня, как и мне Вас, то приезжайте в чудный город Мюнхен. Постарайтесь ещё до Нового года сюда поспеть, чтобы мне Вас спереди и сзади осмотреть. Я Вас хочу по городу поводить, и если нужно, то и клистиром угостить. Об одном только сожалею, что не могу Вас у себя поселить, потому что я не в гостинице, а у... где? Хотел бы я знать. Теперь шутки а part²¹. Мне важно, чтобы Вы приехали, потому что Вам, возможно, придётся сыграть большую роль. Так что приезжайте точно, а то срано очень. Я собственной персоной буду Вам угождать, Вам жопу подтирать, задницей в цель стрелять, кого-нибудь оскорблять, Вас спереди и сзади клистировать; всё, что я Вам должен, до волоска возвращу, смело громкого подпущу, а возможно даже кое-что упущу. Теперь adieu, мой ангел, сердце моё, с тоской ожидаю ее.

Напишите мне тотчас в Мюнхен Poste restante небольшое письмишко странички на 24, но не пишите мне, где Вы остановитесь, чтобы я Вас, а Вы меня не нашли.

P.S.: Сраный дибитарий родемпльский поп

вылизал своей кухарке жопу, другим для примеру чтоб.

Vivat — vivat —votre sincere Co[usin]²² B.A. [Mozart]

Ma très chère Cousine!

Вы так мило ответили на моё последнее письмо, что я не знаю, где найти слова, чтобы выразить Вам свою благодарность и вновь заверить Вас, каков я

Ваш покорнейший слуга и откровенный брат

ВОЛЬФГАНГ АМАДЕЙ МОЦАРТ

Я охотно написал бы Вам больше, только, как Вы видите, тут слишком мало места adieu adieu

Теперь же — шутки и серьёзное. Вы на этот раз должны простить меня, что я не отвечаю на Ваше письмо вопрос за вопросом, и разрешить мне написать только самое необходимое. В ближайшее время я по возможности постараюсь исправить свою ошибку. Прошло всего 14 дней, как я ответил месье Бёму. Мне важно знать, не пропало ли моё послание, о чём я бы очень сожалел, потому как я слишком хорошо знаю, что месье Бём целыми днями очень занят. Как бы там ни было, я в любом случае прошу Вас, мой милый чудик, передать ему тысячу поклонов. И я жду от него знака — ария готова. Я слышал, что Муршхаузер тоже болен. Это правда? Это было бы нехорошо для месье Бёма. Ну, дорогая, исправно ли Вы посещаете театр даже в град и дождь, раз уж Entree²³ свободный? Нового написать Вам ничего не могу, кроме того, что умер Хагенауэр (у которого Вы, моя сестра, и я пили шоколад в комнатке на балконе). Большая потеря для отца. Его брат Йоханнес (тот, что женат) склонен к безделью и полностью полагался на усопшего брата; теперь он должен сам заниматься делами, что ему несколько не по душе. Ну, моя любимейшая, дражайшая, прекраснейшая, благоразумнейшая и достойнейшая любви, немедленно ответь мне! Ни о чём не прошу, кроме как о новостях в Вашем доме и в других домах, от которых Вы передаёте мне поклоны. Кланяюсь обратно вдвойне. Adieu. В следующий раз [напишу] целый лист, но только получив сначала от Вас, Сокровище моё, целую книгу. Adieu от моего отца-Папа и моей сестры Зизи-бы. Всего наилучшего Вашим родителям и нам троим: 2-м мальчишкам и одной девчонке. 12345678987654321 поклон всем дорогим друзьям: от меня 642, от моего отца 100 и от сестры 150; всего 1774, а summa summarum²⁴ - 12345678987656095 поклонов.

8 (525)

Зальцбург, 10 мая 1780 г.

De Salzburg a Mademoiselle Marie / Anne de Mozart ph: a Augsburg в Швабии/

Отдать в улице Иезуитов/par Munie

Любимейшая, дражайшая,
прекраснейшая, достойнейшая.

милейшая,

Зальцбург 10 мая

1709

аннус²⁵

от некоего недостойного брата,

доведшего до белого каления

сеструльку или виолончельку

оближи мне анус

хорошо

на здоровье

Смогу ли я, Иоганнес Хризостомус Сигизмундус Амадеус Вольфгангус Моцартус, смягчить Ваш, милейшая красавица (visibilia и invisibilia²⁶), гнев, который наверняка поднялся на высоту целого каблука, смягчить или сделать мягким: вот вопрос, на который я хочу ответить: — гнев смягчать — это значит делать мягким, не огорчать. Я по натуре весьма мягок, хотя горчицу люблю, особенно к говядине²⁷. Что касается Лейпцига - дело верное, хотя месье Фейгель-тёртый²⁸ станет утверждать, или умягчать, что из этого паштета ничего не выйдет. А мне в это поверить невозможно — это не стоит того, чтобы за ним наклоняться. Да если б то был кошель полный конвенцён-крейцеров, тогда можно было бы, наконец, взять, поднять или даже подцепить. Поэтому, как я сказал, я не могу отдать это иначе. Это самая реальная цена — торговаться я не позволю, потому как я не баба. Засим о-ля-ля! Да, моя милая виолончелька! Вот так на свете этом — кому кошель, а кому монеты, а у кого нет ни того, ни другого, у того нет ничего, а ничего — это примерно столько же, как очень мало, а

а мало — это не много. Следовательно, ничего — это всегда меньше, чем мало, а мало — всегда меньше, чем не много, и много — всегда больше, чем мало, и так оно было, есть и будет. Письму конец, запечатываю и отсылаю далеко-далеко Фейгеле: Ваш покорнейший и верноподданнейший

слуга-иждивенец,
мой анус пока что не венец.

Оставим это. V.S.P.S.: — Скажите мне, моя дорогая, прошу Вас ради Бога — уехала ли уже Богемская трупца?! Она уже наверняка в Ульме, не правда ли? О, уверьте меня, заклинаю Вас всем, что свято. Боги видят, как я откровенен. Как там живет Дверной Михель?²⁹ Пусть в жопу мне пошлет метель! Как Фохту живётся с его женой? Не зашиб ли ее он скобою Дверной? Вопросы идут сплошной чередой!

Нежная ода!

О, дивная картина!
Сеструлька предо мной,
Но слёзы проливаю:
Портрет - лишь образ твой.
Я в сумерках и ночью, когда взойдёт луна,
Взгляну и зарыдаю — ведь это не она!
И тех долин цветами, что я тебе сорву,
Душистых мирт ветвями, что я тебе сплету,
Портрет я заклинаю:
Виденье, превратись,
О превратись, виденье,
Сеструлькой обратись³⁰.
finis coronat opus³¹, благородный фон Свинохвост.

[Здесь в тексте письма следует «портрет» кузины, нарисованный и прокомментированный Моцартом]

От меня и всех нас поклоны Вашему господину производителю и г-же производительнице. А именно — давшему себе труд сделать Вас и той, что позволила это с собой сделать. Adieu — Adieu — Ангел. Со следующей почтой напишу больше и в добавок еще что-нибудь серьезное и необходимое. Засим остаемся, до след. запроса. Adieu — Adieu — Ангел.

9 (635)

Вена, 23 октября 1781 г.

à Mademoiselle Mademoiselle Mariearme Mozart à Аугсбург на улицу Иезуитов
Ma très chère Cousine!

Я всё это время с нетерпением ждал Вашего письма, дорогая сестра — каким-то оно будет! И как я его себе представлял, таким оно и вышло. Ибо после того как я 3 месяца ничего не писал, я не смог бы больше писать, даже если бы палач стоял за моей спиной с обнаженным мечом. Я по необходимости должен был ждать Вашего письма, ибо я не знал что, почему, как, когда?

Между тем, как Вам, наверное, известно, со мною произошли многие важные события. У меня было над чем подумать и было много огорчений, неприятностей, печалей и забот, которые и в самом деле могут послужить извинением моему долгому молчанию. Что же касается всего остального, то должен сказать, что сплетни, которые обо мне распространяют, частью верны, но частью ложны. Большого в настоящий момент ничего сказать не могу, разве что скажу для Вашего успокоения: я ничего без причины, а именно, без основательной причины не делаю. Если бы Вы выказали мне больше дружбы и доверия и [обратились] прямо ко мне, а не к кому-то другому, а именно... (однако, довольно!). Если бы Вы обратились прямо ко мне, то наверняка знали бы больше, чем кто-либо другой, даже больше, чем я сам, если, конечно, такое возможно! Однако, чтобы не забыть — будьте так добры, любимейшая, дражайшая сестра, передайте прилагаемое послание г-ну Штейну и попросите его, чтобы он сразу ответил на него или по крайней мере пусть скажет Вам, что Вы должны написать мне. Я надеюсь, что наша переписка, милейшая сеструха, только теперь и начнётся! Если письма Вам обходятся не слишком дорого! Если Вы, как я надеюсь, окажете мне честь ответом, то шлите свое письмо по прежнему адресу, а именно, на Петере, в «Божьем глазе», в 3-ем этаже. Я, правда, там больше не живу, но на почте этот адрес уже настолько известен, что если бы письмо было адресовано прямо на мою квартиру, то я получил бы его на день, а то и пару дней позже. Ну, будьте здоровы, милейшая, дражайшая сестра! И сохраните ко мне Вашу столь дорогую мне дружбу. В моей же будьте совершенно уверены. Остаюсь вечно,

Ma très chère Cousine,

Ваш откровенный брат и друг

Вольфганг Амадей Моцарт

P.S. Мой поклон Вашему г-ну Отцу и г-же Матери, а также фрл.Юлиане. Мадам Вебер вместе с 3 её дочерьми кланяется Вам и просит Вас об одолжении. Господин Бартоломей, переплётчик (которого Вы, без сомнения, знаете), желал получить портрет Алоизии, теперешней Ланге, чтобы сделать с него гравюру. В будущем марте будет уже 2 года, как ни о портрете, ни о его оплате нет известий. А в прошлом марте было обещано его возвратить. Мадам Вебер просит Вас таким образом немного разузнать, каково её положение. NB: это именно тот портрет, который был у барона Гётца в Мюнхене. Мне кажется, Вы тоже его видели. Так что очень нехорошо с его стороны, что он, никого не известив, передает в чужие руки. Adieu ma chère, напишите мне скорее.

Vienne le 23 doctobre³² 1781

⁰ Изменив первую часть в слове Уотшмейстер, Моцарт переделал его в «*форстмейстер*» — Лесничий.

¹ Умышленная описка: fersprechen (Verbrechen), превратившая «обещание» в «преступление».

² Freuen — reuen: убрав первую букву глагола «радоваться», Моцарт превращает его в «сожалеть, раскаиваться».

³ Ну, хорошо (*фр.*).

⁴ Par ma foi — признаюсь (*фр.*).

- ⁵ До сих пор не расшифровано (см. *Предисловие* к «Письмам к Кузине»). «*Srini cuni faib*» встречается также и в более поздних письмах Моцарта, адресованных жене...
- ⁶ Перевод фамилии Goldschmidt. У Моцарта — Gotó-schmid.
- ⁷ Здесь Моцарт пародирует текст письма кузины: «Господин Кузен, пойдёте же скорее к монастырю Св.Креста, чтобы посмотреть, может быть, кто-нибудь ещё не спит».
- ⁸ Зд.: Так и есть! (Буквально: Доказано!) (*лат.*)
- ⁹ Правильно (*лат.*)
- ¹⁰ Слова следует читать справа налево, т.е. Мангейм и т.д.
- ¹¹ Моя племянница! Кузина! Дочь! Мать! Сестра и супруга! (*фр.*)
- ¹² Хорватов.
- ¹³ Chartreux — Монашеский орден во Франции.
- ¹⁴ Старинная система ремней для ношения оружия.
- ¹⁵ Пародия на театральную пьесу «Кодрус», где мудрый философ часто вместо овсяной каши ест грязь. (Комментарий к полному собранию переписки Моцарта «Mozart. Briefe und Aufzeichnungen, Gesamtausgabe» DeutschEibl, Kassel, 1962).
- ¹⁶ Прощайте. Надеюсь, Вы уже взяли несколько уроков французского. Послушайте, Вы скоро будете знать французский лучше меня, поскольку я уже два года как не написал ни одного слова на этом языке. Пока прощайте. Целую Ваши ручки, Вашу..., наконец, все, что Вы разрешите мне целовать. Остаюсь Ваш горячо любящий племянник и кузен (*фр.; с ошибками*).
- ¹⁷ Моя дорогая кузина (*фр.*).
- ¹⁸ В оригинале следует южно-немецкая присказка «Behuete dich Gott Fuß, auf dem Fenster liegt d’Hachsen», перевод которой затруднён игрой слов, и которая не имеет большого значения в этом контексте. По-видимому, эта присказка часто повторялась в семейном кругу.
- ¹⁹ Очаровательно! (*фр.*)
- ²⁰ Прощай, моя кузина (*фр. с ошибками*).
- ²¹ Шутки в сторону (*фр.*).
- ²² Искренне Ваш кузен (*фр.*).
- ²³ Вход (*фр.*).
- ²⁴ Общая сумма (*лат.*).
- ²⁵ annus — год (*лат.*).
- ²⁶ «...видимое и невидимое» (*лат.*, цитата из канонического текста Мессы).
- ²⁷ Здесь в оригинале игра слов, построенная на частичном сходстве звучания ряда: sanft — besaenftigen - Saenfte — Senf: мягкий — смягчать (чей-либо гнев) — носилки-паланкин-горчица.
- ²⁸ Карл Бернхард фон Фейгеле из Кемптена, познакомился с семьёй Моцартов в Зальцбурге, где он учился в университете. Его отношения с Марией Анной Теклой (кузиной) установились, по-видимому, уже в 1780 г. Моцарт рассматривал этот роман как недолговечный: «Мне только любопытно, как долго продлится с этим». Видимо, Бэсле была известна своими краткосрочными романами.
- ²⁹ Тура (Дверной) Михель - в 1616 г. статуя св. Михаила помещалась над часами аугсбургской колокольни Перлахтурм.
- ³⁰ См. Предисловие к «Письмам к кузине».
- ³¹ Конец — делу венец (*лат.*).
- ³² Вена, 23 октября (*фр.*).